

Серия «Научно-популярная литература»

М. Ш. Файнштейн

**ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ**
Историко-литературные
очерки

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ
М. Ш. Файнштейн

«Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Литературоведение и языкознание»

М. Ш. Файнштейн

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Историко-литературные очерки

Ответственный редактор:

С. А. ФОМИЧЕВ

ЛЕНИНГРАД

«НАУКА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1 9 8 9

Пушкинский кабинет ИРЛИ

М. Ш. Файнштейн

Писательницы пушкинской поры (историко-литературные очерки). — Л.: Наука, 1989. — 175 с. — (Серия «Литературоведение и языкознание»).

В книге рассказывается о русских писательницах, творивших в интереснейший период отечественной культуры — пушкинскую эпоху. Автору, использовавшему опубликованные и архивные материалы, удалось воссоздать разнохарактерные судьбы как достаточно известных литераторов — З. А. Волконской, К. К. Павловой, Е. П. Ростопчиной, так и многих забытых современниц Пушкина, увидеть поэта их глазами, найти «пушкинские страницы» в их творчестве.

Книга рассчитана не только на ученых — литературоведов и историков, но и на широкий круг читателей, интересующихся историей русской литературы и культуры.

Рецензенты:

Н. Н. МОСТОВСКАЯ, О. С. МУРАВЬЕВА

На обложке —

Г. Г. Мясоедов. «Адам Мицкевич, импровизирующий Пушкину в салоне З. А. Волконской» (1907)

Ф $\frac{4603020101-507}{054(02)-89}$ 89-84 (НП)

ISBN 5-02-027925-0

© Издательство «Наука», 1989 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Предисловіе

Эта книга о писательницах, чей талант развивался в годы, когда вся Россия зачитывалась чудесными элегиями молодого Пушкина, затем «Евгением Онегиным», «Борисом Годуновым», «Полтавой», сказками, с нетерпением ожидала выхода его новых повестей, исторических трудов, номеров «Современника». Мы знаем, как нелегко складывалась судьба поэта. И все же творческий путь женщин — его коллег по поэтической и писательской лире более тернист. Не всегда понимаемые современниками, почти все они были забыты. Да и в наше время имена лишь очень немногих из них можно найти в многотомных «историях» русской литературы или энциклопедических словарях.

Но писательницы пушкинской поры все же являются нам из забвения: на страницах старых справочников или недавно вышедших художественных альбомов, среди портретов современников великого поэта на выставках, посвященных такому притягательному и по-прежнему загадочному пушкинскому времени, и даже на театральных афишах. Интерес к ним можно объяснить попытками найти в прошлом истоки многих процессов; происходящих в нашей культуре сегодня, подчеркнуть неразрывную связь времен, нашу ответственность перед будущим.

Труден был путь русской женщины в литературу. В России недоброжелательно относились к любым проявлениям социальной активности «слабого пола», особенно в литературе. Этот взгляд разделяли и многие лучшие люди того времени. «Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женою и матерью», — писал в начале своей деятельности В. Г. Белинский, будущий страстный ревнитель женского равноправия (6, т. 1, с. 226).^{*} Сложное общественное по-

^{*} Здесь и далее см. список литературы и источников, помещенный в конце книги.

ложение писательниц в условиях военно-полицейского режима Николая I определил критик Иван Киреевский. На страницах одесского альманаха «Подарок бедным» (1834) он сетовал на общество, привыкшее видеть в женщине лишь «полуигрушку»: «Предрассудок против писательниц еще во всей силе. Он задавил, может быть, не один талант, обещавший новую красоту нашей литературе и, может быть, новую славу» (28, т. I, с. 119). Несмотря на столь грустное положение, женщины-писательницы пушкинской поры своей славы достигли. Это подтверждала и довольно капризная критика.

В конце 1810-х—середине 1830-х гг. в литературе насчитывалось около тридцати женских имен. О некоторых из них — ярких литераторах с необычной судьбой — знают и сегодня. Это Э. А. Волконская, Н. А. Дурова, К. К. Павлова, Е. П. Ростопчина. Лишь узкому кругу специалистов-литературоведов известны Е. В. Аладьина, Е. Г. Андреева, А. Н. Арцыбашева, Е. Бездольная, А. П. Глинка, М. Б. Даргомыжская, А. П. Елагина, А. П. Зонтаг, А. В. Зражевская, А. О. Ишимова, И. С. Кони, Л. Я. Кричевская, О. П. Крюкова, Е. Лебедская, В. С. Миклашевич, Е. М. Фролова-Багреева, А. А. Фукс, Л. А. Ярцова. Около десяти писательниц издавали свои произведения под псевдонимами.

Творчество наших героинь имело свой, особый репертуар тем. Среди женщин-авторов были поэтессы и прозаики, создававшие произведения для детей, исторические романы и повести, драматурги, переводчицы, даже критики и публицисты. Разным было их материальное и общественное положение. Но и аристократок, хозяек блестящих литературно-артистических салонов, и писательниц, добывавших себе средства к существованию только пером, роднило одно — стремление к социальному, духовному и творческому равноправию, воспитанию общества в духе гуманности.

Женская литература 10—30-х гг. прошлого века исследована совершенно недостаточно, и в этом не последнюю роль играет крайняя скудность биографических материалов. Поэтому в настоящей книге и предпринята попытка познакомить читателей с биографиями тех, о ком современники писали как о литературных феноменах.

В книге освещаются трагические судьбы Е. Б. Кульман и А. В. Зражевской, рассказывается о московских писательницах и поэтессах — хозяйках знаменитых салонов — Э. А. Волконской, К. К. Павловой, Е. П. Ростопчиной, о менее известных — Е. А. Тимашевой, Н. С. и С. С. Тепловых, М. А. Лисицыной, а также живших в провинции А. И. Готовцевой, О. П. Крюковой, А. А. Фукс, о женщинах, проявивших себя на поприще создания литературы для детей, — А. П. Зонтаг, А. О. Ишимовой, Л. А. Ярцовой и, наконец, о Н. А. Дуровой, занявшей почетное место на страницах пушкинского «Современника».

Конечно, многие из представленных здесь имен достойны большего внимания, но из-за ограниченности объема книги биографии писательниц изложены сжато.

Автор выражает глубокую признательность Б. Л. Бессонову, В. Э. Вацуре, Ю. А. Виноградову, А. С. Мыльникову и С. А. Фомичеву, помогавшим ему в ходе работы над книгой советами и замечаниями.

«Ее поэзия любила...»

(Е. Б. Кульман)

«Елизавета Кульман принадлежит к лицам, которых имена удерживаются в памяти как прекрасное местоположение там, где оно встречается редко, как светлый день во глубине нашего мрачного и неприязненного Севера. Оно бесспорно — необыкновенное явление в нравственном мире», — так в 1835 г. писал видный литератор, профессор Петербургского университета А. В. Никитенко в биографическом очерке, посвященном молодой поэтессе (32, с. 41). Очерк появился в печати к десятилетию со дня смерти талантливой девушки. К этому времени ее имя, недавно еще никому не известное, стало очень популярным. В России и за рубежом заговорили о «феномене» Кульман. Пишут и вспоминают о ней и сейчас. Обратимся же и мы к страницам жизни молодой поэтессы.

Елизавета Борисовна Кульман родилась 5 июля 1808 г. в Петербурге в семье отставного капитана. Ее предки переселились из Эльзаса в Россию еще в начале XVII в. и с тех пор верой и правдой служили ей. Их имена можно встретить в анналах истории Северной войны и русско-турецких войн XVIII в. Не была исключением жизнь и судьба отца поэтессы — Бориса Федоровича Кульмана. Он сражался под началом П. А. Румянцева-Задунайского и А. В. Суворова, особенно отличился в битве при Кагуле (1770). Но многочисленные раны вынудили его уйти в отставку, и он перешел в гражданскую службу с чином коллежского советника. К моменту рождения Елизаветы семья Кульманов уже насчитывала семь сыновей и одну дочь. Старшие братья девочки, выбрав, как и отец, военную стезю, участвовали в войне с Наполеоном в Германии (1806—1807), Отечественной войне 1812 г., заграничных походах русской армии. Павел и Александр отличились в сражении при Прейсиш-Эйлау

(1807), а впоследствии — при Рущуке (1810), где и погибли. Николай храбро сражался и пал в знаменитой Битве народов (1813). Не пощадила война и остальных братьев: получив тяжелые ранения, они стали инвалидами.

После смерти мужа положение бедной вдовы стало поистине ужасным — семья осталась почти без средств. Мизерной пенсии едва хватало, чтобы свести концы с концами. Хорошая, деятельная хозяйка, мать маленькой Елизаветы трудилась с утра до поздней ночи, не гнушаясь никакой работой: чтобы добыть кусок хлеба, бралась и за стирку, и за шитье. Кульманы жили в небольшом домике на Васильевском острове, снятом для них родственницей. «...Это была такая убогая лачуга, каких и в провинции не найдется. Флигель почернел и весь покосился набок; тусклые стекла его крошечных окошек были по большей части выбиты и заменены лоскутами бумаги или попросту заткнуты тряпками; ступени лесенки, которая вела ко входной двери, скакали под ногами как клавиши. Казалось, невысказанно было жить в такой развалине — а между тем там жили: струйка дыма, поднимавшаяся из трубы дырявой крыши флигеля, ясно о том свидетельствовала. Но какая горькая судьба должна была загнать людей в эти ветхие стены, готовые ежеминутно рухнуть» (42, с. 3—4).

Долгое время проведут они в этом пристанище. Лишения, голод и холод — постоянные спутники семьи в те годы. Но девочка, казалось, не замечала окружающей ее нищеты. Для нее существовал свой, особенный, волшебный мир. Луна или солнце, потрескивающие в печи дрова, птицы и звери, сугробы или зеленая лужайка в саду за домом — все это давало неистощимую пищу богатому воображению девочки. Она придумывала самые невероятные истории — и была счастлива. В небольшом садике, где Лиза проводила время, росло множество цветов, кусты жасмина и тополя. Это были ее друзья, она несла им свои радости и печали, подолгу разговаривая с ними. Природа заменяла девочке не только отсутствующие игрушки, но и сверстников, не заглядывавших в бедный дом.

В пять лет Лиза уже читала. Мать стала обучать девочку и иностранным языкам — немецкому и французскому. Но для полного образования этого было не-

достаточно. И тут помог случай. В Петербурге жил старый друг отца, знаток новых и древних языков Карл Гроссгейнрих, воспитатель детей столичных аристократов. Он помогал семье Кульманов чем только мог. Этот талантливый педагог не мог не заметить необыкновенные способности девочки. После пяти лет развитие Лизы проходило уже под его чутким наблюдением. У него девочка училась языкам, истории, литературе.

Все свободное время Гроссгейнрих отдавал привязавшейся к нему ученице. Его восхищали наблюдательность, сообразительность и, главное, феноменальная память девочки. Впоследствии Елизавета удивляла всех тем, что могла точно, слово в слово, воспроизвести любую лекцию или разговор. К десяти годам она уже прекрасно владела немецким и французским языками и приступила к изучению итальянского. Это позволило ей обратиться к лучшим произведениям поэтов Аппенин. Однажды Гроссгейнрих застал ее в саду, вдохновенно повторявшую наизусть строфы из бессмертного творения Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». Через год Кульман заинтересовалась классическими языками — латинским и греческим. В четырнадцать лет она познакомилась с испанским, португальским, английскими языками, а также новогреческим, который изучила так, что разговаривавшие с ней греки-иммигранты принимали девочку за гречанку, тем более что она имела с ними и внешнее сходство.

Ее лингвистические занятия проходили следующим образом. Вначале она знакомилась с фонетикой, уделяя особое внимание звукам, свойственным только этому языку, шлифуя свое произношение. Затем с помощью словаря читала на языке произведение какого-нибудь писателя, делая подстрочный перевод и скрупулезно разбирая все грамматические формы. При этом Елизавета использовала свои знания других языков. Освоив язык, девочка делала переводы с него и на него, причем переводила сразу на несколько языков. Уже в одиннадцать лет она сочиняла грациозные поэтические послания на разных языках.

Но все это будет позже. А пока семью Кульманов опять подстерегало несчастье. Умерла родственница, платившая за дом, и они очутились на улице. К счастью, им не пришлось долго бедствовать. Помог еще

бдин друг отца — директор Горного корпуса Пётр Иванович Медер. Бывая у него, Кульманы познакомились со священником корпуса П. А. Абрамовым. Священник предложил матери с дочерью поселиться у него в свободной комнате. Так все было устроено. У Абрамова девочка стала брать уроки старославянского языка, в котором также преуспела. Вместе с дочерьми Медера маленькая Кульман училась музыке, рисованию, ботанике, физике, минералогии и математике. Она стала частой гостьей в их доме. Елизавету, не избалованную вниманием, тянуло в этот милый семейный круг. Вечерами здесь собиралось небольшое общество, всем хотелось посмотреть на необыкновенную девочку. И неудивительно. Видевшие ее вспоминали потом, что «в ней было что-то необыкновенное, поражавшее всякого при первом взгляде на нее, что-то не от здешнего мира» (42, с. 75). Лиза не только превосходно пела и играла, но и радовала гостей своими стихами, причем читала их сразу на нескольких языках.

Интересовали ее и естественные науки. Нередко Лизу можно было видеть беседующей с переводчиком и педагогом, ботаником и минералогом И. И. Мартыновым, часто бывавшем у Медеров. Но основным увлечением, делом всей жизни Лизы стала литература, в особенности поэзия.

Юная Кульман познакомилась с шедеврами античной словесности. С волнением слушала она рассказы Гроссгейнриха о древней Греции, ее изумительной литературе. Перед ней открылся разнообразный и совершенный мир греческой поэзии, богатейшей по своему содержанию. В ее воображении оживали персонажи древних легенд, перед мысленным взором проходили величайшие мастера слова — Пиндар, Гесиод, Софокл, Анакреон и, конечно, Гомер.

Однажды Лиза получила в подарок превосходное издание Гомера. Девушка сразу же принялась за его изучение. Попутно знакомилась с историей, этнографией, культурой, искусством Греции. Нередко ее можно было видеть и за картой: она внимательно изучала исторические области страны. Постепенно античный мир стал миром Елизаветы Кульман, а та эпоха созвучной ее собственным гармоническим мироощущениям.

Знакомясь с великими творениями Гомера, девочка постигала искусство стихосложения знаменитого поэта. Для нее он прежде всего Учитель. «...Я уже так знакома с привычками Гомера, что часто за несколько сот стихов вперед угадываю, зачем он в каком-нибудь месте включил одно или два словечка, которые могли бы быть и упущены без нарушения смысла. Гомер великий искусник в приготовлении, и, по мне, приготовление есть одна из самых необходимых и самых трудных уловок искусства», — рассказывала Елизавета наставнику (17, с. 60).

Но Гомер — это только начало. Древнегреческая поэзия все полнее захватывает ее воображение. Девочке необходимо выразить все, что она чувствует, передать собственное понимание прочитанного. Она пробует себя в переводах. Первый автор, на которого обратила внимание юная поэтесса, — Анакреон. Может показаться странным, что девочка с судьбой Золушки обратилась к стихам, воспевшим земные радости. Но эти строки навеяны миром ее грез. Только в поэзии она могла стать свободной от социальных преград, неминуемых в ее будущем. И, видимо, неспроста среди стихов о беззаботной любви («На Эрота», «Стрелы Эрота», «На женщин» и др.) мы находим и такое:

НА ЛЮБОВЬ

Злополучен, кто не любит;
Но тот самый злополучный,
Нелюдимым быв, кто любит.
Знатность рода, нрав и мудрость
Ни во что в любви считают,
Смотрят только на богатство.
Чтоб пропал, кто первый в свете
Полюбил серебро и золото!
Из-за них друзья — не друзья,
И родные — не родные;
Ссоры из-за них и битвы;
Но что хуже, через золото
Мы, любовники, пропали.

(32, с. 9)

Юная поэтесса чутко ощущала социальные барьеры жизни.

Итак, Елизавета Кульман выбрала свою стезю. Она работала над стихами не менее пяти часов в день. На столике девушки лежали книги, карты, словари.

Литература — тяжкий труд, по это только вдохновляло начинающую поэтессу, которая сделала своим девизом строки написанного ею стихотворения: «Чем тяжелее, тем похвальней труд».

Каждое воскресенье Кульманы с нетерпением ждали прихода Гроссгейнриха — справедливого, хотя и придирчивого судьи. Все сочинения поэтессы были написаны белым стихом. Елизавета писала на немецком (наставник еще плохо владел русским языком) и сразу же переводила созданное на русский. Гроссгейнрих радовался каждому успеху девочки, они подолгу обсуждали все, что сделано за неделю.

Но, может быть, наставник ошибался и стихи не так уж были хороши? Через одного своего знакомого в Веймаре Гроссгейнрих решил представить молодую поэтессу на суд великого Гете в уверенности, что стихи понравятся. И вот из Германии пришел ответ. Девочке ничего не сообщили. 5 июля 1821 г., в день своего тринадцатилетия, Елизавета вскрыла заветный конверт. Со слезами на глазах читала она строки: «Объявите молодой писательнице от моего имени, от имени Гете, что я пророчу ей со временем почетное место в литературе, на каком бы из известных ей языков она ни вздумала писать» (17, с. 58). Это был самый счастливый день в ее жизни.

И снова недели неустанной работы. На этот раз создается несколько стихотворений, объединенных общим заголовком «Венок». В своей основе это древнегреческие предания, носящие название цветов — «Мак», «Нарцисс», «Лавр», «Роза», «Ирис» и др. Посылая наставнику очередное сочинение, Елизавета подробно рассказывала, как оно родилось. Так, поводом к этюду «Незабудка» послужила реплика священника Абрамова, что «игра слов не может быть основой серьезному стихотворению» (17, с. 64). Этого оказалось достаточно, чтобы девушка тут же взялась за перо — через пять часов родилась история о чудесно игравшей на арфе, рано умершей певице Евдаре. После смерти она превратилась в нежный цветок с голубыми лепестками. В письме учителю Елизавета сетовала: этюд получился грустным, и вообще ей кажется, что Евдара похожа на нее. Это «песня подруге, ниспешшей в мрак ночи задолго прежде срока...» (17, с. 64). Наиболее удачно, на наш взгляд, стихотворение о прекрасной

дочери Эндимиона и Дианы — Нарциссе. Неистовая охотница, она все дни проводит вне дома. Отец пытается уговорить ее завести свою семью. Но тщетно — девушку зовут лесные просторы. И вот однажды, преследуя лань, усталая Нарцисса достигла ручья. Под тенью ветвистого дуба она нагнулась, чтобы напиться. И вдруг

Бог юный и прелестный
На дне воды ей зрится.

(32, с. 28)

Нарцисса узнает юношу — это Аполлон. Он простирает к ней руки. Но вот легкая зыбь проходит по водной глади — и видение исчезает. Не задумываясь, бросается девушка в воду и погибает. Волны приносят тело юной охотницы к храму Дианы:

Три дня над ней рыдала
Бессмертная дочь Леты,
Слезами обливаясь;
Потом преобразила
В цветок ей соименный;
И в радости, и в горе
Цветок любимый носит
На материнском сердце.

(32, с. 30)

Каждая часть «Венка» завершается такими метаморфозами — превращением людей в цветы.

Однажды Кульман прочитала у древнегреческого писателя и путешественника Павсания о жившей в V в. до нашей эры поэтессе Коринне. Как гласила легенда, знаменитый Пиндар был пять раз побежден ею в поэтическом состязании. «А где же стихи Коринны?» — просила Елизавета у наставника. «От вас зависит воскресить их, — ответил Гроссгейнрих. — Кто вам мешает написать стихи и назвать их стихами Коринны» (17, с. 66). В результате этого разговора и появился новый сборник стихов «Песни Коринны». Кстати, одно из стихотворений воссоздает картину победы поэтессы над Пиндаром:

...Прими венец победы
Из рук моих, Коринна!
И будь отчизны милой
Веселием и славой,
Как некогда был Пиндар.

(32, с. 70)

Гроссгейнрих послал рукопись сборника в Германию, на этот раз известному писателю и знатоку античности, переводчику «Илиады» и «Одиссеи» И.-Г. Фоссу. Ответ был восторженным: «Эти стихотворения можно почесть мастерским переводом творений какого-нибудь поэта блистательных времен греческой литературы, о которой мы до сих пор не знали, до такой степени писательница умела вникнуть в свой предмет. . . Трудно понять, как столь молодая девушка могла уже приобрести такие глубокие и обширные познания в искусстве и древности» (17, с. 147). Так был воспринят знаменитыми мастерами пера «греческий» цикл, еще не опубликованный в печати.

Незадолго до своей смерти Кульман подготовила еще один сборник стихов — «Памятник Беренике», посвященный матери египетского царя Птолемея I. Поэтесса воспроизводила поэтическое состязание греческих поэтов, посвятивших свои послания известной покровительнице искусств.

Однако античность — не только этико-эстетический идеал Елизаветы Кульман. Это стремление к самоусовершенствованию, это борьба с невзгодами жизни, окружавшими Золушку.

Обращаясь к будущим читателям, которых она хотела ввести в свой прекрасный мир, юная поэтесса писала:

Исполнились мои желанья,
Достигла цели юных лет!
Нежнейшие поля Геллады
На русских вижу я полях,

(32, с. 11)

Кульман увлекалась не только античностью, она переводила поэтов Возрождения, Просвещения и современности, писала собственные стихи на восьми языках. Западноевропейскую литературу девушка постигала по доступным изданиям, имевшимся в библиотеках Гроссгейнриха, Абрамова, Медера. Немецкую литературу явили ей произведения Гете, Клопштока, Гердера, Гесснера, Геллерта, Матиссена, братьев Гримм и особо любимого ею Шиллера. Французскую литературу ввели в ее жизнь Корнель, Расин, Вольтер, Лафонтен и «волшебник» Шатобриан, итальянскую — Данте, Петрарка, Ариосто, Тассо и Альфьери, испанскую — Лопе

де Вега, Кальдерон, Эрсилья, португальскую — Камоэнс и Мануэл. С образцами английской поэзии Кульман познакомилась, читая Мильтона, Оссиана, Юнга и Байрона (Шекспир ей был неведом). Особенно благоговела она перед Мильтоном. Его поэма «Потерянный рай» волновала ее своей героической направленностью. Тема борьбы человека с трудностями жизни, преодоления их была близка Елизавете Кульман.

Приступая к изучению мильтоновской поэмы, Кульман писала Гроссгейнриху: «Эпическая поэзия занимает первое место в поэзии и не без причины. Эпическая поэма... должна равным образом удовлетворять ум, сердце и воображение читателя. Предполагается, что поэт должен дать в приятной форме наставление и, естественно, должен приобщить нас к какому-то крупному событию, как можно сильнее воздействуя на нас...» (126, л. 1 об.).

Ее влекло к эпической литературе. Кульман прекрасно понимала, что переводы поэтов древности и Возрождения заинтересуют немногих. А мир народных преданий, басен понятен всем, здесь открывается необозримое поле деятельности. Она решила посоветоваться с наставником. И вот что услышала: «Басни... сделаться могут народными лишь посредством рифмы. А рифма всегда вам казалась не стоящей того труда и самоотвержения, которых она требует. Вы не думайте, что я сомневаюсь в вашем успехе, если вы приметесь писать басни. Я отнюдь не сомневаюсь, но боюсь, чтоб они вам не наскучились в обработке, в мелочной отделке...» (118, л. 1 об). Гроссгейнрих предложил обратиться к жанру сказки, который для него самого столь приятен «и еще народнее, чем самые басни». И она согласилась. Жанру сказки Кульман посвятила последние два года своей жизни. Сказок восемнадцать — тринадцать «заморских» (европейских), четыре русских и один перевод «восточной» (сюжет заимствован из «Тысячи и одной ночи»). Изложенные просто, воспевающие добро и призывающие к милосердию, они были понятны всем — и взрослым, и детям, которые с особенным восторгом внимали всему услышанному от Елизаветы на медезовских вечерах.

При ближайшем знакомстве со сказками заметно, что более половины из них заимствованы. Истоки некоторых «заморских» сказок без труда можно обнару-

жить в известных собраниях сказок братьев Гримм и Шарля Перро. В их основе почти одни и те же сюжеты, свойственные западному «авантюрному» роману, — приключения богатырей ради освобождения красавиц или долгие поиски детьми родителей. В конечном итоге — торжество добра над злом, счастья над горем. Кульмановские сказки по сюжетам близки к литературным переделкам русских сказок, сделанным М. Д. Чулковым, В. А. Левшиным, В. А. Жуковским в конце XVIII—начале XIX в. С балладами Жуковского «Светлана» и «Людмила» девушка, по-видимому, была хорошо знакома: об этом свидетельствуют ее сказки «Людмила» и «Близнецы». Заметим, что некоторые гриммовские реалии, использованные Кульман, встречаются и в пушкинских сказках начала 1830-х гг. (ср., например, «Рыбак и его жена» Кульман и «Сказку о золотой рыбке» Пушкина, «Волшебный лес» и «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях», «Змеиная корона» и «Сказку о царе Салтане»).

Нынешнему читателю, с детства впитавшему в себя изумительную поэтику русской и зарубежной сказки, многие кульмановские произведения покажутся знакомыми. Так, сюжет ее «Людмилы» без сомнения напомнит «Аленький цветочек» и «Сказку о царе Салтане», «Три пера» — сказки о царевне-лягушке и Василисе Прекрасной, «Волшебный лес» — «Сказку о спящей царевне».

Особенно интересны русские сказки Елизаветы Кульман. Обращаясь к ним, нельзя не коснуться важной проблемы ее творчества — восприятия поэтессой русской культуры, русской истории. Многие исследователи «феномена» Елизаветы Кульман представляли ее как поэтессу-космополита, в творчестве которой русская тема крайне бедна. Это не так. Вспомним, она росла в семье, где о военной славе России ей напоминали отец и братья, участвовавшие в войнах с Наполеоном. Девочку очень интересовала русская история. Она мечтала обратиться в своей поэзии и к первым киевским князьям, и к тяжелому периоду Смутного времени, и к великим начинаниям Петра.

Кульман восхищалась славным прошлым своей отчизны. О военных походах ей рассказывали братья, с былинами и сказками знакомила мать, с русской ис-

торией и литературой — Абрамов, а также сочинения Карамзина. Елизавета безгранично почитала Ломоносова и Державина, которых в одном из своих стихотворений назвала «гигантами с лирами в руках». Она читала В. А. Озерова, И. И. Дмитриева, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина.

Русский язык был родным языком Елизаветы наравне с немецким. Правда, обстоятельства сложились так, что ее поэтическое наследие стало более известно в Германии, чем в России. На русском оно представлено в основном переводами и подражаниями античным авторам. Сборники, вышедшие в Германии в 1840—1850-х гг., включали в себя и произведения, посвященные деятелям русской культуры и истории, переводы трагедий Озерова — «Эдип в Афинах», «Фингал», «Поликсена» и «Дмитрий Донской». Многие же лирические стихотворения на русском языке — послания, думы — до читателя так и не дошли. Исключением являются несколько поэтических этюдов Елизаветы, опубликованных Е. Бурнашевой — другой ученицей Гроссгейнриха — в биографическом очерке о Кульман (1853). Приведенные там стихи прекрасно раскрывают богатый духовный мир юной поэтессы, восприятие жизни, понимание ее подлинных ценностей:

...Лишь два пути ко славе:
Иль принести на жертву
Младую жизнь защите
Отечества драгого,
Иль посвятить весь век свой
Служенью чистым музам.

(32, с. XIX)

Разве эти строки не являют благородство души юного таланта, глубокое уважение родины и осознанное восприятие себя ее неотделимой частичкой? Именно это чувство и заставило Елизавету Кульман взяться за создание русских сказок. Своим построением, образительными средствами они напоминают другие ее сочинения, где описаны странствия и подвиги античных героев и средневековых рыцарей.

При чтении этих сказок нельзя не заметить смешения образов и жанров, времени и места. Так, главный герой «Сказки о гусях-самогудах» — сын царя Фенелона в поисках похищенной Кашею Бессмерт-

ным невесты побывал в Греции, в Египте и в Азии. С помощью Бабы Яги ему удалось найти волшебные гусли и победить злодея. В двух других сказках — «Добрыне Никитиче» и «Василии Буслаевиче» — поэтесса пыталась воссоздать исторические картины из жизни киевской и новгородской Руси.

Последняя, четвертая, сказка — «Малиновка» — собственное сочинение Кульман. Сюжет ее прост. Птенец малиновки, выброшенный из гнезда кукушкой, ищет свою маму. В этом поиске ему приходится преодолеть невероятные трудности. Но вот зло побеждено: кукушка попадает в клетку, а птенец вновь обретает маму. В этой незамысловатой истории Кульман обращается к людям: не будьте кукушками в жизни, любите ближнего своего. Но как еще в этом мире много злых людей!

...А больно, больно видеть
И в птице глупой, дикой
Бесчувственность такую!
А существа разумны,
А люди!!! Как окончить?
О! Есть и между ними
Неблагодарны твари!

(32, с. 102)

Ценность всех сказок — в их воспитательном значении. Конфликт здесь разрешается в пользу доброго, бедного или страдающего человека.

В своих сказках Кульман обращалась не только к фольклорному творчеству европейских народов. Однажды Гроссгейнрих рассказал ей несколько легенд из «Тысячи и одной ночи». А через некоторое время он получил их стихотворное переложение. Увлечшись восточными сюжетами, девушка решила изучить арабский и персидский языки. Она уже договорилась о занятиях со студентом университета. Но это филологическое увлечение молодой поэтессы впервые не было доведено до конца.

В ночь с 6-го на 7 ноября 1824 г. в Петербурге разыгралось роковое наводнение, знакомое нам по бессмертным строкам «Медного всадника». Оно застало Елизавету в гостях. По дороге домой девушка промокла и серьезно простудилась. Простуда завершилась чахоткой. Через год, 19 ноября, ее не стало. Но даже тяжело больная, догадываясь, что дни ее сочтены, де-

Вушка продолжала писать. Когда же силы покидали ее, стихи записывала мать. Елизавета понимала, что ее обреченность — в том беспросветном, нищенском состоянии семьи, выхода из которого не было. Только в поэзии существовал другой мир, не похожий на тот, в котором она жила, — мир ее грез, мир, в котором она парила. И даже небольшая помощь из Зимнего дворца, где узнали о необыкновенной девушке, ничего не изменила. А как хотелось жить! Если бы уехать в теплую Италию, где можно вылечиться. . .

О, если б были крылья,
Порхнула б я на юг,
Не ведала, как тает
Жизнь юная среди мук.

(32, с. 140)

Но денег нет — и нет надежды. . .

Девушку похоронили недалеко от дома, в одном из тихих уголков Смоленского кладбища. Памятник на ее могиле украшали надписи на тех языках, которыми владела Елизавета. Латинская гласила: «Первая русская, учившаяся по-гречески, знавшая одиннадцать языков, говорившая на восьми. . .».*

О ней скорбели немногие — круг знакомых не превышал и тридцати человек. При жизни ничего из созданного ею не было опубликовано, и судьба бедной девушки еще не привлекла внимания общества. Признание придет позже. Через семь лет наступит вторая жизнь, жизнь-легенда.

После смерти девушки Гроссгейнрих собрал все завершенные стихи, наброски, заметки. Тщательно систематизировал, скопировал, составил несколько сборников. На эту работу уходило все его свободное время. Необходимо было издать стихи талантливой девушки, рассказать о ней людям. Он стал искать издателя. И Гроссгейнриху повезло. Поэтическим наследием Елизаветы Кульман заинтересовалась Российская Академия.

* Захоронение не сохранилось. В 1930-х гг. надгробие (автор — скульптор Трискорни) было перевезено в Александро-Невскую лавру, на площадку северо-восточной части Некрополя мастеров искусств (Ленинградский государственный музей городской скульптуры).

На заседании 10 октября 1832 г. президент А. С. Шишков сообщил академическому собранию о поступившей рукописи «Пиитические опыты Елизаветы Кульман» и о просьбе Гроссгейнриха издать ее. В прошении подчеркивалось педагогическое значение стихов в воспитании российского юношества, привитии склонности к самостоятельной литературной деятельности: «Я мог бы привести в пример молодых людей, которые, прочитав некоторые стихотворения моей ученицы, пристрастились сами к поэзии», — писал учитель (103, л. 329 об.—330). Сбравшиеся познакомились с небольшим жизнеописанием поэтессы, причем Гроссгейнрих поведал о несостоявшейся мечте Елизаветы Кульман стать членом Российской Академии (академический устав 1818 г. предусматривал избрание женщин). Теперь предстояло решить вопрос об издании сборника. Стихи передали в Рассматривательный комитет. Отзывы были благожелательными. В первом, подписанном А. Х. Востоковым и И. И. Мартыновым, говорилось: «Издание оной в свет немалым послужит украшением нашей словесности. И переводы, и сочинения имеют одинаковое почти достоинство занимательности по содержанию своему, плавности слога, многие по новости вымысла, по греческому древнему колориту, по благородству чувствований...» (103, л. 394—394 об.). В другом П. А. Ширинский-Шихматов писал: «Переводы и стихотворения ее показывают решительный, хотя еще и не совсем усовершенствованный, дар для поэзии. Искусство изображения, плодovitое воображение, заманчивость рассказа заметны особенно в собственных трудах ее, и нельзя не пожалеть, что смерть так рано похитила сию писательницу, долженствовавшую быть украшением Российского Парнаса» (103, л. 395).

Рассмотрев отзывы, академическое собрание вынесло решение напечатать «Пиитические опыты» тиражом 800 экземпляров, причем в пользу семьи Елизаветы Кульман (еще жива была ее мать). В начале 1833 г. книга вышла и быстро разошлась. До читателя наконец дошли стихи талантливой девушки. Успех книги и оригинальность ее автора сразу же отметила критика. «Прочтите любое стихотворение Елизаветы Кульман. С какою свободою, с какою легкостью и нежностью умеет она оттенять каждый пе-

релив своих глубоких чувствований! Какое разнообразие картин, полных жизни и истины!» — писал А. В. Никитенко в «Северной пчеле», отражая мнение читающих (1833, № 239).

Но подлинный триумф талантливой поэтессы наступил в 1835 г., через десять лет после ее смерти. Тогда вышел первый биографический очерк о Кульман с обстоятельными комментариями ее творчества. Автором «Жизнеописания девицы Елизаветы Кульман» был известный нам уже А. В. Никитенко, цензуrowавший первый сборник стихов. Источником очерка, без сомнения, были рассказы Гроссгейнриха. Эта работа стала известна не только в России, но и благодаря переводу на немецкий язык — в Германии. Кроме «Жизнеописания», перу Никитенко принадлежало еще несколько статей, посвященных творчеству Е. Кульман. Они публиковались в «Библиотеке для чтения» (1834—1835), «Северной пчеле» (1835), «Русском вестнике» (1841), «Санкт-Петербургских ведомостях» (1841), «Маяке» (1842).

История молодой поэтессы захватила многих писателей и поэтов. Стали появляться даже посвященные ей литературные произведения. Вышла, например, небольшая пьеса-фантазия «Елизавета Кульман» (1835) популярного в те годы поэта А. В. Тимофеева. Правда, напыщенный стиль сочинения подверг уничижительной критике Белинский (6, т. 2, с. 81). В предисловии к своей пьесе поэт выразил признательность А. В. Никитенко, который первым рассказал об удивительной судьбе девушки.

В одном из номеров «Библиотеки для чтения» за 1836 г. был опубликован сонет некоего Красношапкина «Она недолго здесь гостила». Это был панегирик таланту девушки:

...Ее поэзия любила,
Она нам мало подарила,
Но как возвышенно оно!

(76, с. 58)

Весть о необыкновенном даре Е. Кульман достигла и Свеаборгской крепости, где с 1835 г. отбывал заключение декабрист В. К. Кюхельбекер. Случайно ему в руки попали «Пиитические опыты» и журнал «Библиотека для чтения» с очерком Никитенко. Ознакомившись с ними, узник был восхищен талантом поэт

тессы. «Елизавета Кульман! — что за необыкновенное, восхитительное существо! Стихи ее лучше всех дамских стихов, какие мне случалось читать на русском языке; но сама она еще не в пример лучше своих стихов. Сколько дарований, сколько души, какое воображение!» — писал в своем дневнике декабрист (34, с. 351). Он решил посвятить ей стихотворение. В этом произведении пылкое и восторженное воображение Кюхельбекера рисовало страну поэзии, где обитали Гомер и Камюэнс, Эсхил и Данте, Тассо и Шекспир. И в этот поэтический мир равной вопля Елизавета Кульман, родина которой «моя родная Русь» (34, с. 354).

Благоприятные отзывы побудили Гроссгейнриха продолжить работу по подготовке к публикации еще не известных стихотворений Кульман. На этот раз вниманию Российской Академии были предложены сказки и переводы стихов на немецкий и итальянский языки. Рассмотрев их, рецензенты сочли необходимым внести некоторые уточнения и исправления в новый сборник, ибо «издание сказок... без поправок не будет соответствовать ее (Кульман. — М. Ф.) известности и ее достоинству, обнаруживая неопытность ее дарования в том роде, в каком мы много имеем превосходных образцов в стихотворениях Дмитриева, Жуковского, Пушкина и других писателей» (107, л. 4). Эта работа заняла у Гроссгейнриха около двух лет, и в 1839 г. читатель получил расширенное издание стихов поэтессы. В том же году в Лейпциге вышла биография поэтессы, созданная Гроссгейнрихом специально для немецкого читателя.

С творчеством Кульман был знаком и А. С. Пушкин. Об этом рассказал в 1849 г. Гроссгейнрих в посвященном своей питомице биографическом повествовании. Он виделся с поэтом летом 1836 г., во время одной из прогулок по Каменному острову, и передал ему рукопись русских сказок Елизаветы. Познакомившись с ними, поэт заметил: «Я... нахожу только один недостаток в этих сказках, и то не я, а наша публика: что они написаны не в рифмах. Мы живем в такое время, когда рифма кажется еще необходимою в повествовательной поэзии» (17, с. 124).

История молодой поэтессы заинтересовала Пушкина. В библиотеке поэта появились «Поэтические опы-

ты» и «Жизнеописание девицы Елизаветы Кульман». Если обратиться к описанию его книжного собрания, то можно заметить, что в «Опытах» разрезаны страницы 1—49 (54, с. 55, 67). Перелистаем указанные страницы — перед нами предстанут кульмановские переводы Анакреона и «Венок». Из истории литературных занятий Пушкина мы знаем, что в январе 1835 г. он сам занялся Анакреоном и перевел три оды греческого поэта («Узнают коней ретивых...», «Поредели, побелели...» и «Что же сухо в чаше дно...»). В 1836 г. Пушкин готовил новое издание своих стихотворений в одном томе, куда должны были войти сказки и подражания древним. Поэт не успел завершить эту работу. Кто знает, может быть, прочитанная рукопись русских сказок Кульман могла подсказать Пушкину новые сюжеты.

И в последующее десятилетие продолжают появляться отклики на сочинения Елизаветы Кульман. В 1841 г. к ее литературному наследию обратился В. Г. Белинский. Не принимая, впрочем, Кульман-поэтессу, он все же отметил ее жизнь и труды как «дивное явление нравственного мира» (6, т. 4, с. 571). Тогда же, благодаря предпринятым изданиям Гроссгейнриха, поэзия Кульман становится широко известной в Германии и Италии.*

Немецкая критика безоговорочно восторгалась ее талантом. До сих пор ее стихи можно найти во всех антологиях и историях немецкой классической литературы первой четверти XIX в. Перед ее талантом преклонялись не только литераторы. Поэзия Елизаветы Кульман вдохновила к созданию нескольких музыкальных произведений и Р. Шумана.** В Италии с 1839 по 1847 гг. вышли три издания ее стихов. Известный в те годы поэт и переводчик Дж. Джустиниани находил их «очаровательными» и достойными «лаврового венца» (17, с. 152).

В России более не выходили ее поэтические сборники. В многочисленных биографических очерках о Кульман, опубликованных в виде беллетризованных

* Еще раньше, в 1836 г., парижский «Журнал для молодых девиц» опубликовал некоторые сведения о Е. Кульман (17, с. 152).

** Автор благодарит харьковского музыковеда Г. И. Ганзбурга за предоставленные данные.

повествований или статей, имелись некоторые её стихотворения. В 1896 г. вышел сборник стихотворений Анакреона в переводах русских поэтов, почетное место занимала здесь и Елизавета Кульман.

Среди работ о ней, опубликованных в дореволюционное время (25, с. 393—394), на наш взгляд, наиболее обстоятельна только одна — статья Е. Лёве «Первая неофилологичка в России», где предпринята попытка исследования истории лингвистических и литературных интересов поэтессы. Остальные критики, отмечавшие, правда, необычайные способности девушки, подчеркивали, что ее поэзия слишком «неестественна», оторвана от русской действительности и широкому кругу читателей просто непонятна. Такая же характеристика творчества Кульман содержится и в работах советского литературоведа С. Н. Дурылина (22; 23). Но это мнение слишком односторонне. Все эти авторы, оценивая литературное наследие Елизаветы Кульман, не учитывали условий, в которых жила и творила девушка: ее оторванность от живого мира и обособленность от русской литературы, которой совсем не знал наставник Елизаветы. Ее интересы были всеобъемлющи. Имея под рукой сравнительно небольшой круг источников, она целенаправленно постигала языки, литературу и историю многих европейских стран, сумела приложить свои знания в поэзии.

Волею обстоятельств она тянулась к западной литературе, а к русской едва успела приступить. Без сомнения, смерть девушки лишила нас возможности познакомиться с новыми сочинениями, где нашла бы свое отражение и отечественная история. В стихах Кульман поднимаются вопросы, не потерявшие своего значения и сегодня: что важнее для человека — материальные ценности или ценности духовные — добро, бескорыстие, честность.

Талантливое перо Елизаветы Кульман создало более тысячи стихотворений. Их судьба до сих пор неизвестна. Кроме упомянутых сборников и публикации Е. Бурнашевой, ничего не издавалось. Большая часть рукописей после смерти Гроссгейнриха, вероятно, была потеряна. Пока не найдены и более 400 писем Елизаветы к наставнику. Сохранились лишь несколько тетрадей с переводами на немецкий язык трагедий Озера, итальянских стихотворений и одного письма к

Гроссгейнриху, трогательно скопированного учителем. Может быть, не все рукописи юной поэтессы погибли и еще найдут своих исследователей.

История удивительной девушки интересна и в наши дни. Так, Елизавета Кульман пришла к нам в очерке В. Карабанова «Жизнь, легендой не ставшая», опубликованном в «Альманахе библиофила» (1985). Настоящий очерк также является данью глубокого уважения к памяти талантливой поэтессы, вся жизнь которой могла быть точно определена бессмертными строками лермонтовского «Демона»:

Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостигаемых утех...

Поэтическое имя Елизаветы Кульман не затерялось в прошлом. Через сто лет некоторым образом исполнилась мечта девушки занять достойное место в кругу писателей «Российского Парнаса». В 1926 г. Пушкинский Дом (Институт русской литературы АН СССР) приобрел для литературного музея мраморный бюст поэтессы работы неизвестного скульптора. Он хранится среди других бесценных реликвий пушкинского времени.

Наставницы юных

(А. П. Зонтаг, А. О. Ишимова,
Л. А. Ярцова)

В первой половине XIX в. в русской литературе появилось немало талантливых произведений, созданных специально для детей. Все зачитывались изумительными балладами В. А. Жуковского, сказками А. С. Пушкина, В. Ф. Одоевского, П. П. Ершова. Тогда же среди писателей этого направления мы впервые встречаем авторов-женщин. Писательницы радовали не только переводами, но и создавали пользовавшиеся огромной популярностью оригинальные сочинения, издавали журналы для юношества. Их книги являли собой не просто литературные произведения. Это были издания, знакомившие детей с основами научно-популярных знаний и имевшие большое воспитательное значение. И если раньше детские книги предназначались в основном для узкого круга отпрысков знатных фамилий, то к этому времени они уже вошли в круг чтения детей мелких чиновников, беднейшего дворянства и нарождающегося класса разночинцев.

Детская литература тех лет развивалась в особенно сложных условиях. В официальной педагогике царил уваровская триада «самодержавие, православие, народность» и явно было стремление взрастить будущих «верноподданных». Лишь иногда через переводную литературу до юного читателя доходили приглушенные цензурой слабые отголоски социальных потрясений прошлого и настоящего. И все же, несмотря на сильнейший официальный гнет, детская литература воспитала не только «верноподданных». Ее читателями были юные Герцен и Огарев, Некрасов и Чернышевский, будущие петрашевцы. Книги учили детей доброте, воспитывали любовь к прошлому и глубокий интерес к настоящему России, знакомили с достижениями мировой науки и культуры. Этим юные чита-

тели были обязаны и женщинам — первым профессиональным писательницам для юношества, которым и посвящается настоящий очерк.

А. П. Зонтаг

В живописной долине Оки недалеко от города Белева нынешней Тульской области раскинулось село Мишенское, известное всем почитателям русской культуры как родина В. А. Жуковского. Здесь 15 июля 1786 г. родилась будущая писательница Анна Петровна Юшкова (Зонтаг). По материнской линии она происходила из известного рода Буниных, подарившего русской культуре и науке немало славных имен.* До восьми лет девочка росла вместе с Жуковским, которому приходилась племянницей. Будущий поэт был старше ее всего на три года. Дети быстро подружились.

В 1790 г. семья Юшковых переехала в Тулу, куда перевели на службу дедушку Анны — Афанасия Ивановича Бунина. Городская жизнь отличалась от размеренного, тихого быта деревни. Очень скоро дом Юшковых в Туле стал одним из центров интеллектуальной жизни города. Здесь звучала музыка, спорили о политике, обсуждали литературные новинки. Мать девочки — Варвара Афанасьевна — хорошо музицировала и слыла завзятой театралкой. Эту любовь она привила и трем своим дочерям (одна из них Авдотья Петровна, впоследствии мать известных славянофилов братьев Киреевских и хозяйка известного литературного салона в Москве). У Юшковых ставились любительские спектакли, в которых постоянно участвовал и Жуковский. Анна же была не только талантливой актрисой, но и неплохо рисовала.

После смерти матери, последовавшей в 1797 г., Анна с отцом и сестрами поселилась у бабушки — Марии Григорьевны Буниной. Лето проводили в Мишенском, а на зиму приезжали в Москву. Воспитанием младших Юшковых занялась Екатерина Афанасьевна Протасова, их тетка. Они изучали иностранные языки,

* Назовем поэтессу А. П. Бунину, литературных деятелей середины прошлого века братьев И. В. и П. В. Киреевских, известного ученого и государственного деятеля П. П. Семенова-Тян-Шанского, писателя И. А. Бундина.

знакомились с литературными новинками. На лето в Мишенское из московского Благородного пансиона приезжал Жуковский, и тогда занятия словесностью становились особенно интересными. Девочки переводили романы популярной в те годы французской писательницы С.-Ф. Жанлис и драмы А. Коцебу, с восторгом читали произведения Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. К 1800-м гг. относятся и первые пробы пера Анны Петровны. Это попытки переводов на русский язык из Жанлис и Коцебу. Но по-настоящему она занялась литературным трудом после 1815 г. В этом девушке помог Жуковский. Поэт, чьими стихами восторгалась вся Россия, становится литературным наставником Анны.

Жуковского в те годы горячо интересовали вопросы воспитания детей. В 1817 г. он был назначен учителем русского языка будущей императрицы Александры Федоровны, супруги великого князя Николая Павловича (впоследствии — император Николай I). Среди его учеников были великая княгиня Елена Павловна (супруга великого князя Михаила Павловича), будущий император Александр II, дочери Николая I — Ольга и Мария.

Подготовка к занятиям требовала отдачи всех сил. Жуковский много читает. Его интересует не только литература и язык, но и география, история и даже арифметика. Он составляет планы обучения своих «августейших» подопечных. В занятиях отрабатывалась педагогическая практика поэта, тщательно обдумывались проблемы постановки образования в России. Он понимал, что нужна специальная детская литература, написанная понятно и доступно. А юного читателя в то время, конечно, интересовали сказки, истории из жизни простого народа, рассказы о природе, путешествиях, жизни далеких народов, но особенно о прошлом России.

Жуковскому нужны помощники, и он обращается к друзьям своего детства. «Я давно придумал для вас всех работу, которая может быть для меня со временем полезна. Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания? Это значит заставлять себе рассказывать деревенских наших рассказчиков и записывать их рассказы. Не смейтесь! Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто

не обращает на нее внимание», — зывай поэт к Анне Петровне в одном из писем 1816 г. (88, № 96).

Поэтика русского фольклора являла собой богатейшее духовное начало народа — народа-героя, победителя Наполеона. Это прекрасно понимал Жуковский, глубоко ценивший богатые традиции устного народного творчества. А уважать прошлое своего народа, учиться доброте должны все. Начинать это учение нужно с самых маленьких. Если ребенок станет любить свою родину, любить людей, значит из него вырастет хороший человек. Для детей и надо создавать хорошие книги, призывающие к доброте и послушанию, рассказывающие обо всем, что их интересует, — будь то сказка, рассказ об увлекательном путешествии или о жизни такого же ребенка, как и сам юный читатель. Жуковский подбирает Анне Юшковой книги, советует, подсказывает, на что обратить внимание и как писать. И девушка внимательно следует советам своего наставника.

В январе 1817 г. она выходит замуж за лейтенанта черноморского флота Зонтага. Фигура этого незаурядного и обаятельного человека настолько интересна, что нельзя не представить его читателю. Егор Васильевич Зонтаг родился в Филадельфии (США). В 1811 г. он поступил на службу в русский флот. Когда началась Отечественная война 1812 г., Зонтаг перешел в армию. Заграничную кампанию 1813—1814 гг. он провел в составе Дерптского конно-егерского полка. С 1816 г. Егор Васильевич вновь на флоте. В 1828—1830 гг. он — «капитан над портом» в Одессе и инспектор городской карантинной конторы. Оставив в 1830 г. морскую службу, Зонтаг жил с семьей в Одессе до своей смерти (1841).

В молодости жизнь этого доброго и храброго человека изобиловала многочисленными историями, звучавшими как легенды. Вот одна из них. В начале марта 1815 г. к Г. И. Лангсдорфу, исполнявшему обязанности российского генерального консула в Рио-де-Жанейро, обратился за помощью двадцатидевятилетний майор русской армии Зонтаг. После завершения кампании в Париже офицер получил двухлетний отпуск и решил повидать своих родных, живших в Филадельфии. Но в то время шли военные действия между Англией и США, и в условиях этой войны поездка

русского боевого офицера в Новый Свет была нежелательна и небезопасна. Но Зонтаг не отказался от своего намерения. Купив во Франции судно, он взял курс на Филадельфию. По пути ему удалось успешно отразить нападения англичан, и, вероятно, он увиделся бы со своими американскими родными, но взбунтовавшийся экипаж его корабля заставил повернуть судно к берегам Бразилии. Здесь Зонтаг выиграл судебный процесс против своих подчиненных и вернул судно. С помощью Лангсдорфа корабль ему удалось продать и вернуться в Россию (30, с. 72).

Конечно, таким человеком нельзя было не увлечься. Их брак был на редкость счастливым. Егор Васильевич, образованный и умный человек, понимал увлечение жены литературой, помогал в ее занятиях, подсказывая сюжеты или редактируя переводы. Американец пришелся по душе и Жуковскому. В письмах Анне Петровне поэт всегда с глубоким уважением вспоминал и о «милом Зонтаге». А встречи Жуковского с другом детства — Аннет становились все реже: он — на севере, а супруги Зонтаг — почти постоянно на юге, и только письма связывают их. Анна Петровна доверяла им самое сокровенное, советовалась в выборе тем для своей литературной деятельности. Поэт направлял ее интересы, подсказывал, к каким изданиям стоит обратиться при работе над тем или иным сочинением.

Почти четверть века жизнь Анны Петровны проходила на юге — в Одессе, в Крыму, в Николаеве и опять в Одессе — в зависимости от места службы мужа. Одесса была тогда культурным центром юга. Здесь чувствовалась близость беспокойной Европы. Сюда раньше, чем в другие города, приходили известия об освободительной борьбе греков против ига Османской империи, о революциях в Италии и Испании, о победах инсургентов в Южной Америке. Все это живо обсуждалось не только в литературных салонах, но и на городских улицах.

Супруги Зонтаг входили в круг близких знакомых генерал-губернатора М. С. Воронцова и его жены. Посещали они и местный литературный салон жены таврического губернатора В. Д. Казначеевой, где собирались чиновники и литераторы и среди них В. И. Туманский, Н. И. Гнедич, С. Е. Раич, Ф. Ф. Вигель, со-

сланный на юг А. С. Пушкин. Нам ничего не известно о встречах Анны Петровны с опальным поэтом, но из его письма к Вяземскому от 20 декабря 1823 г. мы узнаем, что Зонтаг была знакома с поэмой «Бахчисарайский фонтан» и, вероятно, Пушкин с ней обсуждал какие-то части этого произведения (55, т. 10, с. 63).

Среди знакомых семьи Зонтаг были и будущие декабристы. После 14 декабря 1825 г. за их судьбу Анна Петровна особенно беспокоилась. Она забросала вопросами Жуковского, просила его хоть что-нибудь узнать о попавших в беду знакомых. Но что мог ответить поэт? Следствие только начиналось, все были запуганы, и всё так запутано... Жуковский пытался успокоить Зонтаг: «...петербургские происшествия перепугали вас, и этот испуг был за глаза: у нас ужасное продолжалось только полдня или день, потом все успокоилось. Вы слышите о беспрестанных арестациях, о беспрестанных привозах в Петербург заговорщиков, о разных гибельных планах и возмущениях, воображаете себе страшную инквизицию, цепи, допросы и прочее» (88, № 105). Но за строками этого письма угадывается плохо скрываемое беспокойство.

Поэт пытается убедить прежде всего себя: это явление лишь временное, ожидается справедливый, беспристрастный суд, и все завершится благополучно. Но что произошло потом, мы знаем.

Декабристы-знакомые — не единственный представляющий для нас интерес факт общественной биографии А. П. Зонтаг. Ее глубоко интресовали все новости, происходившие как в России, так и за рубежом. Среди ее бумаг — списки запрещенной «Марсельезы», «Философических писем» Чаадаева и французской антимонархической сатиры «Лекарство от болезни всех монархов». Попади эти бумаги на глаза чужому человеку — не миновать Анне Петровне серьезных неприятностей.

Итак, Анна Зонтаг с интересом взялась за предложенную Жуковским работу. Много читала, писала, переводила. В начале 1820-х гг. несколько небольших ее переводов вышли под редакцией поэта в журнале «Вестник Европы». Но далеко не все удалось издать. До сего дня сохранилась рукопись переведенной ею в те годы фантастической повести анонимного автора «Гость-мертвец».

Первой большой работой Анны Петровны принято считать перевод «Эдинбургской темницы» Вальтера Скотта. Основой послужило одно из французских изданий этого произведения. Критика отметила, что перевод романа «очень хорош» (39, с. 173). Начало положено. Но Жуковский просил об изданиях, которые могли бы войти в постоянный круг детского чтения. И опять поиски отечественных и зарубежных источников, кропотливая работа над рукописями, их внимательный просмотр и исправление, отработка слога, — юному читателю нужны небольшие повести или рассказы, написанные легко и доступно.

Как всегда, книгами и добрыми советами помогает Жуковский. Он уже познакомился с ее первыми опытами на этой стезе и уверяет, что Зонтаг — прирожденная детская писательница. В конце концов ее обязанность перед обществом поделиться как матери (у Анны Петровны в 1824 г. родилась дочь) опытом воспитания с другими родителями, и лучше всего это сделать с помощью книг.

«. . . У вас много в душе богатства, в уме ясности и опытности; вы имеете решительный дар писать и овладели русским языком. . . Как умная мать, которая знает свое ремесло, ибо выучена ему любящим сердцем, здравым умом и опытом, пишете о том, что знаете сами в науке воспитания: теперь — просто повести, а со временем соберите в одну систему и правила, коим сами следовали. Передайте свою тайну другим матерям: поле, которое можете обработать, неограниченно и неистощимо. Для распространения и приведения в порядок мыслей своих загляните в лучшие книги. . . воспитания и нравственной философии, а потом бросьте их и пишете свое. Вы не обманетесь и не обманете других, ибо напишете свое, взятое из существенной жизни, и только обдуманное простым умом, не отуманенным предрассудками и умствованием. . .» — писал друг (39, с. 174). Этому совету Зонтаг следовала всю жизнь.

В начале 1830-х гг. выходят первые книги Анны Зонтаг, предназначенные как для детей, так и для взрослых. Среди них — небольшие повести, рассказы и авторизованные сказки (Девушка-Березница. Сказка для детей. Одесса, 1830; Слуга и господин. Сказка. Одесский альманах на 1831 г.; Повести и сказки для детей.

Спб., 1832—1834; Детский рассказчик. М., 1834 и др.). Их основу составляли собственные произведения писательницы и переводы из произведений французских, немецких и английских авторов — И.-Г. Кампе, Ф.-П. Гизо, П. Бланшара, А. Беркена, А. Бертена.

Разнообразие часто сентиментальных сюжетов содержало четко выраженную идею-«мораль» — читающему или слушающему ребенку внушалась мысль о постоянной необходимости хороших поступков и вообще примерного поведения. Послушание и добрые деяния всегда вознаграждаются судьбой, а проступки, плохое поведение наказываются.

Таково, например, ее самое популярное сочинение тех лет «Повести и сказки для детей», состоящее из трех частей (книга была издана А. Ф. Смирдиным). В этот комплект входили небольшие дидактические рассказы, повести, сказки. Некоторые, предназначенные для самых маленьких, были невелики — рассказ или сказка вполне уместались на двух-трех страницах. Этим писательница преследовала определенную цель — не перегружать память детей, дать возможность запомнить почти дословно все прочитанное или услышанное. Уже первый рассказ «Всякий должен работать» в своем заголовке нес четко выраженную мысль о постоянной необходимости труда в человеческой жизни («жизнь — это труд»). Героиня другого повествования («Софьянька») пошла с няней, чтобы купить себе живую птичку. Но по дороге им повстречалась бедная женщина с детьми. Девочка отдает нищему свой завтрак и деньги. Мать, узнав об этом поступке, награждает Софьяньку: она получает любимое блюдо и птичку в подарок.

Особенно нравилась читателям повесть «Оленька и бабушка ее Назарьевна», рассказывающая о судьбе доброй девушки-подкидыша и удочерившей ее бедной вдове. Сюжет ее был навеян воспоминаниями о детстве, проведенном в Белеве Анной Петровной, рано оставшейся без матери. Об этом упоминал Плетнев в одном из своих писем к Жуковскому (39, с. 179). Несомненно, «Оленька» — лучшая из повестей, напечатанных в книге. Здесь с неподдельной искренностью изображается жизнь небольшого уездного городка той поры. Обращается писательница и к восточным сюжетам, заимствованным, без сомнения, из европейских

источников (арабские сказки «Туфли» и «Три друга», персидская «Узы любви»). Переводом с английского языка повести «Три мальчика» дебютировала в книге восьмилетняя дочь Анны Петровны — Маша.

Очень скоро «Повести и сказки для детей» стали необходимым чтением во многих семьях. Хорошо иллюстрированное сочинение (среди картинок были и цветные), несложные тексты которого содержали выделенные курсивом (так лучше запоминалось детям) «добронравные» истины, как нельзя лучше отвечало педагогическим исканиям родителей.

Из оригинальных произведений А. П. Зонтаг, предназначенных для детей, нельзя не упомянуть и двухтомную «Священную историю для детей» (Спб., 1837). Много труда было затрачено на эту работу. Но результат превзошел все надежды. Книга вышла большим тиражом и сразу же завоевала огромную популярность. Она неоднократно переиздавалась (последнее, 9-е издание вышло в 1871 г.), что приносило автору немалый доход. Написанная доступным языком, книга знакомила детей со всеми сложными перипетиями «священной истории», изложенной в Библии.

Издать сочинение было не просто. Духовная цензура относилась с исключительным подозрением к работам светских авторов по истории церкви, считая исследование этой темы исключительным правом церковных историков. Помогло вмешательство Жуковского. Через два года после выхода в свет первого издания «Священной истории» Зонтаг получила половину (малую) Демидовскую премию, присуждаемую Академией наук.

Большим спросом у читателя пользовались «Три комедии для детей» (Спб., 1842) — иллюстрированная прекрасными цветными гравюрами книга. Сюжеты двух первых комедий — «Подарок на Новый год» и «День рождения» — проникнуты особой религиозностью и заимствованы, вероятно, из произведений французского историка — писателя Ф.-П. Гизо и английской писательницы — педагога М. Эджуорд. Третья комедия «Вексель» сочинена самой Зонтаг. Остановимся на ней подробнее.

В небольшом южном городке живет семья недавно умершего купца Арбатова, оставившего много долгов. Вдове и детям купца грозит полное разорение, — кре-

диторы угрожают описать имущество. Уже назначен аукцион, на котором все будет продано. В этот момент в доме Арбатовых появляется странствующий еврей. Не называя себя, он уговаривает вдову показать ему деловые бумаги мужа. Среди документов — вексель на крупную сумму, ссуженную когда-то Арбатовым своему хорошему знакомому Шмулю Хазану. Но, по слухам, Хазан давно разорился. Загадочный странник предлагает свою помощь в поисках должника, — если удастся получить долг, эти деньги помогут поправить положение семьи Арбатовых. Разговор случайно слышат дети Арбатова. Зная, что Шмуль Хазан был другом отца, и не желая, чтобы его преследовали, они уничтожают вексель. Растроганный поступком детей, странник называет себя — это Шмуль Хазан, и он не нищий. Он снова богат и помогает своим друзьям выпутаться из беды. Завершается комедия апофеозом добрых деяний Человека, независимо от того, какую веру он исповедует. Положительный поступок Шмуля Хазана отражает основную мысль пьесы: иноверец тоже может быть добрым. Призыв к веротерпимости — случай исключительный в литературе тех лет и говорит о высоких моральных качествах писательницы, обогнавшей свое время на многие десятилетия.

В произведениях для детей Зонтаг не касается взаимоотношений между сословиями русского общества. Понятие человечности, к необходимости которой в поведении каждого пытается склонить своих маленьких читателей писательница, разрушить у них презрительное отношение к простолюдинам, а в итоге — к своим крепостным, еще не отождествляется с понятием гражданственности, подразумевающим необходимость общественной деятельности. С этим призывом в детскую литературу позднее придут Белинский, Добролюбов, Чернышевский.

Много лет собирала Анна Петровна сказки. Жуковский предложил ей составить несколько сборников, куда бы вошли не только русские, но и зарубежные сказки. Хлопоты по изданию этой антологии взял на себя П. А. Плетнев. Основным источником были, конечно, ранее изданные сборники. Ими пользовались авторы, писавшие сказки в 30-х гг.

Некоторые из литераторов и ученых — В. И. Даль, А. С. Пушкин, М. А. Максимович, П. В. Киреевский

собирали сказки, услышанные от крестьян, записывали тексты. Анна Петровна не могла последовать их примеру. Был тяжело болен муж, на поездки для сбора материала не хватало средств. Мишенское приносило мало дохода. Неурожай 1840 г. в центральных губерниях России вызвал голод. Ей пришлось посылать деньги в имение, «чтобы кормить мужиков и покупать семена для обсеивания полей» (135, л. 9). Улучшить материальное положение семьи Зонтаг могло только издание сборников сказок.

Из Петербурга Анне Петровне посылают книги — сказки, предания, легенды. Однако не все подходит. Зонтаг пишет в столицу, что тексты некоторых изданий «не пахнут ни древностью, ни народностью» (135, л. 11 об.). Вероятно, Плетнев посылал Анне Петровне литературные поделки третьеразрядных писателей, вполне отвечавшие идее уваровской «народности» и издававшиеся на потребу низшего чиновничества, купцов, мещан, не отличавшихся притязательным вкусом. Особенно интересовало Зонтаг уже ставшее редкостью собрание В. А. Левшина «Русские сказки», изданное в 1780—1783 гг. известным просветителем Н. И. Новиковым. И вот из Петербурга прибывают просимые десять томов. Левшинское собрание — основа написанных Зонтаг 12 русских сказок.* Среди их героев — богатыри Добрыня Никитич и Василий Буслаевич, Илья Муромец и Алеша Попович, богатый новгородский купец Садко и страшная Баба Яга. Из зарубежных сказок, предложенных для антологии, известна одна. Это «Американка», в основе которой была индейская легенда о происхождении женщины. Анну Петровну познакомил с ней Е. В. Зонтаг.

Но издать антологию не удалось. Смирдин, который вначале отнесся положительно к публикации сказок Зонтаг, после подготовки в 1840 г. первого тома отказался печатать его у себя. Это было вызвано значительными финансовыми затруднениями его книгоиздательской фирмы.

Неудачей завершилась работа над переводом и составлением для детей сборника сказок «Тысяча и одна

* Над русскими сказками в Москве работала сестра Анны Петровны — А. П. Киреевская-Елагина. В качестве источника Жуковский предоставил ей на время пушкинские записи сказок, оставшиеся после смерти поэта.

ночь», которую писательница вела вместе с сестрой — А. П. Киреевской-Елагиной. Узнав, что в 1839 г. в Петербурге уже вышел такой сборник, Зонтаг прекратила свои занятия. Обратиться к восточным сказкам предложил Жуковский, сам работавший над поэмами «Наль и Дамаанти» и «Рустам и Зораб». Поэт хотел, чтобы эти переводы восточной литературы были восприняты русским читателем как современное чтение.

Восточная тема не исчерпалась неудачей со сказками «Тысяча и одна ночь». Среди написанных Зонтаг для детей повестей, сказок, легенд имеется несколько восточных — «Видение мурзы» (Одесский альманах на 1839 г.), «Мудрый судья» и «Наказанная скупость» (Новые повести для детей. Спб., 1847), перевод сказок Гауфа — «Похождения маленького Мука», «Калиф-Аист», «Мустафа», «Купец Целенхое и др. Сказки в виде Альманаха на Светлое воскресенье» (М., 1844).

Издательские неприятности 1839—1840 гг. — не единственное испытание, которое ждало Анну Петровну Зонтаг. Тяжелый удар обрушивается на нее в 1841 г. — умирает Егор Васильевич. А через год из России уезжает дочь Маша, вышедшая замуж за австрийского консула в Одессе Гутманстала. Счастливая семейная жизнь кончилась, Зонтаг остается одна. Но надо жить, и она продолжает работать.

После смерти мужа Анна Петровна живет на скромную пенсию. Денег не хватает, одна надежда на издание новых сочинений и переиздание старых. «Бедная моя литература! Она для меня есть не что иное, как нужда»,* — пишет она Плетневу (135, л. 15). Лишь второе и третье издания в 1841 и 1843 гг. «Священной истории» и публикация в 1842 г. «Трех комедий для детей» на некоторое время поправляют ее финансовое положение. В 1844 г. писательница покидает Одессу и возвращается в родное Мишенское. В деревенской тиши продолжает она свою работу. Иногда выезжает в Москву проведать родных или договориться с издателями о публикации книг. Здесь Анна Петровна знакомится с А. О. Ишимовой. Зонтаг давно известно это имя, она с симпатией следит за писательской деятельностью издательницы детского журнала «Звездочка». Анна Петровна и сама пыталась

* Выделено А. П. Зонтаг.

организовать периодическое издание для детей, но дело расстроилось. Теперь «мишенская затворница» будет постоянной сотрудницей журнала Ишимовой, публикуя здесь переводы сказок и повестей.

Как и прежде, ее единственная опора в литературе и в жизни — дружба с Жуковским. Семейные обстоятельства поэта сложились так, что после женитьбы (в 1842 г.) он жил в Германии. В своих письмах в Мишенское Жуковский все чаще вспоминает детство и юность. Он восхищен памятью Анны Петровны — она помнит многое из уже далекого прошлого. Поэт настаивает, чтобы Аннет села за семейные воспоминания, посылает наброски своих мемуаров, торопит: «Скорее, скорее возьмитесь за перо и вы возвратите себе и мне наше прошедшее» (88, № 134). И Зонтаг садится за эту работу. Так появился «Рассказ о Жуковском», в котором описан эпизод из дерптского периода жизни поэта, затем «Воспоминания о детстве Жуковского», напечатанные в «Москвитянине» по случаю 50-летнего юбилея его литературной деятельности (1849). Впоследствии эти рассказы послужат важным источником для исследователей творческой биографии В. А. Жуковского. Еще раньше, в начале 1840-х гг., Зонтаг написала шуточный рассказ «Полет на луну» о фантастическом путешествии в космос старого камердинера Жуковского.

Анну Петровну интересует все: как живет Жуковскому, обрел ли он наконец счастье, над чем работает. А из Германии идут обстоятельные письма с рассказами о том, что беспокоит поэта. В них обсуждается перевод гомеровской «Одиссеи», сделанный Жуковским. Как встретит его публика? «...Жалею, что нет для меня суда Пушкина: в нем жило поэтическое откровение. Вот почему и весело было бы для меня, несказанно весело, если бы вы, обе мои соколыбельницы (А. П. Зонтаг и А. П. Киреевская-Елагина. — М. Ф.), поболее разобрались со мной о моей милой Одиссее», — так высоко ценит поэт мнение своих друзей (88, № 134). В апреле 1852 г. переписку прервала смерть Жуковского. Анна Петровна передала письма друга Плетневу, готовившему к печати собрание сочинений поэта.

В 1840-е гг. писательница с увлечением работала над биографиями знаменитых людей античного мира.

Эту идею ей подсказал Плетнев. К 1851 г. были подготовлены к изданию «Избранные жизнеописания знаменитейших людей в древности. Ручная книга для детей, обучающихся истории». Материал охватывал всю античную историю, знакомил с бытом и нравами народов Древнего Востока, Греции, Рима.

Зонтаг представила свой труд в Московский цензурный комитет, надеясь скоро издать книгу. Но вдруг все застопорилось — в рукописи были найдены «сомнительные места». Напомним, что в конце 40-х—начале 50-х гг. деятельность цензурных комитетов достигла апогея. Уваровской цензуре, напуганной революционными выступлениями в Европе, делом петрашевцев и крестьянскими волнениями в самой России, все было подозрительным, будь то перевод очередного произведения Гюго или переиздание уже публиковавшегося романа Бальзака, упоминание в прессе о захваченном где-то у берегов Африки корабле с невольниками или подозрительное многоточие в бульварном романе, ставившее под сомнение «христианскую нравственность» подданного. А новая книга Анны Петровны Зонтаг в «нравственном отношении», по мнению цензуры, была... не очень выдержана. Но обратимся к бумагам Главного управления цензуры. Из них видно, что «Избранные жизнеописания» предварительно поступили в Комитет рассмотрения учебных руководств, где получили в общем положительный отзыв, затем в Московский цензурный комитет. И здесь цензор Львов, который занимался рукописью, обнаружил в ней помимо общих «сомнительных мест» еще и «поразительные выражения», как-то: «любовница, распутство, евнух, гарем, сераль».

В Главное управление цензуры в Петербург было направлено послание. Львов доносил, что, хотя он и готов разрешить публикацию, но, по его мнению, «книга вся написана в духе, вредном для детского возраста» (144, л. 2 об.). Особенно возмутило цензора то, что в своей рукописи Зонтаг идолопоклонников именуется «набожными». И вообще «автор так мало думает о том, чтобы показать заблуждение язычников, что, говоря очень подробно о происшествии, случившихся во время кесаря Августа, забыл упомянуть о воплощении Иисуса Христа» (144, л. 3).

Министр народного просвещения и глава цензурного ведомства России П. А. Ширинский-Шихматов, которому был адресован вопрос Львова, обратился за разъяснениями в Комитет рассмотрения учебных руководств. Ответ от 20 июля 1852 г. комитета был подписан известным ученым и литератором М. А. Максимовичем. В нем подтверждалась «благонамеренность сочинительницы» и разъяснялось, что «рукопись — картина языческого мира», а от язычников не следует ожидать «нашего воззрения на жизнь». В целом же комитет не видит в рукописи Зонтаг «ни безнравственности, ни кощунства» (144, л. 8 об.). Однако министра не удовлетворил такой ответ, и он рекомендовал комитету повторно рассмотреть рукопись (144, л. 8).

Председатель комитета И. И. Давыдов, один из консервативнейших деятелей просвещения, дал указание возвратить рукопись автору для изъятия из текста всех «сомнительных и безнравственных мест». Обвинение в «безнравственности» было оскорбительно, и Анна Петровна решила не издавать рукопись. «Иван Иванович Давыдов почерком пера замарал шестидесятилетнюю жизнь <...> нравственную. Запрети он мою книгу по всякой другой причине, с покорностью приму приговор человека ученого, но мне дорого мое доброе имя!* И потому я сказала себе — полно писать, чтобы не попасть под суд Ивана Ивановича Давыдова», — сообщала она о своем решении Плетневу (135, л. 66).

Этот случай, к счастью, не повлиял на дальнейшую литературную деятельность писательницы. Она продолжает заниматься переводами, готовит к очередному переизданию «Священную историю». Но денег не хватает. Из Петербурга обратились с предложением о продаже Мишенского наследнику (будущему императору Александру II), с тем чтобы он подарил деревню детям Жуковского. Но она не может решиться на такой шаг. Мишенское для нее все — это детство, родные, Жуковский. И потом — она боится за судьбу крестьян при новых владельцах. «Почти каждого крестьянина и каждую крестьянку я знала по имени, и нет ни одного человека, которому я бы не делала добра; им всем хорошо жить при мне, следовательно,

* Выделено А. П. Зонтаг.

все они меня... любят, и я стану продавать эти христианские души, которые называют меня матерью! При самом Жуковском крестьянам... было бы еще лучше, чем при мне; не так будет при детях его. Пока они в малолетстве, имение их достанется в управление лифляндским дворянам и лифляндским управителям, которые крестьян вообще, особливо русских, считают рабочим скотом, сотворенным господом только для того, чтобы доставлять помещикам доход. Несчастье бедных моих крестьян и в могиле не даст мне покоя», — так Анна Петровна объяснила свой отказ в письме к П. И. Бартеневу от 25 сентября 1853 г. (39, с. 177). Сколько уважения к простым людям в этих словах! Они — лучшая характеристика душевных качеств писательницы.

Анна Петровна была исключительно скромным человеком. В 1856 г. тульский губернатор обратился к писателям — уроженцам губернии с просьбой пожертвовать книги для городской публичной библиотеки. Получив послание, писательница передала библиотеке свою «Священную историю». В сопроводительном письме она подчеркивала: «Я никогда не имела притязания на почетное звание писательницы, довольствовалась скромным именем детской сказочницы и радовалась непритворным одобрением малолетней публики» (51, с. 368). Но имя Зонтаг не забыто в литературных кругах. В 1858 г. Общество любителей российской словесности почтило писательницу избранием в свои члены.

Часто Анна Петровна вспоминала дочь, с которой не виделась более 10 лет. Они встретились только в 1860 г. В Италии, где жила дочь, Зонтаг провела несколько месяцев. За это время она побывала в Риме, Триесте, Флоренции.

Неспокойно в этой прекрасной стране. Итальянцы живут надеждой на объединение страны, изгнание австрийцев из ее северной части. Неспокойно и в России. Письма друзей — Плетнева, Полонского — доносят вести о «брожении умов» в Петербурге. Анну Петровну тянет домой.

Из-за границы писательница опять вернулась в Мишенское к своей одинокой жизни. Особенно чувствуется старость — одолевают болезни. И все-таки она продолжает работать. В 1861 г. Зонтаг выпустила перевод «Истории Англии» Ч. Диккенса. Эта новая ра-

бота, рассчитанная как на юного, так и на взрослого читателя, имела колоссальный успех. Известный демократ, популяризатор литературы и педагог Ф. Г. Толль в своем обстоятельном обзоре «Наша детская литература» (1862) отмечал, что еще не было ничего подобного этой книге как по живости рассказа, так и по «художественной рельефности картин и образов...» (66, с. 160).

Незадолго до смерти писательница успела подготовить и издать еще несколько книг для детского чтения. Скончалась она 30 марта 1864 г. Для современников смерть А. П. Зонтаг не прошла незамеченной. Историк-пушкинист П. И. Бартенев, хорошо знавший писательницу, в нескольких строках некролога удивительно точно определил значение ее творчества: «Дружба с Жуковским наложила печать простоты и задушевности на ее произведения. Она любила свое дело. Невозможно было без глубокого уважения глядеть на эту женщину, которая в маститой старости сохранила всю свежесть чувства и ума и на восьмом десятке не переставала трудиться для общей пользы» (80). Здесь же он сообщил, что Анна Петровна не успела завершить популярную астрономию для детей.

«Для общей пользы» — таков был девиз писательницы А. П. Зонтаг. В русскую литературу она вошла не только как автор книг для детей. Кроме уже упомянутого перевода «Эдинбургской темницы» Вальтера Скотта, воспоминаний о Жуковском увидела свет также ее сатирическая повесть «Бальзак в Херсонской губернии», напечатанная в журнале «Современник» в 1838 г. Увы, многое издать ей не удалось. В рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина хранятся оригинальные рассказы и переводы, сделанные Анной Петровной, русские народные загадки, собранные специально для П. В. Киреевского. Все это еще ждет своих читателей.

Сегодня имя Анны Петровны Зонтаг не найти в изданиях по истории русской литературы. Оно не упомянуто даже в учебном пособии «Детская литература» (М., 1985). Биографии писательницы публиковались давно — в 1916 г. статья А. С. Николаева в «Русском биографическом словаре» и в 1927 г. обстоятельный очерк Н. А. Бекетовой в сборнике «Материалы по истории русской детской литературы» (1750—

1855)». В вышедшей в 1948 г. «Истории русской детской литературы» А. П. Бабушкиной писательница упоминалась как один из «реакционных» авторов, создававших для юношества исключительно религиозную литературу. Такая характеристика лишена и смысла и принципа историзма. Последовательница эстетических и педагогических воззрений Жуковского, Анна Петровна Зонтаг создавала книги для дворянского «семейного круга» 30—40-х гг. Время же, когда она завершала свою литературную деятельность, — 50—60-е гг. — известно нам как период необычайной общественной активности в России. И конечно, юное поколение в этот период не испытывало интереса к сентиментальным повестям и стилизованным волшебным сказкам. Произведения Зонтаг уже не отвечали духу времени, хотя и не утратили своего воспитательного значения, — идея добра и милосердия к нуждающимся в помощи людям независимо от их общественного положения как общий нравственный принцип воспитания сохраняла высокое моральное значение во все времена.

А. О. Ишимова

Об этой писательнице известно достаточно много. Ученые-пушкинисты и все интересующиеся биографией великого поэта знают, что именно ей написал Пушкин свое последнее письмо перед дуэлью, предлагая сотрудничество в очередном номере «Современника». Ее называют первой профессиональной писательницей в детской литературе. И к ней в полной мере можно отнести строки, написанные В. Г. Белинским: «Должно родиться, а не сделаться детским писателем... это своего рода призвание» (7, с. 42).

Александра Осиповна Ишимова родилась 25 декабря 1804 г. в Костроме. В 1805 г. ее семья переехала в Петербург. Отец Ишимовой — мелкий канцелярский чиновник — был человеком начитанным, он старался привить дочери интерес к образованию. Когда Александре пошел восьмой год, ее отдали в пансион мадам Миллер. Здесь за четыре месяца она научилась читать не только по-русски, но и по-французски, и по-немецки. Учение давалось ей легко, делала успехи девочка и в других предметах. После окончания пансиона родители предполагали отдать Александру в Екатери-

нинский институт, но тут на Ишимовых обрушилось несчастье. Отец девочки слыл хорошим законоведом, кроме службы он занимался частными судебными делами («хождением по делам»). Как-то Ишимов взялся вести процесс против богатого помещика, незаконно владевшего 5000 крепостных и 30 000 десятин земли. Все шло хорошо, дело было почти выиграно. Но ответчик, как оказалось, приходился родственником всеильному Аракчееву. И вот без всяких объяснений Ишимову было приказано покинуть столицу. С ним выехала и семья. Местом поселения был указан Усть-Сысольск (ныне г. Сыктывкар). Путь Ишимовых длился долго, и 14-летняя девочка получила много впечатлений и от богатой природы, и от новых людей, так не похожих на столичных жителей. Она поняла, как познавательны путешествия, и впоследствии в своих журналах помещала рассказы о странствиях, путевых впечатлениях.

Положение ссыльной семьи в Усть-Сысольске было тяжелым. Дочь старалась во всем помогать родителям: занималась с младшим братом, давала частные уроки. Занималась девушка и самообразованием — с помощью нескольких захваченных с собой французских книг совершенствовала знание языка. Получив на время немецкий учебник грамматики английского языка, Александра Ишимова энергично взялась за изучение английского и пополнила свои знания немецкого языка. Между тем преследование семьи продолжалось, — было назначено новое место ссылки. Ишимовых высылали «выше на север» — вначале в Никольск, затем в Кемь, а весной 1825 г. их ждала самая страшная ссылка — в Соловецкий монастырь.

Девушка понимала, что отца не оставят в покое, и она решилась на отчаянный шаг — отправиться в Петербург, хотя бы пешком, и выпросить у Александра I снисхождения и милости.* В середине 1825 г. Александра добралась до столицы. В Царском Селе она пыталась вручить прошение царю, но тот отказался взять его. Пришлось отправить прошение по поч-

* К этому решению Ишимова пришла, прочитав популярную тогда повесть «Параша-сибирячка», героиня которой пешком пришла в столицу и испросила у царя прощение сосланному отцу.

те. Вскоре отцу Ишимовой разрешено было жить в Архангельске. И только в 1831 г. благодаря новым хлопотам дочери он смог вернуться в Петербург.

В 1825 г. Александра Осиповна поселилась в столице. Жизнь в Петербурге требовала средств, и девушка стала давать частные уроки на дому. У нее набралось до двадцати учеников. Пансион молодой учительницы просуществовал несколько лет. Но в 1830 г. в одном из столичных пансионов были обнаружены беспорядки. Начались проверки. Разрешения на обучение у Ишимовой не было, и пансион пришлось закрыть. Тогда она занялась литературными переводами.* Александра Осиповна решила отдать в печать свой перевод известной тогда книги французского моралиста Ж. Дроза «Искусство быть счастливым». В ссылке она читала это произведение отцу. Просмотрев рукопись, Ишимова отнесла ее знакомому лицеисту. Тот одобрил перевод и помог издать. Так в 1831 г. появилась писательница Александра Осиповна Ишимова. Первая книга принесла некоторый доход, что было очень кстати. Немедленно принялась она за новую работу. На этот раз для перевода был выбран роман популярнейшего в те годы американского писателя Ф. Купера «Красный морской разбойник».

Ишимова взялась за роман с обычным для нее рвением, но ее замучили постоянно встречавшиеся в тексте малопонятные морские термины. И здесь на помощь ей пришел знаток специальной лексики, автор трехязычного «Морского словаря», президент Российской Академии адмирал А. С. Шишков, с которым она была знакома. С помощью его словаря Ишимовой удалось обойти все трудности. Уже в 1832 г. издатель А. Ф. Смирдин, напечатав «Красного морского разбойника», познакомил читателей с этой работой. Точность перевода Ишимовой похвалил журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф»: «Желательно было бы ви-

* Интенсивная издательская деятельность в конце 1820-х гг. и в 1830-е гг., появление популярных журналов, выходявших значительными тиражами, — все это приносило авторам большие гонорары. Даже ведомственные журналы платили достаточно много. «Журнал Министерства народного просвещения» в середине 30-х гг. за авторский лист оригинального сочинения перечислял авторам 100 руб. ассигнациями, за перевод — 50 руб.

деть другие романы Купера в столь же хороших переводах» (86, с. 554). Позднее и В. Г. Белинский в обзоре русских переводов Купера выделил перевод Александры Осиповны как лучший (6, т. 4, с. 459—460).

После выхода «Красного морского разбойника» Ишимова решила усовершенствовать свои знания английского языка. В этом ей помог знакомый англичанин — педагог, дававший уроки в знатных семьях столицы. Он рекомендовал ее в некоторые дома как хорошего учителя. Так вновь она вернулась к педагогической деятельности. Одна из новых знакомых обратилась к ней с просьбой перевести для своих детей книжку английских авторов Л. Эйкина и А.-Л. Бэрболд «Семейные вечера, или Собрание полезных и приятных рассказов для юношества». Новый перевод Ишимовой вышел в 1833 г. Книга вызвала интерес среди читающей публики и быстро разошлась.

В августе 1834 г. писательница начала работать над «Историей России в рассказах для детей». Этот труд, по мнению Александры Осиповны, должен был стать первым изданием, где отечественная история явилась бы перед юным читателем не скучными строками учебных пособий, но ясно рассказала бы о сложном пути становления русской государственности и русской культуры. За основу была взята «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

Написав первые рассказы, Ишимова показала рукопись П. А. Плетневу. Она ему понравилась. Плетнев стал помогать писательнице, ввел ее в круг своей семьи и друзей.* «С этого времени он сделался самым заботливым моим покровителем, самым лучшим советником по всем моим делам литературным и издательским; в его семействе, с которым я скоро познакомилась, я проводила самые приятные вечера: все, что было лучшего в литературном мире того времени, собиралось в этом доме. Здесь я познакомилась с незабвенным А. С. Пушкиным, Жуковским, князьями Вяземским и Одоевским, И. С. Тургеневым, Я. К. Гротом и многими другими почему-то замечательными личностями», — вспоминала позднее Александра Осиповна (136, л. 16—17). Плетнев, преподававший рус-

* С середины 1830-х гг. Ишимова стала воспитательницей дочери П. А. Плетнева — Ольги.

скую литературу и историю детям Николая I, использовал рассказы Ишимовой во время уроков во дворце.

В начале 1836 г. первые две части «Истории России» были готовы. Теперь начались поиски издателя. Обращаться к Смирдину Ишимовой не хотелось, — она помнила, как в 1832 г. сложно было ей получить гонорар за перевод романа Купера. Плетнев предложил представить рукопись на рассмотрение Российской Академии, поощрявшей талантливых авторов. Ишимова так и поступила. 14 марта 1836 г. президент Российской Академии А. С. Шишков предложил вниманию академического собрания «Историю России в рассказах для детей». Было решено передать рукопись в Рассматривательный комитет для принятия решения о ее судьбе. Отзыв комитета был зачитан на заседании 11 июля. Он был подписан И. А. Вельяминовым, А. Х. Востоковым, М. Е. Лобановым, В. И. Панаевым и Б. М. Федоровым. В рецензии подчеркивалось, что представленная книга, без сомнения, заслуживает одобрения. «Сочинение г-жи Ишимовой согрето любовью к Отечеству, обращено к нравственной пользе и может заохотить детей к внимательному чтению русской истории» (106, л. 3). Отмечались как простота изложения, так и исключительные литературные достоинства книги. На рецензентов произвели сильное впечатление многие страницы из «Истории России» (например, картина обороны города Козельска от татаро-монгольских полчищ). Подчеркивалась и благонамеренность книги — в качестве особой «добродетели» называлось обличение Ишимовой «своеволия» новгородцев (106, л. 5—5 об.). На этом же заседании постановили издать книгу в количестве 1200 экз. «на счет академии в пользу сочинительницы» (106, л. 10). Так была решена судьба главного труда А. О. Ишимовой. Впоследствии академия напечатала на тех же условиях остальные четыре части «Истории России в рассказах для детей» (Спб., 1837—1841).

Книга Ишимовой завоевала широкую читательскую аудиторию в России. Она даже затмила почти одновременно выпущенную другую популярную книгу — «Историю русского народа» Н. А. Полевого (Спб., 1829—1833). Мастерство изложения, педагогический такт, умелое использование богатейшего научного собрания, каким являлся труд Карамзина, определили устойчи-

вый интерес к «Истории» Ишимовой на несколько десятилетий. Такой популярности способствовало и усиленное распространение книги официальными кругами.

Живо написанная книга Ишимовой знакомила юного читателя со всеми периодами русской истории. Здесь были рассказы о первых славянских поселениях и крещении Руси, княжеских распрях и победах Александра Невского и Дмитрия Донского, Смутном времени и блестящих эпохах Петра I и Екатерины II. Каждый очерк завершался подробной родословной русских князей или царей.

Талантливый педагог, Ишимова прекрасно знала вкусы своего маленького читателя. Поэтому ее исторические рассказы, наполненные конкретными бытовыми деталями и увлекательными драматическими эпизодами, иногда сентиментальны. Но это прежде всего литературное произведение. Книга знакомила читателя не только с историей, но и с памятниками культуры русского народа. Вероятно, именно в «Истории России» дети впервые познакомились с бессмертным «Словом о полку Игореве». Этому творению посвящена целая глава — «Первое стихотворение русское». «Верно, многие из вас, милые дети, с восхищением слушают, когда старшие братцы или сестрицы ваши читают прелестные сказки Жуковского и Пушкина? Может быть, даже вы знаете наизусть некоторые? Припомнив из них несколько приятных строчек, прочитайте потом следующее: „Ярославна рано плачет в Путивле на забрале аркучи...“» — так начинается свое повествование писательница (26, ч. 1, с. 160), и перед читателем предстает трагическая и героическая история Игорева похода. Небольшие отрывки из бессмертного эпоса только усиливают превосходное описание.

Касаясь общего развития русской истории, Ишимова исходила, конечно, из религиозно-монархических позиций официальной историографии той поры. Да иначе и быть не могло. Социальные потрясения, народные выступления называются «разбоем», «моровой язвой». Так, разбирая историю возникновения казачества, она противопоставляет первых «беглецов», оставивших свою родину и живших всякими «несправедливостями», современному писательнице Войску Донскому — «всегда неизменного государю и Отечеству» (26, ч. 2, с. 273). При этом она, естественно, не касается вопроса, поче-

му первые казаки были «беглецами». Выступление в 1648 г. москвичей при царе Алексее Михайловиче, названное, как отмечала сама Ишимова, «притеснениями» боярина Морозова, объяснялось только «дерзостью народа». Комментируя исторические события, писательница всегда ссылалась на их «предопределенность божьей волей». Понятно, почему при дворе книга понравилась. Она вполне отвечала консервативным целям воспитания молодого поколения.

«История России в рассказах для детей» переиздавалась шесть раз (последнее издание вышло в 1867 г.). Впоследствии Ишимова выпустила дополненные издания своей книги под названиями «Бабушкины уроки, или Русская история в разговорах для маленьких детей» (Спб., 1852—1853; 2-е изд. — 1859) и «Сокращенная русская история» (Спб., 1867; 4-е изд. — 1879).

В 1838 г. книга была удостоена Демидовской премии, а с 1841 г. писательница стала получать от двора за свой труд ежегодную пенсию в размере 400 рублей.

Каждое издание «Истории» вызывало многочисленные отклики критиков: всего их 22 (39, с. 223). Среди рецензентов — А. В. Брандт, В. Г. Белинский, В. И. Водозов, П. А. Плетнев, Ф. Г. Толль. Отдавая должное обстоятельному труду писательницы, Плетнев справедливо подчеркивал, что «она первая, разрабатывая историю не в частности, а во всех периодах, первая вступивши в ближайшие к нам эпохи, где каждый из современников событий справедливо считает себя законным судьей, совершила это трудное предприятие с полным успехом, не предшествуема ни одним отечественным историком» (39, с. 220).

Всестороннюю оценку книги дал Белинский. К «Истории» Ишимовой он обращался неоднократно. В 30-х гг. критик выступал с требованием воспитывать гуманизм и патриотизм в молодом поколении средствами художественной литературы для детей. В отзыве на 6-ю часть книги Ишимовой Белинский отметил, что это единственное издание, где история России доведена до 1825 г., причем некоторые главы, посвященные современной истории, могли быть интересны и взрослому читателю. Главное достоинство книги он видел в живости и оригинальности изложения, соединяющего «занимательность анекдота с достоверностью и важностью истории» (6, т. 1, с. 107).

В 40-е гг. идеи Белинского претерпевают эволюцию. Он углубляет свои требования, призывая писателей правдиво отображать жизнь, не скрывая ее суровых противоречий, социальных потрясений. Белинский взглянул по-новому на ишимовскую книгу, критикуя автора за недооценку некоторых важных периодов истории России, например петровского времени, отсутствие четкой исторической перспективы. Белинский первый предсказал недолговечность книги как необходимого учебного пособия.

Первая часть «Истории России в рассказах для детей» вышла в свет в начале января 1837 г. и стала быстро расходиться. Приобрел ее и Пушкин. Он следил за литературной деятельностью Ишимовой, с которой познакомился у Плетнева. Поэт знал и о ее трудной судьбе. Не история ли заступничества Александры Осиповны за своего отца стала одним из источников заключительной части «Капитанской дочки»? (27, с. 79).

Книга Ишимовой привлекала Пушкина как историка. 30-е годы — время его глубокого интереса к всеобщей истории и в особенности к истории России. В литературном наследии Пушкина имеются заметки о Киевской Руси, Смутном времени, России XVIII в. В его библиотеке можно найти «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и «Историю русского народа» Н. А. Полевого, на которую поэт написал рецензию для «Литературной газеты» (№ 4, 1830). Видимо, и книгу Ишимовой Пушкин приобрел не случайно. Не будь роковой дуэли, книга Александры Осиповны, без сомнения, могла стать еще одним источником при создании очередной работы поэта по русской истории.

Интересует Пушкина и переводческая деятельность писательницы. Известно, что он предложил Ишимовой принять участие в «Современнике». Вспомним эту историю. За два дня до дуэли, 25 января поэт написал Ишимовой: «...на днях имел я честь быть у Вас и крайне жалею, что не застал Вас дома. Я надеялся поговорить с Вами о деле; Петр Александрович обнадужил меня, что Вам угодно будет принять участие в издании „Современника“. Заранее соглашаюсь на все Ваши условия и спешу воспользоваться Вашим расположением: мне хотелось бы познакомить русскую

публику с произведениями Barry Cornwall. Не согласитесь ли Вы перевести несколько из его драматических очерков? В таком случае буду иметь честь препроводить к Вам его книгу» (55, т. 10, с. 483). Из письма видно, что Пушкин решил напечатать в «Современнике» пять пьес английского поэта Брайна Уоллера Проктера, писавшего под псевдонимом «Барри Корнуэлл».*

Александр Сергеевич обратился к Плетневу с просьбой убедить Ишимову взяться за перевод. Вероятно, Плетнев не спешил выполнить поручение друга. Тогда Пушкин сам отправляется на Фурштаттскую улицу, где в доме при лютеранской церкви Св. Анны жила писательница. Они разминулись лишь на несколько минут. Об этом мы узнаем из ответного письма Ишимовой от 26 января: «Не могу описать Вам, сколько я сожалела в пятницу, приехав домой спустя десять минут после Вас! И это произошло от того, что я ожидала Вас уже в четыре часа, а не в три, как прежде» (27, с. 80).

Предложение Пушкина было лестным. Ишимова согласилась на перевод Корнуэлла: «Сегодня получила я Ваше письмо и скажу Вашими же словами: заранее соглашаюсь на все переводы, какие Вы мне предложите, и поэтому с большим удовольствием получу от Вас книгу Barry Cornwall. Только вот что: мне хотелось бы как можно лучше исполнить желание Ваше на счет этого перевода, а для этого, я думаю, нам нужно было бы поговорить о нем. Итак, если для Вас все равно, в какую сторону направить прогулку Вашу завтра, то сделайте одолжение, зайдите ко мне» (27, с. 80—81). Это письмо Пушкин получил, вероятно, утром рокового 27 января. Каковы были мысли поэта, читавшего ответ Ишимовой накануне самого важного события его жизни? Он думал о незыблемости своей чести — чести мужа, чести мужчины, чести поэта. И был спокоен, еще надеясь обсудить с писательницей перевод «Драматических очерков». В том, что перевод будет хорошим, Пушкин не сомневался. Поручкой тому — лежавшая на столе «История России в рассказах для детей», несколько прочитанных страниц которой

* Впоследствии пьесы Корнуэлла появились в «Современнике» под названием «Драматические очерки».

так увлекли своей занимательностью и отточенностью слога. И поэт отправляет Александре Осиповне письмо, оказавшееся последним из известных нам его автографов: «Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их, как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу „Историю в рассказах“ и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!» (55, т. 10, с. 486).

Ишимова вспоминала потом эту переписку в автобиографии: «По просьбе А. С. Пушкина я перевела для его „Современника“ старые драматические очерки Barry Cornwall. Об этом переводе он просил меня не только в самый день, но и в самый час дуэли, столь роковой для него и для нас. Человек с его письмом и книгою отправлен был им ко мне перед самым отъездом его на смерть, и когда он пришел от меня, то Ал[ександр] Серг[еевич] уже привезен был раненым» (27, с. 81).

Сегодня, когда мы знаем биографию великого поэта, нельзя не заметить фатальной случайности в истории их переписки. Оба послания к Ишимовой были написаны в те дни, когда решалась судьба Пушкина. 25 января поэт послал вызов на дуэль Геккерну, а 27-го — письмо секунданту Дантеса д'Аршиаку, затем — дуэль...

О чем же читал Пушкин в «Истории России»? Нам это неведомо. Он мог обратить внимание и на княжеские междоусобицы, и на Батыево нашествие. А может быть, он прочитал главу «Первое стихотворение русское», в которой упоминалось и о его поэзии? Сегодня об этом можно только догадываться.

Переводы пьес Корнуэлла, выполненные Ишимовой, были опубликованы в 8-м томе «Современника» (1837). Это «Лудовик Сфорца», «Любовь, извлеченная снисхождением», «Средство побеждать», «Амелия Центурт» и «Сокол» — всё, помеченное пушкинской рукой. К ним имеется примечание издателей журнала, в которое включены оба письма Пушкина переводчице — первый случай публикации переписки великого поэта.

В 40—80-е гг. Ишимова выпустила много книг. Из оригинальных можно назвать «Священную историю

в разговорах для детей» (Спб., 1841, 6-е издание — в 1864 г.), «Чтение для детей первого возраста» (Спб., 1845), «Колокольчик. Книга для чтения в приютах» (Спб., 1849), «Маменькины уроки, или Всеобщая история в разговорах для детей» (Спб., 1858—1863), «Рассказы для детей из естественной истории» (Спб., 1876), «Русским детям. Рассказы для детей первого возраста» (Спб., 1881). Среди переводных — «Мери и Флора. Повесть для детей» (Спб., 1846), «Две жизни, или Казаться быть счастливым» (Спб., 1850), «Рассказы тети» (Спб., 1851), «Элиас, маленькое путешествие на Восток» (Спб., 1854), «Рисование без учителя» (Спб., 1855).

На наш взгляд, особенно интересны «Рассказы для детей из естественной истории», представляющие собой маленькую энциклопедию. Книга познакомила юного читателя с ботаникой, зоологией, геологией, географией. Здесь можно было найти исчерпывающие данные по флоре и фауне всех континентов, занимательные истории о знаменитых путешественниках и «огнедышащих» горах. Некоторые очерки сопровождалась стихотворениями Жуковского, Языкова, баснями Крылова. Множество рисунков увеличивало занимательность изложения.

Все издания преследовали одну цель — выработать у ребенка интерес к чтению, к познанию. Многие из книг Ишимовой построены в форме диалогов — вопросов и ответов. Это должно было развивать пытливость у ребенка. Неудивительно, что ее назидательные рассказы и поэсти пользовались большим спросом.

Этот значительный список книг не завершает творческой биографии Ишимовой. Она известна и как издатель популярных детских журналов «Звездочка» (1842—1863) и «Лучи» (1850—1866). Они были предназначены для пропаганды педагогических идей тех лет, для развития у детей интереса к литературе, истории, естественным наукам.

Получить разрешение на издание журнала в конце 30—начале 40-х гг. было делом хлопотным. Появление каждого периодического издания сопровождалось специальным разрешением Николая I, который считал, что в России журналов более, чем того требуется. Поэтому можно догадаться, с каким волнением обратилась Ишимова 2 октября 1841 г. в Главное управление

цензуры со своей просьбой: «Беру смелость покорнейше просить... о позволении приступить к периодическому изданию для детей, чувствуя особое расположение к занятиям такого рода...» (143, л. 1 об.). Через месяц был получен ответ, гласивший, что «при совершенном недостатке повременного издания для чтения детей предприятие г-жи Ишимовой, известной уже с выгодной стороны (!) превосходными своими сочинениями, будет весьма полезно» (143, л. 6 об.).

Теперь можно было приступить к изданию журнала «Звездочка». Ишимова предполагала выпускать в год по 12 книжек. Первая часть каждого номера предназначалась для детей старшего возраста — от 7 до 14 лет, вторая для «детей первого возраста» — до 7 лет. Для старших должны были печататься оригинальные или переводные повести и рассказы, описания путешествий, знакомство со странами мира и естественными науками, историей искусств. Для развития памяти у детей предполагалось помещать небольшие стихотворения на русском, французском, немецком и английском языках. Имелся в журнале и библиографический отдел, знакомивший маленьких читателей с новинками книжного мира. Для самых маленьких предполагалась публикация повестей и рассказов, «сколько можно приуроченных к понятиям» читающих и слушающих детей.

К участию в своем журнале Ишимова старалась привлечь педагогов и детских писателей. Так, среди постоянных сотрудников «Звездочки» был Я. К. Грот, впоследствии в журнале стали печатать свои произведения П. А. Плетнев и С. П. Шевырев, детские писатели В. Ф. Одоевский, А. П. Зонтаг, А. Д. Вернер, П. Р. Фурман.

Сотрудниками «Звездочки» были не только петербуржцы и москвичи, Ишимова старалась привлечь и авторов из провинции. Листая страницы журнала, можно найти небольшие повести писателя и журналиста из Харькова, представителя «натуральной школы» Г. Ф. Квитко. Активным автором была сама Ишимова. Более 472 ее статей, повестей и рассказов напечатано в журнале.

В «Звездочке» печатали много исторических рассказов и повестей из прошлого России и других стран, публиковали загадки и шарады. Чтобы развивать у ма-

леньких читателей грамотность, сотрудницы журнала прибегали к различным приемам: например, публиковали детские письма с ошибками и исправляли эти ошибки в примечаниях.

Первые номера «Звездочки» довольно трудно распространялись среди читателей Петербурга, Москвы и других городов. У писательницы не было коммерческого опыта книготорговли, здесь ведущие позиции занимали хозяева «литературной промышленности» — Булгарин, Греч, Сенковский. Ишимова опять обратилась к своим друзьям. Ей помогли, и маленькие читатели Петербурга и Москвы стали получать «Звездочку» регулярно.

На страницах своего журнала Ишимова беседовала с детьми. Ее очень интересовало, как они воспринимают напечатанное, все ли им нравится в журнале, что усваивается лучше. «Вы очень порадовали меня известием о впечатлении, произведенном „Звездочкой“ на Вашего маленького читателя ее. Кланяйтесь ему от меня и попросите его когда-нибудь написать мне о том, что более нравится ему в этом журнале. У меня есть такие письма от некоторых маленьких читателей „Звездочки“, и для меня они составляют одну из приятнейших наград труда моего», — писала Ишимова в Москву Шевыреву, узнав мнение его сына о журнале (120, л. 2 об.). Шевырев и сам активно участвовал в работе журнала. Его перу принадлежали небольшие очерки по русской истории и литературе, а также стихи для детей, за которые Ишимова была особенно благодарна. «У нас большой пробел по этой части», — сетовала писательница (120, л. 10).

Александра Осиповна привлекала к сотрудничеству в «Звездочке» и начинающих авторов. В ее журнале стали печататься известный впоследствии журналист и библиограф Ю. М. Богушевич (1835—1901) и знаменитый романист Г. П. Данилевский (1829—1890). Помня о первых своих шагах в литературе, Ишимова старалась помочь начинающим. Так было с пятнадцатилетним поэтом Александром Костылевым, который дебютировал в «Звездочке». Из переписки Ишимовой с Шевыревым видно, что запятиям талантливого мальчюка мешали семейные неурядицы. Александра Осиповна просила походатайствовать за Костылева перед Н. В. Гоголем; авторитетное мнение знаме-

ниитого писателя могло помочь юному поэту. Вероятно, Шевырев принял какое-то участие в судьбе молодого человека — в своих посланиях Ишимова благодарит его за помощь в этом деле (120, л. 4, 20—21). В 1850 г. А. Костылев стал студентом Московского университета (сокурсником и товарищем известного впоследствии издателя и исследователя-пушкиниста П. И. Бартенева), сотрудником «Московских ведомостей». Судьба, однако, не благоприятствовала начинающему литератору — он умер в 1856 г. в возрасте 22 лет.

Журнал стремился воспитывать в маленьких читателях религиозные и патриотические чувства. Но и у «Звездочки», пользовавшейся особым покровительством некоторых «августейших особ», бывали недоразумения с цензурой. Примером одного из казусов служит попытка публикации осенью 1849 г. назидательной комедии для младших «Раскаяние — половина исправления» Я. К. Грота. Уже набранную в типографии, ее пришлось выбросить из-за того, что в плане-проспекте за тот год отсутствовало слово «комедия» (120, л. 6). После 1850 г. «Звездочка» несколько изменила свое направление. На ее страницах стали появляться материалы, больше отвечавшие вкусам обывателей, — чувствительные повести, выкройки и схемы платяев и узоров.

Издаваемый Ишимовой с 1850 г. журнал для девиц «Лучи» принял такое же направление, что и «Звездочка». Здесь печатались повести и рассказы, описания путешествий, очерки об известных русских писателях. Так, в номерах за 1853 г. можно найти любопытные подробности из жизни А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, молодой поэтессы Е. Кульман.

Литературная деятельность Ишимовой вполне удовлетворяла вкусы интеллигенции 30—40-х гг. С середины 50-х гг. появляются отзывы, отмечавшие, что общее направление ее сочинений и журналов уже не отвечает требованиям и задачам педагогики, претерпевшей значительную эволюцию влево. Так, в «Обзоре детских журналов 1859 г.» Н. А. Добролюбов справедливо отметил, что журналы Ишимовой, где мало думают о «современном движении идей», уже не могут идти в авангарде проблем и задач, поставленных жизнью перед педагогикой 50—60-х гг. Теперь мало

быть просто ура-патриотом — «ныне к восхвалению всего хорошего прибавилось неумолимое порицание всего дурного, что у нас есть» (7, с. 324). Именно такой выделась Добролюбову гражданская позиция каждого русского человека. Он удивительно точно определил и задачи новой детской литературы: «Послушание и скромность ранее считались основой нравственности юного возраста, теперь же этих качеств стало явно недостаточно: нам надо выдержать борьбу со злом, надо отстаивать свою душевную чистоту и защищать общественную правду от лжи, насилия и своекорыстия. Для этого нам надо запастись не только послушанием, но и твердостью духа, верою в право и правду, умение отразить свою самостоятельность против всяких несправедливых покушений» (7, с. 324).

Да, Россия уже не напоминала огромную сонную равнину, где любой будочник был в глазах Николая I много выше литератора. Плетнев писал Александре Осиповне о событиях 1861 г. в Петербургском университете, где студенты выступили против реакционных пововведений министра народного просвещения Е. В. Путятина. Университет едва удалось спасти от разгрома. «Трудно работать посреди интриг и злобы фанатизма», — жаловался Плетнев, пока еще не смещенный с должности ректора (134, л. 5—7).

С середины 60-х гг. Александра Осиповна отходит от литературной деятельности и ограничивается лишь переизданием некоторых старых своих произведений. В 70-е гг. она обратилась к воспоминаниям о своем детстве, о начале своей литературной деятельности. То время навсегда осталось в памяти Александры Осиповны: «Тогда существовала еще в обществе нашем литература истинная, существовал кружок людей, соединенных живыми интересами ее, несмотря на расстояния, иногда разделявшие их. Тогда и незнакомые были знакомы потому, что соединились в общей любви к Пушкину, Жуковскому, Вяземскому, Одоевскому и другим истинным поэтам и литераторам» (136, л. 1).

Эпоха Александра II в ее понимании связывалась с новой буржуазной Россией, где так мало ценилось все возвышенное, все духовное. Поэтому Ишимовой понятен и близок Ф. М. Достоевский и все, что он написал в эти годы. Она подружилась с семьей Достоевского. Федор Михайлович знакомил писательницу со свои-

ми новинками. Особенно правился ей «Дневник» Достоевского: «Читаешь его и отдыхаешь от той тоски, которую чувствует истинно русская душа, смотря на то, что окружает ее» (127, л. 1).

Писательница пытается работать. Она пишет повесть «Зырянка» (1880), которую не успевает завершить. Последнее произведение Ишимовой опубликовано лишь в наши дни в сборнике «В дебрях севера: Русские писатели XVIII—XIX веков о земле Коми» (10, с. 33—55).

Новое поколение не забыло самоотверженного литературного труда Александры Осиповны. Это выразилось в праздновании 50-летнего юбилея ее деятельности. 4 апреля 1881 г. домик Ишимовой на Коломенской улице наполнился многочисленными депутациями от редакций и учреждений. Выступали деятели литературы — Я. К. Грот, В. П. Гаевский, О. Ф. Миллер и др. Ишимова получила поздравления от многих почитателей ее таланта из различных городов России. Информации о 50-летию литературной деятельности писательницы печатала как петербургская, так и провинциальная пресса (97). Юбилей всего на два месяца опередил смерть Ишимовой. Она умерла 4 июня 1881 г.

А. О. Ишимовой посвящено немало работ (14, с. 510—511). Во многих из них устойчиво бытовало мнение о религиозно-монархической направленности ее творчества. При этом не наблюдалось даже попыток определить вклад писательницы в развитие детской литературы. Исключением являются только работы Ю. В. Фоминой и З. Я. Немшиловой (39, с. 215—224; 10, с. 53—55). Такой подход не отвечает принципам историзма в оценке явлений прошлого. Все созданное Ишимовой должно восприниматься в плане развития всей детской литературы, в особенности начального этапа ее становления.

Л. А. Ярцова

Совершенно забыта ныне Любовь Аникитишна Ярцова (1794—1876). Сведения о ней крайне скудны: в «Русском биографическом словаре» ей отведено всего несколько строк (61, с. 189). Известно, что Любовь Аникитишна — дочь строителя и главного начальника

Уральских горных заводов. Ее отец А. С. Ярцов (1737—1819) — автор записок о состоянии этих заводов, а также неопубликованного труда «История горного промысла в России». Сама писательница была связана родственными узами с Г. Р. Державиным, несколько лет прожила в семье поэта.

Причина, побудившая Ярцову заняться литературой, заключалась, вероятно, в ее тяжелом материальном положении: после смерти отца, не имевшего ни поместий, ни крепостных, она получала лишь небольшую пенсию. Первым литературным трудом писательницы был перевод книги для детей французского писателя Висса «Новый Робинзон, или Швейцарское семейство, претерпевшее кораблекрушение», сюжетом которой послужила история о путешественниках поневоле, обнаруженных на одном из полинезийских островов русскими моряками во главе с И. Ф. Крузенштерном, совершавшими кругосветное плавание.

Занимательность этого приключения и хорошо выполненный перевод позволяли надеяться на издание книги. В 1829 г. Любовь Аникитишна показала свою работу президенту Российской Академии А. С. Шишкову. Адмирал, часто помогавший начинающим авторам определиться в литературе, нашел типографию, где в 1833—1834 гг. рукопись и была напечатана. Примечательно, что переводчица не решилась назвать себя на титульном листе книги, представив читателю только первые буквы имени и фамилии — Л. Я.

Первая удача определила направление литературной деятельности Ярцовой. Она стала писать для детей. Около двух лет Любовь Аникитишна работала над книгой «Полезное чтение для детей». К 1834 г. рукопись была завершена и предложена вниманию Российской Академии. Там решили помочь автору, не имеющему возможности из-за «скудости своего состояния» обратиться к другим издателям. На знаменитом заседании 18 января 1836 г., отмеченном во второй книжке «Современника» (1836) статьей Пушкина, был определен тираж книги — 1200 экземпляров в пользу писательницы. «Можно убедиться, что она (Ярцова. — М. Ф.) отличается совершенным знанием отечественного языка, сведениями во многих науках и весьма редкою способностью излагать избранные ею

предметы сло́гом чи́стым, ве́сьма прѣятным и вмѣстѣ с тем приспособленным понятиям юных ее читателей, так что сочинение сие без пристрастия можно назвать подарком для родителей», — гласил отзыв Рассматривательного комитета (108, л. 1). На этом же заседании постановили наградить автора книги малой золотой медалью.

В ответном письме Ярцова благодарила за помощь и награду, рассматривая ее «как поощрение к дальнейшим трудам на пользу юных питомцев моего Отечества» (108, л. 5). Впоследствии академия взяла на себя труд распространить оставшиеся у Ярцовой экземпляры книги. Это было вызвано просьбой вдовы Г. Р. Державина Дарьи Алексеевны, адресованной президенту академии Шишкову: «Милостивый государь Александр Семенович. Родственница моя, известная Вашему Высокочревателству сочинительница книги под названием „Полезное чтение для детей“ — по беззаботливости книгопродавцов наших — не могла воспользоваться трудом своим, и донныне из того издания продано по мелочи небольшое токмо количество; но большая затем часть, до 800 экземпляров, остается у ней без всякого производства, что кроме немаловажных затруднений в расчетах с книгопродавцами препятствует ей по весьма недостаточному состоянию ее и впредь быть полезною изданием столь необходимых еще у нас детских книг» (109, л. 1). Продажа приобретенных академией книг принесла Ярцовой 1000 рублей (109, л. 5). В 1838 г. книга ее была удостоена половинной Демидовской премии Академии наук — 2.5 тысячи рублей.

В основе «Полезного чтения для детей» — этой некогда популярной книги — лежат нехитрые истории о жизни сельских детей, проводивших свое время в работе, совершении «благоверных» поступков (оказании помощи бедным и убогим) и постижении основ различных наук. Умело составленный текст был не только занимательным литературным чтением. В книге рассматривались вопросы астрономии, физики, ботаники и географии, зоологии и искусства. На страницах «Полезного чтения» оживали Коперник и Кеплер, Ломоносов и Гумбольдт. Особенно интересны очерки, посвященные русской истории. В них рассказывалось о Киевской Руси, Смутном времени, о петровских преоб-

разованиях, победах русского оружия в войне с Наполеоном.

В 40-е гг. писательница продолжала работать над произведениями для детей и юношества. Появились книги «Параша, дочь сельского священника» (Спб., 1861), в которой поднимался вопрос о необходимости образования для девушек из духовных семей, и «Счастлирое семейство, или Полезное чтение для детей», выдержавшие два издания (Спб., 1847 и 1854). Последнее сочинение получило положительную оценку Н. Г. Чернышевского (7, с. 191).

Неважно складывались отношения Ярцовой с владельцами книжных лавок — уж очень трудно было получать вырученные от продажи ее книг деньги. Писательнице помогали друзья. Среди них — С. П. Шевырев. С его помощью в Москве удалось распространить некоторое количество книг. «Прошу Вас не беспокоиться так много насчет неудачи денежных выгод. С этим я уже давно помирилась. Петербургские книгопродавцы... несговорчивы, и притеснения их в этом роде неизобразимы! Потому очень понимаю и вполне чувствую все, что Вы для меня сделали...» — благодарила писательница в одном из писем 1848 г. своего покровителя и друга (122, л. 3). Она просит прислать все вышедшие к тому времени тома его «Истории русской словесности» (Спб., 1845—1860), предполагая использовать это сочинение в своей новой книге — «Изложение русской словесности для юношества». Работа растянулась на десять лет и не была завершена.

В 1849 г. Л. А. Ярцова переехала в Киев. Здесь она прожила несколько лет. Вероятно, это было вызвано приглашением преподавать в Киевском институте благородных девиц. Во всяком случае, в ее переписке с Шевыревым за те годы упомянут адрес института (122, л. 5 об.).

Занятия литературой продолжались. В 1859 г. в свет вышла еще одна работа, пополнившая список книг Ярцовой. Это «Прогулка с детьми по Киеву». Хорошо иллюстрированная книга в простой, доступной форме знакомила читателей с историей древней русской столицы. Объектом описания были памятники старины и современности — все монастыри, университет, другие общественные учреждения и частные здания. Ярцова стремилась рассказать все легенды, свя-

занные с их историей. Много источников пришлось изучить писательнице, прежде чем взяться за этот труд. Сегодня «Прогулка с детьми по Киеву» может служить превосходным источником не только для литературоведов, но и для историков и искусствоведов.

В начале 60-х гг. здоровье Л. А. Ярцовой ухудшилось — участились тяжелые приступы ревматизма. Она стала отходить от литературной деятельности. К этому времени она издала свои последние книги — сказку «Мальчик и девочка» (Спб., 1858), «Неистоимый кошелек» (Спб., 1861) и «Новый год, масленица и рождество» (Спб., 1861). Последние годы писательница провела в кругу своих родных — племянниц Дарьи Алексеевны Державиной, окруживших ее заботой и вниманием. Любовь Аникитишна Ярцова скончалась в возрасте 82 лет 23 декабря 1876 г. в Петербурге.

Книги Л. А. Ярцовой по своим сюжетам схожи с сочинениями Зонтаг и Ишимовой. И хотя произведения этих писательниц входили в «охранительную» схему уваровского просвещения, в них поднимались важные вопросы, стоявшие перед педагогикой. Они стремились привить детям идеи гуманизма, рассказывали о прошлом и настоящем России, содействовали развитию у юношества интереса к образованию.

* * *

Зонтаг, Ишимова, Ярцова... Ими не ограничивается список детских писательниц той поры. Среди других авторов — дочь М. М. Сперанского Е. М. Фролова-Багреева, написавшая «Чтение для маленьких детей» (М., 1828), поэтесса М. Б. Даргомыжская, мать композитора А. С. Даргомыжского, казанская писательница А. А. Фукс, опубликовавшая сказки для маленьких, переводчица А. В. Зражевская, познакомившая юных читателей с увлекательными путешествиями, и Е. Ф. Тютчева. В душную последекабристскую эпоху прошлого столетия они удивительно верно определили свое место в жизни — место наставниц, несших искры просвещения юношеству.

Московский Парнас

(З. А. Волконская,
Е. П. Ростопчина, К. К. Павлова,
Е. А. Тимашева, Н. С. и С. С. Тепловы,
М. А. Лисицына)

В 20—30-х гг. прошлого века Москва была крупнейшим литературным центром. Здесь сосредоточилось все лучшее, что было в русской литературе. Интенсивно развивалась книгоиздательская деятельность и журналистика. В московских журналах печатались Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Д. В. Давыдов, И. И. Козлов, В. К. Кюхельбекер, Н. М. Языков и, конечно же, Пушкин.

Среди московских авторов были и женщины. Особенно часто они публиковались в «Дамском журнале». Издаваемый эпигоном сентиментализма П. И. Шаликовым, журнал предназначался в основном для женской аудитории. У своих читательниц он пользовался широкой популярностью. На страницах этого издания можно было прочесть о новостях русской и зарубежной литературы, театральном и музыкальном искусстве, о новинках моды. Публиковались даже рецепты изысканных блюд. Шаликов печатал всех: наряду со стихами Пушкина, Вяземского и Козлова здесь можно найти и новинки графомана Д. И. Хвостова. Среди авторов «Дамского журнала» — поэтессы Екатерина Андреева, Татьяна Веревкина, Ольга Крюкова, Мария Логинова, Надежда Теплова и некоторые другие, не пожелавшие полностью раскрыть своих имен.

Немало женщин-литераторов встречалось и среди участников литературных групп и салонов. Некоторые из них сами были хозяйками этих настоящих оазисов культуры. Одним из самых известных был салон А. П. Елагиной. Вот что вспоминал о нем П. И. Бар-

тень: «С тридцатых годов и до нового царствования (Александра II.— М. Ф.) дом и салон А[вдотьи] П[етровны] были одним из наиболее любимых и посещаемых средоточий русских литературных и научных деятелей. Все, что было в Москве интеллигентного, просвещенного и талантливое, съезжалось сюда по воскресеньям. Приезжавшие в Москву знаменитости, русские и иностранные, являлись в салон Елагиных... Блестящие московские салоны и кружки того времени служили выражением господствовавших в русской интеллигенции литературных направлений, научных и философских взглядов. Это известно всем и каждому. Менее известны, но не менее важны были значение и роль этих кружков и салонов в другом отношении — именно как школа для начинающих молодых людей: здесь они воспитывались и приготавливались к последующей литературной и научной деятельности... Здесь они встречались и знакомились со всем, что тогда было выдающегося в русской литературе и науке, прислушивались к спорам и мнениям, сами принимали в них участие и мало-помалу укреплялись в любви к литературным и научным знаниям...

Ум, обширная начитанность и очаровательная приветливость хозяйки привлекали сюда избранное общество. Даровитые юноши, товарищи и сверстники молодых братьев Киреевских, встречали в их матери самую искреннюю ласку. Тут были: кн. Одоевский, В. П. Титов, Н. М. Рожалин, А. И. Кошелев, С. П. Шевырев, А. П. Петерсон, М. А. Максимович, Д. В. Веневитинов, А. О. Армфельдт, С. А. Соболевский и С. С. Мальцов. А. П. Елагина необыкновенно умела оживлять общество своим неподдельным участием ко всему живому и даровитому, ко всякому благоугодному начинанию и сердечному высокому порыву...

В доме у Красных ворот устраивались чтения, сочинялись и разыгрывались драматические представления, предпринимались загородные прогулки, описывалось в стихах, например, странствование к Троице-Сергию (Троице-Сергиевой лавре. — М. Ф.)... живая грациозная шутка была достоинством елагинской семьи... Жуковский и Языков ввели туда А. С. Пушкина... Дом Елагиной сделался средоточием московской уметвенной и художественной жизни. Языков совместничал с „княгиней русского стиха“ К. К. Павловою, тогда

еще девицею Яниш, удостоенною внимания со стороны Гете и приехавшего (в Москву на пути в Сибирь) Гумбольдта.

Чаадаев являлся на воскресные Елагинские вечера. Возвращенный из ссылки Баратынский был у Елагиных домашним человеком...» (95, с. 492—493).

Впоследствии этот салон сыграл большую роль в объединении славянофилов, явился школой, воспитавшей поколение молодых славянофилов — друзей братьев И. и П. Киреевских.

Среди других известных имен московских писательниц — хозяйек литературных салонов назовем З. А. Волконскую, Е. П. Растопчину, К. К. Павлову.

З. А. Волконская

Имя Зинаиды Волконской знакомо нам со школьной скамьи. Впервые оно появилось в незабываемых некрасовских строках «Русских женщин»:

Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — жите
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И северной звали Коринной...

(43, т. 4, с. 165)

Зинаида Александровна Волконская родилась в 1792 г. в Турине (Италия), где ее отец князь А. М. Белосельский-Белозерский был российским посланником при дворе Савойского короля. Не зная матери (она умерла при родах), девочка воспитывалась отцом. Посланник слыл ценителем культуры, страстным любителем словесности, музыки, живописи и ваяния. Его перу принадлежало исследование «О музыке в Италии» и опера в двух действиях «Оленька, или Первоначальная любовь». За свои труды князь был избран в члены различных научных обществ — Петербургской Академии наук, Российской Академии, Булонского института, Академии словесности в Нанси и Кассельской Академии древностей. Переписывался посланник и со многими европейскими знаменитостями, среди которых были Вольтер, Дидро, Лагарп.

Он и привил дочери любовь к прекрасному. Маленькая Зинаида плохо говорила по-русски, но превос-

ходно владела французским, итальянским, английским, греческим и латинским языками. Нередко отец и дочь декламировали стихи Корнеля, Расина, Вольтера. Детские годы, проведенные в Италии, способствовали развитию ее дарований.

Отец умер, когда Зинаиде исполнилось 17 лет. Это случилось в 1809 г., когда семья переехала в Петербург. А через полтора года она стала женой молодого аристократа, флигель-адъютанта царя Н. Г. Волконского и заняла видное место при дворе Александра I. Здесь в полной мере раскрылось дарование молодой женщины как певицы. Она участвовала в любительских спектаклях, где превосходно пела.

Но особый успех выпал на долю Волконской в Париже, куда она попала с русским двором, следовавшим за армией в заграничном походе 1813—1814 гг. Здесь на сцене одного из частных театров Зинаида Александровна с организованной ею труппой актер-любителей поставила оперу «Итальянка в Алжире» еще мало известного тогда Россини. Париж рукоплескал аристократке-певице. Многие знатоки вокального искусства сожалели, что знатное происхождение Волконской закрывало перед ней профессиональную сцену. При дворе «артистическая» популярность княгини многих шокировала. Не одобрял ее выступлений и император.

Для княгини Волконской парижский период жизни был знаменателен не только вокальными выступлениями. В 1816 г. она совершила поступок, возмущивший всех сторонников Бурбонов. Русская княгиня осмелилась ходатайствовать за полковника Лабедейера, который со своей частью первым перешел на сторону возвратившегося в 1815 г. с острова Эльбы Наполеона. Королевский суд приговорил офицера к смертной казни. Заступничество Волконской, обратившейся за помощью к царю, не дало никаких результатов.

В 1817 г. Зинаида Александровна вернулась в Россию. В течение года она жила в Петербурге, затем уехала в Одессу. С начала 1819 г. Волконская вновь в столице. Но свет пресытил ее. Она ищет уединения и покоя, чтобы заняться литературным трудом.

В 1819 г. в Москве выходит первое произведение Волконской «Четыре новеллы», написанное по-французски. Первая из них — «Лора» — автобиографична.

Перед читателем предстает история молодой девушки — это судьба самой княгини. Умная, впечатлительная, любознательная девушка рано выходит замуж. Она увлечена «светом». Но вскоре молодая женщина убеждается в мишурности своей жизни. Она сталкивается только с ложью и клеветой. И Лора порывает со «светом» и начинает совершенно новую жизнь. Она путешествует, с жаром предается наукам и искусству, находя в этом душевный покой. С рождением ребенка ее жизнь приобретает новый смысл. Женщина всецело посвящает себя его воспитанию. Эта часть новеллы — действительная картина жизни Зинаиды Волконской, беззаветно любившей сына Александра, который до 15 лет воспитывался только матерью.

В других новеллах — «Два бразильских племени, или Набуя и Зиуайе», «Разлученные супруги» и «Дитя Кашмира» — особенно сказалось увлечение писательницы романтизмом, причем в первой заметно влияние знаменитого романа Шатобриана «Атала». Герои этих произведений — дети природы, ярко выраженные носители руссоистских идей «природного» добра и чистоты нравов.

Литературный дебют Волконской обратил на себя внимание. П. А. Вяземский в одном из писем 1819 г. к А. И. Тургеневу подмечал, что в новеллах молодого автора «есть тонкие наблюдения и счастливые выражения» (81, № 3, с. 948). Но после выхода в свет первой книги в литературных занятиях Волконской наступает долгое затишье.

Весной 1820 г. Зинаида Александровна поехала в Италию. Здесь она вновь обратилась к искусству оперы, а в 1821 г. на сцене частного театра поставила свою оперу «Жанна д'Арк», в которой сыграла главную роль. Вокруг Волконской образовался кружок, к которому принадлежали художники и скульпторы Ф. А. Бруни, К. П. Брюллов, С. Ф. Щедрин, С. Гальберг, Г. Верне, А. Канова и Б. Торвальдсен. Иногда они принимали участие в любительских спектаклях княгини. Все участники кружка, который назывался «Академией», были в восторге от ее «президента». Вот как отзывался о ней скульптор Гальберг в письме к приятелю в Петербург: «Княгиня З. А. Волконская женщина прелюбезная, преданная, предобрая, женщина — автор, музыкант, актер, женщина с глазами оча-

ровательными, наконец, та самая, которая известна в Петербурге под именем Зинаиды Волконской» (81, № 3, с. 950).

В 1822 г. Волконская возвратилась в Россию. Она отошла от светской жизни и посвятила себя исключительно научным занятиям. Зинаида Александровна глубоко интересовалась прошлым России и Скандинавии. Она изучала летописи и работы, посвященные начальному этапу русской истории. Исследованиями княгини руководил швейцарец, состоявший на русской службе, филолог и историк Андре Мернан. Нередко Волконская обращалась за советами к знатоку прошлого — президенту Российской Академии А. С. Шишкову. В письмах она называла его «Нестором русских наук» (141, л. 115).

Результатом двухлетних занятий явились два самых интересных ее произведения, посвященных истории славян: незаконченная поэма «Сказание об Ольге» и повесть «Славянская картина пятого века». Судьба их была различна. С отрывками из поэмы публика познакомилась только в 1836 г. в журнале «Московский наблюдатель». Публикацию предваряло небольшое предисловие известного историка М. Н. Погодина, в котором подчеркивалась научная обстоятельность этого литературного произведения: «Все подробности основаны на глубоком, отчетливом и совестливом изучении всех источников, какие только предлагает история, как-то: источников славянских, норманских, арабских и греческих. К этому присоединяется живое изучение характера русского народа, всех подробностей его простой жизни, поверий, обычаев, песен, языка» (85, с. 286). В этих произведениях, написанных изящным французским языком, Волконская взяла на себя нелегкую задачу восстановить историческую панораму жизни восточных славян V—XI вв.

По красоте описания дохристианской Руси, отточенности слога и динамике изложения «Сказание об Ольге» — лучшее произведение писательницы. История замужества дочери варяга — рыбака с Чудского озера, ставшей киевской княгиней, переплетается с изображением удивительного мира далеких предков. Здесь игры, гадания колдунов, бытовой уклад славян и варягов и даже первые христианские проповеди. Богатый комплекс источников, использованный Волконской, по-

мог ей воссоздать колорит того времени. «Сказание» свидетельствует о таланте Волконской как литератора и историка. Особенно впечатляет эпизод гибели князя Олега от укуса змеи, вдохновенно описанный тогда же (в 1822 г.) и А. С. Пушкиным. Он настолько ярок и динамичен, что делает читателя как бы очевидцем происходящего.

«Славянская картина» была издана в Париже в 1824 г. В этой повести, как и в «Сказании об Ольге», все та же тема: жизнь и взаимоотношения славянских племен. Основной сюжет произведения — романтическая любовь Ладовида и красавицы Мириады, родителей легендарного основателя Киева — Кия. «Славянская картина», без сомнения, написана на основании глубокого изучения автором таких монументальных трудов, как «История государства Российского» Н. М. Карамзина, работ по русской истории А.-Л. Шлецера, опубликованных летописных сводов, не свободных от неточностей и ошибок, характерных для русской исторической науки той поры.

Оценка опубликованной в Париже повести превзошла все ожидания. Французский критик из «Ревю Энциклопедик» называл автора «достойной соперницей французских писательниц по изяществу и свежести чистого гармонического стиля» (81, № 3, с. 953).

В России «Славянская картина» была встречена благожелательно. О литературных трудах писательницы достаточно определенно выразил свое мнение Шевырев: «В ней врожденная любовь к искусству. О, если бы она в молодости писала по-русски! У нас бы поняли, в чем состоит деликатность и эстетизм стиля. Она создала бы у нас шатобриановскую прозу» (81, № 4, с. 141).

Артистические и литературные занятия Волконской вызвали насмешки и неприязненное отношение ее великосветских знакомых, которые, по точному замечанию П. Б. Козловского — одного из близких друзей писательницы, «не терпят... умственного преимущества» (81, № 3, с. 952). Злословие и насмешки приводили Зинаиду Александровну в отчаяние. И она уезжает из холодной столицы в Москву.

Годы, которые Волконская провела в Москве (1825—1829), — самые знаменательные в ее биографии. Писательница поселилась в великолепном дворце

князей Белосельских-Белозерских на Тверской улице (ныне ул. Горького). Этот дом стал центром культурной жизни города. Здесь бывала вся литературная, научная и музыкальная Москва. Доверимся в этом свидетельству одного из постоянных посетителей «Аркадии» на Тверской П. А. Вяземского: «...в Москве дом кн. Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты... представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе стояла сама хозяйка дома. Слышавшим ее нельзя было забыть впечатления, которое производила она своим полным и звучным контральто и одушевленной игрою в роли Танкреды в опере Россини» (38, с. 173).

Да, этот дом скоро стал широко известен. Хозяйка постаралась придать своему жилищу вид, соответствующий вкусам эпохи. Фронтон был украшен надписью «*Ridendo discere verum*»,* стены дома расписаны фресками на классические сюжеты. При входе были установлены бюсты Мольера и композитора Чимарозы, свидетельствующие о том, что гости находятся в храме искусств. И действительно, самый большой зал был превращен в настоящий театр, где играли пьесы французских авторов и ставили оперы итальянских композиторов.

По понедельникам у Зинаиды Александровны собирались московские и приезжие литераторы — Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов (страстно и безнадежно влюбленный в хозяйку), В. А. Жуковский, братья Киреевские, С. А. Соболевский, В. Ф. Одоевский, П. А. Вяземский, И. И. Козлов, С. П. Шевырев, П. Я. Чаадаев, М. П. Погодин, Н. М. Языков, П. И. Шаликов, А. С. Пушкин, А. Мицкевич. Здесь декламировали стихи, читали запрещенное цензурой «Горе от ума» и красавец граф Риччи — поэт и музыкант — пел романсы. В другие дни Волконская и «ар-

* «Смейся, сказать правду» (лат.).

живые юноши» * сообща писали коллективный роман.

Волконская являла перед всеми замечательный тип женщины, наделенной не только красотой, но и удивительным артистическим талантом. Уже стали известны отзывы французских критиков на «Славянскую картину». С переводом отрывков из этого произведения познакомил читателей Шаликов, напечатав их в «Дамском журнале» (1825). Неточности, допущенные переводчиком, вызвали серьезную критику со стороны «Московского телеграфа», «Сына отечества» и «Северной пчелы».

Занятия Волконской славянской стариной обратили на себя внимание ученых. 16 октября 1825 г. она была избрана действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете. В благодарственном письме на имя председателя — А. А. Писарева она писала: «Никогда не была я равнодушна ко всему, что может способствовать славе нашего отечества, что знаменует благоговение к почтенной его древности, что соответствует об усердии к его просвещению. Ваше избрание... обращенное членами вашего общества на склонность мою к археологическим изысканиям, одушевляет меня новою ревностью к полезным занятиям на том поприще, которое вы предназначили для благородных своих упражнений...» (102, с. 160).

Появление женщины-ученой подвигло ее усердного поклонника Шаликова на создание восторженных строк:

Блестящих дожили времен
Мы в щастливой отчизне доле:
Прекрасный ныне феномен
Явился нам в прекрасном поле.

(78, с. 77)

Панегирик «славянским» трудам знаменитой женщины мы читаем и в стихотворении «Плач Ярославны» (1825) И. И. Козлова. Это послание явило собой поэтическое переложение небольшого отрывка из замечательного памятника прошлого — «Слова о полку

* Так называли служивших в московском архиве Иностранной коллегии И. В. Киреевского, Д. В. и А. В. Веневитиновых, С. П. Шевырева, М. А. Мельгунова, С. А. Соболевского, А. И. Кошелева.

Игорева». Поэта связывала с Волконской искренняя дружба. Известно несколько его прекрасных стихотворений, посвященных Зинаиде Александровне. Это — «Княгине З. А. Волконской» (Мне говорят: Она поет) (1825), выражающее восторг слушателя ее удивительным вокальным дарованием, «Плач Ярославны» (1825) и «Княгине З. А. Волконской» (Я арфа тревоги, ты — арфа любви) (1838).

В 1838 г. до Волконской дошло известие о тяжелом моральном состоянии слепого поэта, и она пишет ему полные сострадания строки:

Ты арфа страданья,
Ты арфа терпенья —
Ты арфа с душой.

Твой дух, твои струны
Поют хор мученья;
Напев их — аминь.

Терпи, моя арфа!
Звучишь ты надеждой,
Пророчишь ты рай!

И ангел скорбящих
Твой голос узнает —
И встретит тебя.

(29, с. 125)

В теплую Италию, где тогда жила Зинаида Александровна, был отослан один из последних поэтических шедевров Козлова:

Я арфа тревоги, ты — арфа любви
И радости мирной, небесной;
Звучу я напевом мятежной тоски, —
Мил сердцу твой голос чудесный.
Я здесь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страстей сокрушенный, —
А ты горшишь в небе прекрасной звездой,
Как ангел прекрасный, нетленный!

(29, с. 118)

Строки навеяны грустными воспоминаниями о прошлом, о чудесных временах московских встреч с княгиней Зинаидой Волконской.

Осень 1826 г. была памятна москвичам. В город приехали два великих поэта. Из Одессы прибыл А. Мицкевич, ставший своим человеком в доме на

Тверской, а из михайловской ссылки вернулся Пушкин. В салон Волконской его ввел С. А. Соболевский, у которого поэт остановился. Прекрасная хозяйка очаровала бывшего михайловского изгнанника умом, любезностью, изумительным голосом. В первый вечер их знакомства Зинаида Александровна исполнила романс на слова элегии Пушкина «Погасло дневное светило...», что приятно удивило поэта. «Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала на лице его. В нем этот признак сильной впечатлительности был несомненное выражение всякого потрясающего впечатления», — вспоминал Вяземский об этой встрече (94, с. 1085). С этого вечера начался триумф поэта в древней столице.

24 октября 1826 г. Пушкин присутствовал на обеде, устроенном в его честь московскими литераторами. После событий на Сенатской площади Москва еще представляла собой общественную оппозицию жандармскому Петербургу. И опальный Пушкин, выступивший против «умственных плотин» самодержавия, в глазах тамошних литераторов оставался символом несломленного духа Поэта. Поэтому он был так необходим Москве. Друзья считали, что именно здесь должны родиться новые пушкинские шедевры.

«Возвращайтесь! Московский воздух как-будто полегче. Великому русскому поэту подобает писать или среди раздолья степей, или под сенью Кремля. Творец „Бориса Годунова“ принадлежит городу царей. От какой матери родился человек, гений которого весь сила, изящество, непринужденность, который, являясь то дикарем, то европейцем, то Шекспиром, то Байроном, то Ариостом, то Анакреоном, но всегда оставаясь русским, умеет переноситься от лиры к драме, от песен, то полных любовной неги, то простодушных, то подчас даже суровых, то романтических, то едких, к важному и безыскусственному тону строгой истории! До скорого свидания...» — писала 29 октября 1826 г. Волконская в Петербург поэту, надеясь на скорую встречу (81, № 3, с. 967).

А из северной столицы на Тверскую шла посылка — поэма «Цыганы» и известное впоследствии стихотворение «Княгине З. А. Волконской при посылке ей поэмы „Цыганы“»:

Среди рассеянной Москвы
 При толпах виста и бостона,
 При бальном лепете молвы
 Ты любишь игры Аполлона.
 Царица муз и красоты,
 Рукю нежной держишь ты
 Волшебный скипетр вдохновений,
 И пад задумчивым челом,
 Двойным увенчанным венком,
 И вьется и пылает гений.
 Певца, плененного тобой,
 Не отвергай смиренной дани,
 Внемли с улыбкой голос мой,
 Как мимоездом Каталани *
 Цыганке внемлет кочевой.

(55, т. 3, с. 12)

Их последняя встреча состоялась в декабре 1826 г. Пушкин присутствовал на прощальном музыкальном вечере, устроенном Зинаидой Волконской в честь своей невестки, Марии Волконской (Раевской), уезжавшей к ссыльному мужу-декабристу в Сибирь. О чем они беседовали? Быть может, Волконская рассказывала о своей «Ольге», а Пушкин вспоминал «Вещего Олега». Во всяком случае, в 1836 г. поэт приобрел для своей библиотеки 8-й и 9-й номера журнала «Московский наблюдатель», где публиковались главы «Сказания об Ольге». Пушкину о Волконской напоминала и другая книга из его собрания — «Описание Тибета» (Спб., 1828), переведенная с китайского языка отцом Иакинфом (Н. Я. Бичуриным) и посвященная хозяйке знаменитого московского салона.

История с прощальным вечером в честь жены декабриста подчеркивает отношение Зинаиды Александровны к Николаю I. Тогда, при всеобщей растерянности и страхе, она имела мужество выражать сочувствие участникам восстания 14 декабря и другим, которые подвергались преследованиям правительства. Среди последних был и А. Мицкевич.

Сама Волконская находилась под тайным надзором полиции. Отношение николаевской администрации к хозяйке салона на Тверской отчетливо видно из донесения директора канцелярии Третьего отделения М. фон Фока от 21 августа 1826 г. шефу жандармов

* Каталани Анжелика — знаменитая итальянская певица, неоднократно бывала в России.

Бенкендорфу: «Между дамами самые непримиримые и всегда готовые разорвать на части правительство — княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слуг» (89, с. 191).

Особенно осложнилось положение Зинаиды Волконской к 1829 г. Стало известно, что княгиня перешла в католичество. Император был взбешен. Ей пришлось покинуть Россию. В мае семья Волконских уезжает из Москвы в Италию, в Рим. Вместе с ними уезжает С. П. Шевырев, который согласился подготовить 17-летнего Александра Волконского к поступлению в Московский университет.

Москва провожала свою любимицу поэтической грустью. В ее альбоме остались пожелания и стихотворные послания друзей. Лучше всех, пожалуй, выразил ее состояние перед вынужденным отъездом Н. Павлов:

Как соловей на зимние квартиры
Под небо лучшее летит,
Так и она в отчизну сладкой лиры
Воскреснуть силами спешит...

(81, № 4, с. 136)

Но и родину свою, Россию, Волконская забыть не могла. В дорожном дневнике появляются строки: «Отечество — священное имя, священный край, где над гробницами предков наших раздается наш родной язык. Отечество! Ты — наш родитель, а братья и друзья — всюду, где жизнь пылает и сердце бьется. Славянин, гордись родиной, дари ее жизнью своею, но простирай руку всем, ибо великое родство соединяет на земле сердца...» (70, с. 163). Слова, говорящие о многом, — и о гордости называться россиянином, и о готовности прийти на помощь страждущим...

На окраине Рима, близ площади Иоанна Латеранского, Зинаида Александровна приобрела виллу «Palazzo Poli» — вместительный трехэтажный дом с огромным парком, откуда открывался великолепный вид на окрестности Вечного города. Здесь провела она треть века, до конца своих дней. Но и в Риме она продолжала жить прежней жизнью — у нее собирались многие

из лучших представителей литературы и искусства России и Западной Европы.

Она часто вспоминала Россию, поддерживала связи со своими друзьями. В Петербург и Москву Волконская высылала статьи, написанные в виде популярных тогда путевых заметок. Они публиковались в журналах «Московский вестник» М. Погодина и «Галатей» С. Раича, в альманахе «Северные цветы на 1831 г.» Перед читателем представляли величавые австрийские и итальянские Альпы, убеленные снегом вершины сменялись зелеными равнинами Тосканы, суровой величественностью древнего Рима. Статьи Волконской знакомили с богатейшим культурным прошлым и настоящим Аппенин. Читая эти статьи, угадываешь в строках, посвященных южной стране, глубокую ностальгию по России и оставленным там друзьям.

В Риме Волконская обдумывает возможность создания общества «Патриотическая беседа», основная цель которого — познакомить Западную Европу с достижениями русской культуры. А в третьей части журнала Н. Надеждина «Телескоп» за 1831 г. она публикует «Проект Эстетического музея» при Московском университете. Это предложение было вызвано стремлением «нравственно усовершенствовать» русскую общественность — познакомить ее с достижениями античной культуры Возрождения и Просвещения. Она ратовала за широкую популяризацию искусства: «Желательно было бы, чтоб изящное искусство не ограничилось одними мастерскими художников, но вошло бы в круг общественного воспитания и образовало бы в народе чувство эстетическое» (101, с. 385). Зинаида Александровна предложила музею значительную сумму, а также посредничество в приобретении коллекций. Она стремилась внести свою лепту в развитие русского просвещения, сделать что-то реальное, связывающее ее с Россией, с Москвой. Но в те годы этим удивительным проектам так и не удалось осуществиться. Сегодня идея Волконской воплощена в одном из прекраснейших музеев нашей страны — Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Из России в Рим приходили грустные вести. С подозрительностью присматривался новый монарх к литераторам. Ужесточились цензурные преследования. Перестала выходить «Литературная газета», в которой

принимал активное участие Пушкин. А в 1832 г. Италию покидает успевший стать близким Волконским Шевырев — он спешит занять место адъюнкта русской словесности в Московском университете. Но с отъездом Шевырева их связь не прервалась, они переписываются. Зинаиду Александровну интересуют его дела, жизнь московских знакомых, все вопросы, имеющие отношение к развитию искусств и литературы. Слишком дороги были для нее воспоминания о друзьях, слишком сильно чувство любви к России!

В 1836 г. Волконская ненадолго приезжала в Россию — ее беспокоила судьба заболевшего сына. Опубликованные недавно воспоминания П. Д. Дурново позволили уточнить время пребывания Волконской в Петербурге и в Москве (56, с. 248—275). В столицу Зинаида Александровна прибыла 20 июня и находилась здесь до 20 августа, затем на несколько дней выехала в Москву. В сентябре она вернулась в Петербург. 30 сентября Волконская покинула Россию.

Из упомянутого источника удалось выяснить, где знаменитая женщина останавливалась в столице. В начале — во дворце Белосельских-Белозерских, на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки. После возвращения из Москвы она поселилась у матери рано умершего поэта Веневитинова. А. Н. Веневитинова, дружившая с Волконской, жила в доме Кусовникова на углу Большой Морской и Гороховой (ныне улицы Герцена и Дзержинского).

В Петербурге Волконская пыталась восстановить старые литературные связи, возобновила свои музыкальные вечера. Об одном из них сохранилось воспоминание П. Д. Дурново: «Вечером у княгини Зинаиды: она живет у г-жи Веневитиновой. Там музицировали. Княгиня пела еще хорошо, несмотря на свои 50 лет.* Глинка превосходно играл на рояле» (56, с. 261).

Но кто же из литераторов бывал у Волконской? В своей переписке о встрече в те осенние дни 1836 г. с Зинаидой Александровной упоминал Вяземский (114,

* Дурново неточен: в 1836 г. Волконской исполнилось 44 года.

л. 1). Может быть, виделась она и с Пушкиным? Никаких данных о встрече не имеется, и об этом можно только предполагать. Но о пребывании Волконской в Петербурге Пушкин не мог не слышать, — ее приезд стал событием в жизни северной столицы. Титулованная изгнанница была принята в домах многих высокопоставленных особ. Накануне своего отъезда из России она простилась в Царском Селе с императрицей.

Конечно, воскресить атмосферу своего блестящего московского салона ей не удалось. Такие оазисы культуры, свободы, непринужденности николаевскому Петербургу, занятому плац-парадами и великосветскими сплетнями, были чужды. Уже сгущались тучи над Пушкиным. Другой хороший знакомый по дому на Тверской — Чаадаев — был объявлен невменяемым и «изъят» из общества. Нет, ничего хорошего в России 1836 г. Волконскую не ждало. И она вернулась в Италию.

И все же поездка в Россию оставила интересный след в ее творчестве. У Зинаиды Александровны имеется произведение, в котором особенно выражены ее размышления о судьбе России, ее народе. На его создание, без сомнения, повлияла поездка Волконской домой летом и осенью 1836 г. Мы имеем в виду «Песнь Невскую», опубликованную впервые в 1872 г. в 10-м номере журнала «Русский архив». Возможным источником этой публикации мог послужить список, сделанный в январе 1838 г. Н. В. Гоголем в Италии (хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Сюжет стихотворения связан с печально известным пожаром 17—19 декабря 1837 г., уничтожившим царскую резиденцию — Зимний дворец. Эта трагедия изложена стилизованным языком былины. На стихотворении лежит печать увлечения Волконской бытом, фольклором и историей русского народа.

В «Песне» прослеживается отношение поэтессы к Николаю I, правящему огромной страной. Начинается стихотворение с апофеоза монарха. Ангел, венчающий знаменитую колонну на площади перед царским дворцом, рассуждает о необъятной власти Николая I. Но царской воле не подвластна природа. Петербург подвержен частым наводнениям, пожар сжигает дворец.

Природа оказалась сильнее монарха. Сильнее природы — воля народа жить в труде, создавая прекрасное.

Вы зачем собрались, люди умные,
Люди умные, мастера-столяры,
А и плотники новгородские?
Уж не новый дворец ли затеяли?
Ан впрямь уж дворец в мыслях строится,
Скоро сказывается сказка русская,
Скоро делается дело с русскими.
Станет скоро дворец, что волшебный дом,
Живописный весь и весь мраморный...
А ведь живопись к нам привозный цвет,
Хоть привозный цвет, да сроднился он
С почвой русскою, с русским разумом.

(119, л. 2 об.)

Какая глубокая вера в созидательную силу народа, который пережил не одно — и не только природное — ненастье! В последних строчках угадываются мысли Волконской о создании Эстетического музея, так необходимого для общенародного духовного развития, и о своеобразии русской культуры — глубоко национальной в своей основе и совсем не чуждой всему лучшему в мировой культуре.

А пока — возвращение в Рим. Вилла «Poli», пустовавшая после отъезда хозяйки в Россию, вновь наполнилась музыкой и гостями. Некоторые оставались здесь на долгое время. Для таких гостей наверху была специальная комната. В разное время в ней жили Гоголь, Мицкевич, И. М. Виельгорский. Из центра города сюда приходили художники О. А. Кипренский, Ф. А. Бруни, М. И. Лебедев, К. П. Брюллов, А. А. Иванов. К столу собиралось много гостей. После обеда обычно переходили в нижнюю гостиную. Художники брались за карандаши — для них был заведен особый альбом. Развлекались и рисованием карикатур. По вечерам устраивались литературные собрания, не уступавшие московским. Писатели читали свои новые стихи, рассказы, пьесы, композиторы знакомили с новыми музыкальными произведениями, артисты вместе с хозяйкой дома давали концерты.

Волконская получала десятки писем — от Жуковского и Вяземского, Проспера Мериме и Дениса Давыдова, Евгения Баратынского, мадам де Сталь и Адама Мицкевича, Михаила Ивановича Глинки и Ксавье

де Местра. В солнечную Италию шли письма и из далекой Сибири. До конца жизни переписывалась Зинаида Александровна с М. Н. Волконской, которая жила в Никитинском и Петровском острогах, а затем на поселении.

С 1837 по 1839 г. у Волконских постоянно бывал Гоголь. Зинаида Александровна сумела создать атмосферу свободы и покоя писателю, переживавшему в связи с работой над вторым томом «Мертвых душ» духовный кризис. О римском периоде жизни замечательного мастера слова вспоминал П. В. Анненков: «Это была для него эпоха поворота мысли и направления, связанная с колебанием воли и суждения, какому он предавался в Риме. На вилле кн. Волконской, упиравшейся в старый римский водопровод, который служил ей террасою, он ложился спиной на аркаду „богатых“, так он называл древних римлян, и по полусуткам смотрел в голубое небо, на мертвую и великодушную римскую Кампанию» (2, с. 195). Прогуливаясь по знаменитой Аллее сувениров, среди бюстов Венецининова, Пушкина, В. Скотта, Байрона, Жуковского, Баратынского, Николай Васильевич вынашивал сюжеты будущих произведений. А Волконская всегда умела выслушать писателя, понять малейшие оттенки его мыслей и чувств. В 1839 г. «Коринна» предложила своему другу провести у нее чтение «Ревизора» по подписке в пользу земляка Гоголя — молодого художника И. С. Шаповалова. Сбор был значительный — 500 рублей, он помог художнику завершить учебу в Италии.

Зинаида Александровна обладала удивительным даром привлекать к себе всех знавших ее. Всю жизнь у Волконской были преданные друзья, с которыми «царица муз и красоты» вела постоянную переписку. С особым вниманием ухаживала она за могилой 17-летней дочери Вяземского, умершей после тяжелой болезни. На ее смерть написала грустную элегию. Вот строки из письма Гоголя к отцу усопшей, открывающие удивительную душевную щедрость этой замечательной женщины, ее верность дружбе: «Еще не так давно был я вместе с кн. З. Волконской на знакомой и близкой вашему сердцу могиле. Кусты роз и кипарис растут здесь; между ними прокрались какие-то незнакомые два-три цветка. . . Потом я был еще раз с одним

москвичом и вновь уверился, что эта могила не сирота; в Италии нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему» (92, с. 787, 789). Да, дом Волконских был маленьким русским островком, где друзья могли всегда рассчитывать на доброе отношение его хозяйки.

С конца 30-х гг. в ее жизни заметно усилились религиозно-мистические настроения. Этому способствовало почти безвыездное проживание в столице Папского государства. Все чаще среди посетителей виллы «Poli» можно было увидеть католических священников и монахов.

С годами Зинаида Александровна все больше погружается в мистику, доходя до крайнего религиозного фанатизма. Она не замечает острых социальных и моральных противоречий, разжигавших страсти вокруг престола «наместника бога на земле». Она обожает папу и во всех беспорядках обвиняет лишь дурных слуг его. Касаясь беспорядков среди населения во время эпидемии холеры, вызванных тем, что деньги, отпущенные на борьбу с этим несчастьем, не пошли по назначению, Волконская пишет в Москву Шевыреву: «Намерения папы всегда хороши, он предобрый, но часто обманут... Даже ему скрывали болезнь, которая теперь царствует, однако он, узнавши всю правду, сделал много хорошего, но исполнители его не отвечают его намерениям» (121, л. 55 об.). Волконская, сама передавшая много денег для борьбы с эпидемией, с возмущением отмечает совершенную незаинтересованность в этом деле высшего римского клира, присвоившего средства, — «у них нет милосердия».

Папа Григорий XVI оставил недобрый след в истории. Время его правления — это крайний обскурантизм, консерватизм в области экономики, террор в области внутренней политики. Неоднократно в 30—40-х гг. подданные «его святейшества», доведенные до отчаяния, поднимали восстания. По просьбе папы их подавляли австрийцы.

Все больше и больше попадала Волконская под влияние папских слуг, и огромные взносы на «дело святой церкви» в конце концов разорили некогда богатую «русскую римлянку».

Но и в этот сложный период жизни Волконская оставалась искренне сострадательной к чужим несчастьям, мягкой, терпимой и доверчивой к людям.

Русская княгиня была хорошо известна своим милосердием и простым жителям Рима, прозвавшим ее Beata (Благочестивая) и помнившим Волконскую после смерти. Умерла Зинаида Александровна в 1862 г. в Риме почти нищей.

Какова же судьба ее богатейшего литературно-художественного собрания? Архив З. А. Волконской остался в Италии. На протяжении долгих десятилетий русские исследователи безрезультатно пытались выяснить его судьбу. Незадолго до первой мировой войны после настойчивых хлопот пушкиниста-литературоведа М. Е. Щеголева министерство иностранных дел поручило русскому послу в Риме выяснить возможность приобретения архива для Пушкинского Дома. Но попытка оказалась безрезультатной.

Рукописи, собрание картин и скульптур, библиотека З. А. Волконской оставались на римской вилле вплоть до 1921 г. Затем последняя его владелица — наследница приемной дочери княгини — маркиза Н. В. Кампанари продала виллу германскому посольству. Когда бывшая владелица скончалась в 1923 г., коллекция была разделена между наследниками на пять равных частей. Большая часть в течение ряда лет продавалась на аукционе в Риме. Пятую часть, принадлежавшую Владимиру Кампанари, мужу Н. В. Волконской-Кампанари, купил русский антиквар, живший в Риме, В. Лиммерман. Новому владельцу удалось также приобрести некоторые вещи из других частей наследства Волконской и тем самым увеличить свою коллекцию.

В 1966 г. под псевдонимом Андре Трофимов он издал в Риме на французском языке книгу «Княгиня Волконская. Из императорской России в папский Рим». В ней Лиммерман описал доставшуюся ему часть коллекции З. А. Волконской. Вскоре он продал ее американцу Килгуру. В феврале 1967 г. последний владелец подарил это собрание библиотеке Гарвардского университета (США).

Позже выяснилось, что имущество Волконской, отправленное из Рима за океан, содержит ценные материалы русской культуры. Кроме рукописей самой Волконской и писем, адресованных ей, здесь находились неопубликованная рукопись Гоголя, автографы Пушкина, Жуковского, Баратынского, письма Глинки,

Мицкевича и многих других деятелей русской культуры, уникальные акварельные портреты.

Часть художественной коллекции Волконской — портреты и картины, писанные маслом, — Лиммерман оставил у себя. В Гарвардский университет не попали некоторые работы О. А. Кипренского, В. Л. Боровиковского, Ф. С. Рокотова, Ф. А. Бруни.

После смерти Лиммермана оставшаяся у него часть коллекции Э. А. Волконской почти полностью была продана с аукциона фирмой «Кристи». С описанием этого бесценного собрания можно познакомиться, прочитав очерки И. С. Зильберштейна, И. Т. Трофимова (49, с. 445—455; 67, с. 25—28). В 1987 г. вышло интересное исследование В. М. Фридкина, в котором автор познакомил читателей со своими разысканиями в архивах Западной Европы и Америки. Немало места здесь отводится дальнейшей судьбе знаменитой коллекции (70, с. 121—164).

Имя Зинаиды Александровны Волконской можно встретить во многих работах, посвященных истории русской и зарубежной культуры первой половины прошлого века. Судьба знаменитой женщины вызывала интерес не только у ее современников. Уже в конце XIX—начале XX в. появляются несколько биографических очерков о Волконской. Их авторами были Д. Л. Мордовцев, Н. А. Белозерская и М. А. Гаррис (25, с. 189). А в 1909 г. появилось и посвящение «Северной Коринне». В своем сонете Л. П. Гроссман, впоследствии известный советский литературовед, в нескольких строках показал основные этапы ее непростой и в то же время удивительной жизни:

Она вошла в московские салоны,
Чтоб в городе шатровых куполов
Пропеть под мерный гул колоколов
Палящие Петрарковы канцоны.

И любила темные иконы,
Кириллицу, славянский часослов,
Чтоб вспоминать о них среди балов,
В толпе конгрессов Вены и Вероны.

(24, с. 20)

И сегодня о «царице муз и красоты» вспоминают, читая Пушкина, Баратынского, Вяземского, Веневитинова, Козлова. Удивительная жизнь Э. А. Волкон-

ской — не случайный эпизод прошлого. Она — яркое, светящееся вдохновением отражение замечательного периода нашей классической культуры, периода, который будет волновать еще многих исследователей.

Е. П. Ростопчина

Среди писательниц, чье творчество особенно связано с Москвой, ее историей, бытом и нравами, — Е. П. Ростопчина. В ее поэзии и прозе нашли отражение и духовные искания женщин той поры, и события общественно-политической жизни.

Евдокия Петровна Сушкова (в замужестве Ростопчина) родилась 23 декабря 1811 г. в Москве, у Чистых прудов, в старинном доме, принадлежавшем ее деду по матери И. А. Пашкову. Рано оставшись без матери и почти не видя отца, служившего то в Петербурге, то в Оренбурге и находившегося в постоянных разъездах, девочка воспитывалась в семье деда. Учителями были гувернантки, преподаватель Московского университетского пансиона литератор С. И. Раич, оказавший определенное влияние на девочку, знаменитый в Москве учитель танцев Иогель, на балах которого бывал Пушкин. Маленькая Додо (так называли девочку в семейном кругу) постигала все, что и ее сверстницы из дворянских семей с достатком: немного истории и географии, русской грамматики, языка, игру на фортепьяно, рисование, танцы. Став постарше, она частенько наведывалась в библиотеку деда и здесь среди книг не чувствовала себя одиноко. Из русских авторов с особым увлечением девочка читала Карамзина, Жуковского, Пушкина. Среди зарубежных наиболее любимы были Шекспир, Мольер, Гете, де Сталь, Шиллер, де Мюссе, Байрон, Бальзак.

Творческий путь Евдокии Петровны начался очень рано — по ее собственным воспоминаниям, с 7 лет. И если первые поэтические опыты появились на французском языке, то в 14 лет Додо писала уже по-русски, причем, тщательно скрывая свое увлечение поэзией от взрослых. В доме деда было кому поддержать ее поэтические занятия. Литература являлась здесь в лице известных гостей — Жуковского, Вяземского, А. И. Тургенева, Пушкина, Мицкевича. Да и в семье Сушковых к сочинительству имели пристрастие бабуш-

ка Додо — Мария Васильевна, урожденная Храповицкая, поэтесса и переводчица, отец, дядя и брат Дмитрий. Среди них и находила своих первых читателей Евдокия. Знакомы с ее первыми стихами были юный Огарев и учившийся в университетском пансионе Лермонтов. Но о чем думала эта девушка, что ее волновало?

В 1852 г., незадолго до смерти, Евдокия Петровна вспоминала о тех днях: «Да, тогда выучивали наизусть Расина, Жуковского, Мильвуа и Батюшкова. Тогдашние женщины — не нынешним чета! Они мечтали, они плакали, они переносились юным и страстным воображением на место юных и страстных героинь тех устаревших книг; все это, может быть, очень смешно и слишком сентиментально по-теперешнему, но зато вспомните, что то поколение мечтательниц дало нам Татьяну Пушкина, милый, благородный, прелестный тип девушки тогдашнего времени»* (59, с. 265). Какое точное определение пушкинской эпохи! Пушкинская Татьяна была сродни молодой Сушковой.

Начинающую поэтессу вдохновляли образы героев древности и участников совсем недавних событий, особенно близко было девушке имя поэта Андре Шенье.

Есть имя — от него издавна сердце билось,
Когда ребенком я несведущим была.
Однажды, меж больших, речь грустная зашла
Об юном узнике; я в страхе притаилась,
Вникала всей душой в несвязный их рассказ,
Столь темный для меня, жилицы новой света, —
Была растрогана страданьями поэта,
Темницей, смертью... Рекой из детских глаз
Впервые полились возвышенные слезы, —

так вспоминала впоследствии о своих первых поэтических увлечениях уже не начинающая поэтесса Додо Сушкова, а известная в литературных кругах Евдокия Ростопчина (60, с. 90).

В конце декабря 1825 г. до Москвы долетели слухи о декабрьском выступлении на Сенатской площади, об арестах подозреваемых. Среди арестованных и привлеченных по делу «противозаконного возмущения» 14 декабря были и знакомые Пашковых. В доме об этом говорили все. И вот на бумагу ложатся строки:

* Выделено Е. П. Ростопчинсй.

Когда настанет день паденья для тирана,
 Свободы светлый день, день мести роковой,
 Когда на родине, у ног царей погранной,
 Промчится шум войны, как бури грозный вой;
 Когда в сердцах славян плач братьев притесненных
 Зажжет священный гнев и ненависть к врагу,
 Когда они пойдут на выкуп угнетенных,
 На правый божий суд, на кровную борьбу;
 Когда защитники свободы соберутся,
 Чтоб самовластия ярмо навек разбить,
 Когда со всех сторон в России раздадутся
 Обеты грозные «погибнуть иль сгубить!»
 Тогда в воинственный наряд он * облачится,
 Тогда каратель-меч в руке его сверкнет,
 Тогда ретивый конь с ним гордо в бой помчится,
 Тогда трехцветный шарф на сердце он прижмет...

(60, с. 21)

Стихотворение «Мечта» — это гимн надежде, надежде на победу «защитников свободы». Благородно их стремление «самовластия ярмо навек разбить». Центральный образ — образ русского офицера-гражданина, победившего тирана и возвратившегося в родной город «покрытым трофеями славы», рисковавшего жизнью ради общественного блага — напоминал героя республиканского Рима. Эти строки сродни декабристской литературе. И может быть, не случайно окончательный вариант стихотворения появился в чистом виде в июле 1830 г. Тогда в Париже победила революция, приведшая к падению Бурбонов.

Летом 1826 г., узнав о печальной судьбе участников восстания 14 декабря, приговоренных к каторге, девушка со свойственным ей темпераментом создает другое поэтическое обращение к декабристам — «К страдальцам-изгнанникам».

Соотичи мои, заступники свободы,
 О вы, изгнанники за правду и закон,
 Нет, вас не оскорбят проклятием народы,
 Вы не услышите укор земных племен!

(60, с. 23)

Эти возвышенные строки показывают не только понимание подвига декабристов, но и его глубокую историческую перспективу, и непреходящий пример их выступления для освободительного движения других народов. Это гимн лучшим гражданам отечества, от-

* Выделено Е. П. Ростопчиной.

давшим все свои силы и жизни, чтоб «рабства иго снять с России». Страстным сочувствием и преклонением перед героями звучали стихи:

Удел ваш не позор, а слава, уваженье,
Благословения правдивых сограждан,
Спокойной совести, Европы одобренье
И благодарный храм от будущих славян!
Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И цепи рабства снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.
Быть может, между вас в сибирских тундрах диких
Увяли многие?.. Быть может, душный плен
И воздух ссылочный — отравя душ великих —
Убили в цвете лет жильцов подземных стен?..
Ни эпитафии, ни пышность мавзолеев
Их прах страдальческий, их память не почтут:
Загробная вражда их сторожей-злодеев
Украстить нам не даст последний их приют.
Но да утешатся священные их тени!
Их памятник — в сердцах отечества сынов,
В неподкупных хвалах свободных песнопений,
В молитвах русских жен, в почтенье всех веков!
Мир им!.. Мир праху их!.. А вы, друзья несчастных,
Несите с мужеством крест неизбежный свой!..
Быть может, вам не век стонать в горах ужасных,
Не век терпеть в цепях, с поруганной главой..
Быть может, вам и нам ударит час священный
Паденья варварства, деспотства и царей,
И нам торжествовать придется день блаженный
Свободы для Руси, отмщенья для друзей!..

(60, с. 23—24)

Так писала пятнадцатилетняя девушка. Какая сила вдохновения, какая глубокая вера в будущее России! Естественно, крамольные строки не могли увидеть света в годы царствования Николая I и ходили по рукам в списках. Пройдет время, и свое стихотворение автор подарит вернувшимся с каторги декабристам как свидетельство безграничного уважения их подвига, как поэтический памятник героям 14 декабря.

Сегодня, читая строки этого стихотворения, чувствуешь, как перекликаются они со знаменитым пушкинским посланием «Во глубине сибирских руд». Неудивительно. Эпиграфами к своим «декабристским» стихам Додо выбрала строки из варианта послания поэта «К Чаадаеву» («Поверь, мой друг, взойдет она, // Звезда пленительного счастья...», в то время еще не опубликованного и ходившего в списках) и вольно-

любивой поэмы К. Рылеева «Наливайко». Это убедительно показывает, какие настроения царили в доме Пашковых и что волновало его юную обитательницу. Оба стихотворения — «Мечта» и «Страдальцам-изгнанникам» — являются существенным дополнением к литературной биографии Ростопчиной, о которой сложилось расхожее представление как о «салонном» поэте. Действительно, она дебютировала не только «декабристскими стихами». В ее первых поэтических опытах немало строк о любви, маскарадах, шумных светских гостиных. Созданы они были под влиянием романтических идеалов молодой поэтессы, когда она начала выезжать в свет. Но очень скоро романтика балов и маскарадов рассеялась. Высшее общество поразило девушку чопорностью, лицемерием, духовной пустотой. «Безжалостно насмешливый свет» ничего не мог дать Евдокии Сушковой, кроме лжи, суеты и клеветы.

Боюсь двусмысленных вопросов и речей!
Боюсь участия, обмана... и друзей.

(59, с. 11)

Больно ранила неискренность мнимых друзей! Правда, были исключения. На одном из балов у московского губернатора Д. В. Голицына она познакомилась с Пушкиным. Позднее, вспоминая об этом вечере, брат поэтессы С. Сушков рассказывал: «Пушкин так заинтересовался пылкими и восторженными излияниями юной собеседницы, что провел с нею большую часть вечера и после того тотчас познакомился с семейством Пашковых» (59, с. 215).

Вскоре после своей свадьбы поэт снова побывал в доме у Чистых прудов. 1 марта 1831 г., на масленицу, Александр Сергеевич, Наталья Николаевна и Евдокия Сушкова приняли участие в гулянии и катании на санках. С тех пор жена Пушкина и Сушкова стали подругами. Эта дружба продолжалась и после роковой январской дуэли. Они часто встречались и у знакомых, и у себя дома, вместе ездили на отдых в Ревель.

Дружба с женой Пушкина нелегко далась молодой поэтессе. Очевидно, она сама сделалась неравнодушной к Александру Сергеевичу. Догадываясь о сложном положении Пушкина рядом со столь блистательной красавицей, Евдокия Петровна весной 1832 г. напи-

сала стихотворение «Отринутому поэту». В нем Сушкова предугадывала судьбу великого поэта. А в 1840 г. — в тяжелое для вдовы поэта время — Ростопчина посвятит Наталье Николаевне стихотворение «Арабское предание о розе», где превосходно передаст всю глубину пережитых страданий пушкинской «Мадонны».

Для поэтессы память о Пушкине была священна. Особенно льстило Евдокии Петровне, что критики причисляли ее к пушкинскому кругу поэтов. Она гордилась дружбой с близкими Пушкину поэтами и литераторами. «Я вспоминала, что принадлежу и сердцем и направлением не нашему времени, а другому, благороднейшему — пишущему не из видов каких, а прямо и просто от избытка мысли и чувства, я вспоминала, что жила в короткости Пушкина, Крылова, Жуковского, Тургенева, Баратынского, Карамзина, что эти чистые славы наши любили, хвалили, благословляли меня на путь по следам их — и я отрешилась... от своей эпохи, своих сверстников и современников, сближаясь все более и более с моими старшими, с другими образцами и наставниками моими», — писала она за год до своей смерти М. П. Погодину, бескомпромиссно определяя свои литературные симпатии (60, с. 297). Всю свою жизнь она помнила, какая литературная плеяда стояла у истоков ее творчества. Поэтому памяти «незабвенного» и посвятила она в 1838 г. предназначенное для осиротевшего без Пушкина «Современника» свое поэтическое воспоминание «Две встречи»:

Слова его в душу свою принимая,
Ему благодарна всем сердцем была я...
И много минуло годов с того дня,
И много узнала, изведала я, —
Но живо и ныне о нем * вспоминаю;
Но речи поэта, его предвещанье
Я в памяти сердца храню как завет
И ими горжусь... хоть его уже нет!..

(60, с. 56)

«Много узнала, изведала я...» — так могла писать только глубоко несчастная женщина.

В мае 1833 г. Евдокия Петровна вышла замуж за графа Андрея Федоровича Ростопчина. Сразу после

* Выделено Е. П. Ростопчиной.

свадьбы молодые уехали в деревню, где прожили до осени 1836 г. Но и здесь, в воронежском имении «Анна», поэтесса не оставляла пера и бумаги. С 1834 г. стихи Ростопчиной стали появляться в московских журналах и сразу же были отмечены читателями. Появляются и первые отзывы критиков.

И. В. Киреевский в своем очерке «О русских писательницах» в конце, не упоминая имени Ростопчиной, отмечал: «Без сомнения, вы слышали об одном из самых блестящих украшений нашего общества, о поэте, которой имя, несмотря на решительный талант, еще неизвестно в нашей литературе» (28, т. 1, с. 118). Вяземский в письме к А. И. Тургеневу сравнивал опубликованное в «Московском наблюдателе» стихотворение Евдокии Петровны «Последний цветок» с лучшими поэтическими произведениями Жуковского, Пушкина и Баратынского. «Какое глубокое чувство, какая простота и сила в выражении и, между тем, сколько женского!» — восхищался он (59, с. 6). Действительно, ее стихи удивляют своей искренностью и красотой. Это строки, посвященные русской природе («Осенние листья», «Последний цветок»), в то же время в них присутствует образ самой поэтессы.

Брак не принес Ростопчиной счастья. Читаешь строки ее стихотворений и чувствуешь, как она одинока, как тоскует о настоящем чувстве, которое не смог дать ей муж, светский повеса, не желавший понимать ее духовных исканий. «Бал, светский шум, плен горожанки», успех в обществе и богатство не могут принести настоящего счастья, счастья жизни и любви. А счастье можно найти только среди свободных людей. Об этом и говорит поэтесса в стихотворении «Надевая албанский костюм»:

Разбивши цепь приличий скучных,
Поправ у ног устав людей,
Идти часов благополучных
Искать меж гордых дикарей!..

Как знать?.. Далеко за горами
Нашла б я в хижине простой
Друзей с горячими сердцами,
Привет радушный и родной!

Нашла бы счастья прямого
Удел, не знаемый в дворцах,

И паликара молодого
Со страстью пламенной в очах!..

(60, с. 34)

Ее стихи рассказывали о несчастливой любви и жажде духовного понимания. Наконец, они являли собой протест общественному бесправию женщины. «Энергия чувства» и «грустные порывы» — так критика определяла духовную основу поэзии Ростопчиной — способствовали созданию таких шедевров, как «Три поры жизни», «Безнадежность», «Зимний вечер», «Месть», несущих в себе сильное философское начало и заставляющих глубоко задуматься о настоящих ценностях жизни.

ТРИ ПОРЫ ЖИЗНИ

Была пора: во мне тревожное волнение, —
Как перед пламенем в вулкане гул глухой,
Кипело день и ночь; я вся была стремленье...
Я вторила судьбе улыбкой и слезой.
Удел таинственный мне что-то предвещало;
Я волю замыслам, простор мечтам звала...
Я все высокое душою понимала,
Всему прекрасному платила дань любви, —
Жила я *сердцем* * в оны дни!

Потом была пора, — и света блеск лукавый
Своею мишурой мой взор околдовал:
Бал, — искуситель наш, — чарующей отравой
Прельстил меня, завлек, весь ум мой обаял.
Пир и праздники, алмазы и наряды,
Головокружный вальс вполне владели мной;
Я вдохновенья луч тушила без пощады
Для света бальных свеч... я женщиной была, —
Тщеславьем * женским я жила!

Но третья пора теперь мне наступила, —
Но демон суеты из сердца изженен,
Но светлая мечта Поэзии сменила
Тщеславья гордого опасно-сладкий сон.
Воскресло, ожило святое вдохновенье!..
Дышу свободнее; дум царственный полет
Витает в небесах, и божий мир берет
Себе в минутное, но полное владенье;
Не сердцем — головой, не в грезах — наяву,
Я *мыслию* * теперь, живу!

(60, с. 36—37)

«Высказать себя» — вот основное направление литературной музыки Ростопчиной.

* Выделено Е. П. Ростопчиной.

Осенью 1836 г. Ростопчины переехали в Петербург. Евдокия Петровна окунулась в литературный, музыкальный и артистический мир Невской Венеции. Литературный Петербург принял ее с восторгом. Красота, блистательный ум, исключительная начитанность Додо собирали на вечера к Ростопчиным многих выдающихся людей того времени. В ее доме на Дворцовой набережной пели приезжие итальянские певцы, играли братья Виельгорские и Ференц Лист, частыми гостями были Глинка и Даргомыжский. Собирались здесь и известные литераторы: Жуковский, Пушкин, Вяземский, А. И. Тургенев, Вл. Одоевский, Плетнев, Соболевский, Соллогуб. Накануне своего поединка Пушкин обедал у Ростопчиных (60, с. 270).

В 1837 г. в «Современнике» (№ 5 и 7) появились стихотворения Ростопчиной, написанные в воронежском имении, «Эльбрус и я», «Месть». Возможно, публикации содействовал сам редактор журнала. И едва ли случайно Евдокия Петровна написала следующие строчки в посвящении к своей драме «Дочь Дон Жуана»:

...О, не забуду я,
Что Пушкина улыбкой вдохновенной
Был награжден мой простодушный стих...

(59, с. 14)

Уже после смерти поэта она получила от Жуковского необыкновенный подарок — последнюю черновую тетрадь Пушкина, в которую он ничего не успел записать. К посылке была приложена записка. В ней Василий Андреевич напутствовал Ростопчину «докончить книгу» (59, с. 7). Ответом было опубликованное в «Современнике» (1839, т. 15) стихотворение, посвященное памяти великого поэта:

Смотрю с волнением, с тоскою умиленной
На книгу — сироту, на белые листы,
Куда усопший наш рукою вдохновенной
Сбирался вписывать и песни и мечты;
Куда фантазии созревшей, в полной силе
Созданья дивные он собирать хотел...
...И мне, и мне сей дар! Мне, слабой, недостойной,
Мой сердца духовник пришел ее вручить,
Мне песнью робкою, неопытной, нестройной
Стих чудный Пушкина велел он заменить!..

(59, с. 92—93)

Интересна судьба этого подарка. В тетрадь, в которой уже были черновые наброски Жуковского, Ростопчина стала вписывать «потаенные» стихи, ходившие в списках. Здесь оказались и эпиграммы на Аракчеева, Булгарина, А. Голицына — пушкинские произведения. Стихотворений самой Евдокии Петровны насчитывалось до полутора ста. Впоследствии это собрание приобрел у дочери поэтессы, Лидии Андреевны Ростопчиной, известный собиратель рукописей и предметов пушкинского времени А. Ф. Онегин-Отто. Около пятидесяти лет хранилась тетрадь в его парижском музее. И только в 1928 г. этот ценнейший документ вернулся на родину в составе всего онегинского собрания. Ныне тетрадь хранится в Пушкинском Доме.

К концу 30-х гг. поэтическое мастерство Е. П. Ростопчиной достигло наибольшего расцвета. Ее охотно печатали столичные журналы. Плетнев, возглавивший после смерти Пушкина «Современник», писал о таланте поэтессы: «Она, без сомнения, первый поэт теперь на Руси» (60, с. 279). Жизнь в Петербурге продолжалась, однако, недолго. С весны 1838 г. Евдокия Петровна вновь в своем воронежском имении. И здесь она занята творчеством. Через год читатели уже держали в руках «Очерки большого света», подписанные псевдонимом «Ясновидящая». «Очерки» включили в себя две повести — «Чины и деньги» и «Поединок». Они удачно дополнили собой сочинения других писательниц-романтиков, поднимавших вопрос о культурном и общественном самоопределении женщин. «Очерки» не лишены интереса. Здесь встречаются любопытные зарисовки характеров, колоритные бытовые подробности, занимательные сюжетные ситуации. В сочинении звучал протест против бездушия «света» и требование признать за женщиной право на любовь по ее свободному выбору, на духовную свободу. И это было вызовом сословным предрассудкам.

Недолго пробыла Евдокия Петровна в деревне. Сельская жизнь — не удел светской женщины. Ростопчина вернулась в Петербург. Она готовила к изданию сборник первых своих стихов. Книга вышла весной 1841 г. и включила многое, написанное в 1829—1841 гг. Здесь были послания друзьям-поэтам — «Князю В. Ф. Одоевскому», «Белая дама (К. А. Тимашевой)», стихи памяти Пушкина и Д. Давыдова («Чер-

новая книга Пушкина», «Две встречи», «Одним меньше»), строки, посвященные Москве («Новодевичий монастырь», «Сломанный дом»). Большая часть стихотворений сборника — это апофеоз женской любви, часто неразделенной, томительной. Это лирика сердца, страдающего от ревности, невнимания, нечуткости и неискренности мужчин. Героиня Ростопчиной — нежное и слабое поэтическое создание, ищущее сочувствия и дружбы родных душ, но часто оскорбляемая притворством и коварством «света».

Первый поэтический сборник Ростопчиной вызвал немало откликов, отметивших особую оригинальность, трогательность и выразительность ее стихотворений. «Элегический характер стихотворений графини Ростопчиной суть характер самой истины и простоты; ее грустные порывы текут из глубины сердца, а по их энергии вы видите, что они не есть плод поэтического расслабления духа. Вообще нежная прелесть чувств у ней везде поддерживается и облагораживается крепостью мысли», — писал А. В. Никитенко в «Сыне отечества» (60, с. 278). Гораздо сдержанней был отзыв Белинского. Признавая поэтическую «прелесть и талант» поэтессы, критик в то же время упрекал ее за поверхностное восприятие жизни, за тематическую узость, рассудочность ряда стихотворений. Ее талант, отмечал в заключение Белинский, «мог бы найти более обширную и более достойную себе сферу, чем салон» (6, т. 5, с. 460). Возможно, Белинскому не были известны иные, «крамольные», стихи Ростопчиной, появившиеся в печати только через сто лет. Ну а критические замечания поэтессы, уже привыкшая к похвалам, восприняла болезненно.

Много позже, в одном из писем 1857 г. к М. Погодину, она вспоминала: «Первый задел меня Белинский... Вместо того, чтобы убоиться и сблизиться с этим миром, тогда только рождающимся у нас в России, я не обратила на него внимания...» (59, с. 351). С «этим миром» ей еще предстояло столкнуться.

Литературный портрет Ростопчиной немислим без имени Лермонтова. Поэт, проводивший в феврале 1841 г. свой отпуск в столице, возобновил свое давнее знакомство с Евдокией Петровной. Они стали часто видеться на вечерах у нее дома, у Карамзиных, читали друг другу стихи, вспоминали годы «московского

бытия». Поэзию Ростопчиной и Лермонтова роднила общность духовного склада. Некоторые стихотворения поэтессы несут в себе прямые лермонтовские реминисценции (ср., например, ее «Не скучаю, а грустно» с лермонтовским «И скучно, и грустно»).

Евдокия Петровна, как никто другой, понимала своеобразие личности поэта. «Отпуск его подходил к концу, — вспоминала Ростопчина. — Лермонтову очень не хотелось ехать, у него были всякого рода дурные предчувствия. Наконец, около конца апреля или начала мая мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути. Я одна из последних пожала ему руку... Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать и стала смеяться над его казавшимися пустыми предчувствиями, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце» (60, с. 8). Прощаясь, они обменялись посланиями. 27 марта 1841 г. Ростопчина написала стихотворение «На дорогу», а Лермонтов вписал в альбом, подаренный ей, посвящение «Графине Ростопчиной», начинающееся словами:

Я верю, под одной звездой
Мы с вами были рождены...
(60, с. 277)

Через несколько месяцев в Петербург пришло известие о гибели поэта. Оно вызвало новые скорбные строки, где Ростопчина обратилась к трагической участи русских поэтов:

Поэты русские свершают жребий свой,
Не кончив песни лебединой.
(60, с. 81)

Весной 1845 г. поэтесса с мужем и тремя детьми уехала в двухлетнее путешествие по Европе. Она посетила Францию, Италию, Германию, Австрию. В дороге — в карете или в гостиницах — она не оставляет занятия всей своей жизни, много пишет. Именно в дороге было рождено стихотворение «Насильный брак», наделавшее много шума и сказавшееся в дальнейшем на судьбе Евдокии Петровны. Изложенное в форме рассказа о судьбе молодой жены барона-десно-

та, оно на самом деле изображало угнетение Польши русским самодержавием.

Во время своего пребывания в Риме Ростопчина прочитала «Насильный брак» Гоголю. Писатель предложил опубликовать стихи в России, заверив автора, что «там не поймут и напечатают» (53, с. 65). В конце 1846 г. Ростопчина послала «опасное сочинение» Булгарину. Издатель официозной «Северной пчелы» был польщен честью, оказанной ему известной поэтессой, и поспешил опубликовать стихи. Но очень скоро истинный сюжет «Брака» открылся. Царь был разгневан. Булгарину пришлось давать объяснения в Третьем отделении, а номер газеты был изъят. История получила широкую общественную огласку. Со стороны двора были организованы даже литературные «ответы» верноподданных поэтов Н. В. Кукольника («Ответ вассалов») и Е. П. Рудыковского («Ты прав во всем, наш повелитель...»), призывавшие «барона» покарать дерзкую жену. Любопытно, что тогда же появилось анонимное стихотворение «Ответ старого вассала», написанное в защиту Ростопчиной.

После возвращения на родину (октябрь 1847 г.) «крамольная» поэтесса была удалена из столицы и вплоть до смерти Николая I прожила в Москве, выезжая в свое подмосковное имение Вороново.

Итак, вновь Москва. Вначале Ростопчины поселились на Ново-Басманной в доме матери графа Екатерины Петровны — женщины властной и неуживчивой, а затем переехали в двухэтажный особняк на Садово-Кудринской. Новый дом был великолепно отделан — мраморные лестницы, статуи работы итальянских мастеров, картины известнейших художников Европы, богатая библиотека. Все, желающие осмотреть картины, свободно допускались в дом. Вскоре дом Ростопчиных стал одним из самых известных литературных салонов города. Здесь бывали Б. Н. Алмазов, Н. В. Берг, М. Н. Загоскин, Д. В. Григорович, А. Ф. Писемский, Я. П. Полонский, М. А. Дмитриев, Н. Ф. Щербина, Е. В. Тур, Е. Н. Эдельсон, артисты М. С. Щепкин и И. В. Самарин. В этом доме Л. Н. Толстой познакомился с А. Н. Островским. Но чаще всего у Ростопчиных собирались сотрудники журнала «Москвитянин», в котором Евдокия Петровна стала принимать участие. В доме на Садовой звучала музыка,

приглашенные слушали новые литературные произведения хозяйки салона или гостей.

В 1840—1850-е гг. Ростопчиной помимо стихотворений были созданы и крупные произведения: романы «Счастливая женщина» (1851—1852), «Палаццо Форли» (1854), «У пристани» (1857), роман в стихах «Дневник девушки» (1842—1850), историческая пьеса в стихах «Монахиня» (1842), «Версальские ночи в 1847 году» (1847) и ряд произведений для сцены. Но эти сочинения не принесли писательнице славы. С конца 40-х гг. наблюдается резкое падение читательского интереса к ней.

В 1850-е гг. Ростопчина чувствует себя чужой среди непонятных ей «мнений и начал». Примкнув вначале к славянофилам, она вскоре порывает с ними. Не по пути ей и с западниками. Но особенно беспокоили Ростопчину входившие в литературный мир демократы-разночинцы. Их влияние на общественную жизнь, острые, не признающие «авторитетов» статьи в «Современнике» вызывают у писательницы-аристократки резкую неприязнь, раздражение. Она, живущая идеалами прошлого, идеалами дворянской культуры 20—30-х гг., не в силах понять, что история постоянно развивается, одно поколение сменяет другое.

Молодежь начала 1850-х гг. жила другими интересами. Ее прогрессивная часть с надеждой внимала событиям 1848 г., когда в Европе вновь зашатались престолы монархов. Ростопчина не могла понять, почему на ее вечера приходили гости, не столько желавшие услышать ее очередную литературную новинку, сколько стремившиеся познакомиться с автором «Насильного брака». И это неприятие реальных событий жизни привело поэтессу к консервативным позициям. Неудивительно и то, что сословные предрассудки графини Евдокии Ростопчиной оказались сильнее литературного фрондерства Додо Сушковой. И если она могла сочувствовать, например, объединению Италии под началом Савойской династии, то в восстании парижских блузников ей чудился призрак бунта крепостных в своих имениях. Поэтому такой откровенной ненавистью дышат касавшиеся европейских событий строки письма Ростопчиной к Одоевскому, в котором она призывает «не допускать нашу Русь, еще здоровую и молодую, отравлять мнимым просвещением, где яд со-

крытый и тлетворный подносится ей злоумышленно или неосторожно» (117, л. 9 об.). «Если бы нам теперь себя огородить духовно Китайскою стеною, запретить ВСЕ * без изъятия книги и журналы, прервать все сношения с Западом, мы бы еще на много веков отвратили от себя заразу...», — следует далее (117, л. 10). Строки, достойные болгаринского пера!

Упомянем и стихотворение «Болезни века», созданное в августе 1848 г. Оно выдает страх перепуганной европейскими революциями московской барыни, давно забывшей «вольнолюбивые мечты юности». Это подтверждает и посвящение поэтессы, адресованное «поколению Вертеров и Чайльд Гарольдов», то есть поколению Чацких, Онегиных и, в конечном счете, юной Додо Сушковой. Графине Ростопчиной стали ненавистны идеи преобразования мира, которыми двадцать лет назад она питала свои надежды и которые теперь, по ее разумению, привели к хаосу.

...Вы дерзкой мыслью мир разоблачали,
Вселенную постичь хотели лишь умом,
Во всем ничтожества, обмана лишь искали, —
И вот вы их нашли!..

(59, с. 224)

И эти строки написаны автором незабываемых посланий узникам-декабристам в Сибирь! Но вспомним, что общественная позиция Ростопчиной — это позиция определенной части дворянской интеллигенции николаевского времени. Она ненавидела разночинцев с их новой демократической идеологией и выступала против их «гражданства» в общественной жизни и особенно в литературе. Ей был глубоко чужд призыв Белинского к писателям этого направления содействовать «внутреннему сближению сословий» (6, т. 9, с. 435). Однако правительственная бюрократия была так же враждебна Ростопчиной. Император, не церемонившийся, когда это требовалось, с потомственным дворянством (из среды которого вышли и декабристы), сажавший на гауптвахту литераторов и старавшийся стереть проявление оппозиционной мысли в любых слоях общества, был ей неприятен.

* Выделено Е. П. Ростопчиной.

Идеал поэтессы — просвещенный монарх, царь-правитель, а не жандарм. Поэтому с надеждой ею была воспринята весть о смерти Николая I и воцарении его сына Александра II. От воспитанника Жуковского все ждали перемен. И действительно, начали работать комиссии по отмене крепостного права, возвращались из ссылки оставшиеся в живых декабристы. Вероятно, это и вдохновило Ростопчину на создание стихотворения «От поэта царям». В нем — поэтическое кредо поэтессы. Главный герой произведения — поэт-пророк. Только он может сказать всю правду, царедворцы лишь сеют вокруг трона семена лжи и хотят поссорить монарха с его подданными.

Не бойтесь нас, цари земные:
Не страшен искренний поэт,
Когда порой в дела мирские
Он вносит божьей правды свет...

(60, с. 151)

Путь правды поэта не отмечен стремлением достичь высокого служебного положения, поэтому он выше любого царедворца. Так Ростопчина пытается решить в своем творчестве проблему отношения поэта к обществу, поднятую еще Пушкиным и Лермонтовым, — отстаивает его право быть «пророком в своем отечестве». Эта преемственность подчеркивается и пушкинским эпиграфом к стихотворению: «Беда стране, где раб и льстец // Одни допущены к престолу» (60, с. 151).

Ну а как же отнеслась Ростопчина к событиям середины 1850-х гг. — Крымской войне, смене императоров, первым реформам нового самодержца? Военные действия на Крымском полуострове, закончившиеся, как известно, позорным крахом николаевской России, вызвали множество публицистических и поэтических отзывов. Газеты и журналы наполнились ура-патриотическими стихотворениями, памфлетами, карикатурами. Некоторые из этих сочинений выходили даже отдельными изданиями. Не осталась в стороне и Ростопчина. Но из всего комплекса ее «военных» стихотворений заслуживают внимания, на наш взгляд, лишь два. Первое — посвящение-призыв, обращенный к старому боевому генералу, герою Отечественной войны 1812 г. А. П. Ермолову. Известно, что декабристы прочли

его в свое правительство одним из министров, поэтому в 1827 г. Николай постарался избавиться от слишком популярного и любимого всеми главнокомандующего войсками на Кавказе. С тех пор Ермолов находился в отставке. Но в начале Крымской войны его избирают начальником Московского ополчения. Избрание это было скорее символическим — генералу было уже 77 лет. И тем не менее многие восприняли назначение боевого офицера, сражавшегося под командованием Кутузова, как возвращение армии к старой традиции ведения войны с помощью народа, приведшей в 1812 г. к повсеместному изгнанию иноземных захватчиков. Именно так и изображено поэссой призвание народом (а не царем) Ермолова на службу России.

Народный голос, — голос бога;
Он громко нынче вопиет:
Вставай, Ермолов! .. Русь зовст!
Тебе знакома ведь дорога?

Единодушным увлеченьем
Тебя назначила молва,
И над Московским ополченьем
Вождем поставила Москва.

Возьми рукой неослабевшей
Свой старый меч, Европы страх!
Герой, в покое поседевший,
Помолодеешь ты в боях!

Вставай! .. Когда по всей России
Известен будет выбор наш, —
Шатры воспещут боевые,
Хвалою откликнется шалаш!

Вставай, честь русского народа,
Себя врагам припомяни,
И пусть двадцатого года
Великие вернутся дни!

(60, с. 148)

Без сомнения, строки эти были вызваны всеобщим настроением, царившим в обществе в связи с назначением Ермолова. Послание вызвало ответ. Он особенно интересен тем, что неизвестен широкому кругу литературоведов и историков. Стихотворение «К Ростопчиной от имени Ермолова» скорее всего было написано одним из московских поэтов по поручению старого генерала.

Не неизвестного поэта
Читал я добрые слова,
По звукам лестного привета
Вас прямо назовет Москва,

— так начиналось это послание (112, л. 1 об.).

В суровый час испытаний на защиту России всегда поднимался весь народ. Душой старый солдат там, в Крыму, с армией. Но какая польза от старика в дальнем походе? Ему остались лишь воспоминания о славном прошлом.

И ныне чтут мои седины,
Воспоминанье старины,
И люди памятной годины,
И их достойные сыны.

Но горделивыми мечтами,
Поверьте, я не увлечен —
Давно я удручен годами,
От дела битвы отдален.

Давно заржавел меч мой бранный,
Ослабла дряхлая рука,
И пир кровавый, пир желанный
Едва ль по силам старика.

(112, л. 1 об.)

Другое «военное» послание Ростопчиной обращено к известному хирургу и общественному деятелю, участнику Севастопольской обороны 1854—1855 гг. Н. И. Пирогову:

Тебя повсюду чтут народы,
Из всех людей ты человек,
Ты друг людей и друг природы,
И будешь им ты целый век.

(138, л. 1 об.)

Менее удачным оказалось прозаическое «крымское» произведение Ростопчиной — роман в письмах «У пристани» (1857). Этот чрезвычайно затянутый и во многом надуманный роман с лишенными каких-либо моральных качеств героями не мог быть симпатичен читателю. Недаром Н. А. Добролюбов выступил в «Современнике» с уничтожающей оценкой этого произведения.

Нельзя сказать, чтобы изменения, последовавшие в связи со смертью «жандарма Европы» и воцарением Александра II, были восприняты Ростопчиной однозначно. Конечно, весть об амнистии оставшихся в живых декабристов она встретила благожелательно. Но едва ли так положительно отнеслась Евдокия Петровна к учреждению комиссий, подготавливавших реформу 1861 г. Отношение Ростопчиной к своим крепостным — это отношение радетельной барыни, прекрасно понимающей, что ее благополучие зависит от хорошего «рабочего» состояния своих крестьян.

Вельможа русский! Ты обязан
Беречь добро крестьян своих!
Их жребий с нашим тесно связан, —
Ответ дадим мы и за них.

(60, с. 155)

Она предупреждает, как опасно «разорять все семьи» крестьян, апеллируя к примерам из всемирной истории, вспоминает социальные потрясения в Вавилоне, древнем Риме («Пора прозреть, пора очнуться...»). Но заключительные строки стихотворения, призывающие дворян к гуманному отношению к своим крепостным («Ценой ненужных безделушек // Накормим нищих и ребят, // Оденем зябнущих старушек, // И жив да будет меньший брат!»), уж слишком утопичны и далеки от суровой действительности. Ростопчина хорошо понимала, что время патриархальной России безвозвратно уходит, разоряются дворянские «гнезда». Не было веры, что подготавливавшаяся реформа решит все проблемы.

Сомнения Ростопчиной нашли свое выражение в ее неопубликованном стихотворении «Вольность», хранящемся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (138, с. 1). Это памфлет, напоминающий популярные во второй половине XVIII в. «разговоры в царстве мертвых». Сюжет его несложен. Умерший Николай I пытается попасть в рай. Но апостол Петр, пропустив до него большую группу людей, закрыл ворота перед бывшим императором. Николай спросил: кто эти люди, что прошли до него?

Ты не узнал своих?
Ведь это россияне —

Твои без душ дворяне,
А это вольные крестьяне,
Они все по миру пошли
И нищими к нам в рай пришли,

— таким был ответ апостола.

Так вот в чем дело! Врата «вечной благодати» открыты только неимущим. Поэтому Николай шлет «наказ» своему венценосному сыну: если Александр действительно желает проявить заботу о своих подданных, то пусть лучше... разорит их, иначе рая им не видать.

Удивляет название памфлета — «Вольность». Не скрыта ли здесь тонкая ирония, саркастическая насмешка над конечным результатом готовившейся реформы? Наряду с этим в рукописи имеется одна любопытная деталь, наводящая на размышления. Строка «твои без душ дворяне» ранее была несколько иной — «твои бездушные дворяне». Затем поэтесса отредактировала прилагательное, предложив окончательный вариант в виде предлога и существительного — «без душ», несущих совсем иную смысловую нагрузку, чем прежде. Может быть, выработка окончательного варианта этой строки — тоже пример отношения Ростопчиной к будущей реформе?

Итак, ее беспокоит положение в стране, брожение умов. Она чувствует себя чужой даже среди бывших знакомых — посетителей ее салона. Все чаще на страницах периодических изданий появляются статьи и рецензии, направленные лично против Ростопчиной. Но и она не молчит. В 1856 г. Евдокия Петровна пишет комедию «Возврат Чацкого в Москву, или Встреча знакомых лиц после двадцатилетней разлуки». В ней она высмеивает и славянофилов и западников. Развенчивая противников, Ростопчина между тем ничего своего не предлагает. «Новый» Чацкий (по сути дела — сама Ростопчина) не похож на неистового Грибоедовского героя. Далекий от передовых общественных течений, обличитель (!) прогрессистов, он остается просто созерцателем окружающей жизни, ничего не предлагая для ее переустройства.

Не менее резко выступила Ростопчина против своих общественно-литературных оппонентов в стихотворной сатире «Дом сумасшедших в Москве в 1858 го-

ду». В этом незавершенном подражании «Дому сумасшедших» А. Ф. Воейкова она создала галерею карикатурных портретов своих современников. Ростопчина с большой меткостью рисует славянофилов — А. С. Хомякова и А. И. Кошелева, либералов — М. Н. Каткова и московского полицмейстера П. К. Щебальского. Другое стихотворение — «Простой обзор» (1857) было направлено лично против Герцена.

Отзывы слева также не щадили авторского самолюбия поэтессы. Особенно уничижительной критике подверг ее поэзию и роман «У пристани» Н. Г. Чернышевский. Он развенчивал не только популярность Ростопчиной, ставшей собственным эпигоном. Удар Чернышевского был направлен против политической и эстетической основы дворянской литературы в целом, крайне правый полюс которой представляла тогда поэтесса. Ростопчина ответила ненавистным «умникам-разночинцам» стихотворением «Моим критикам»:

Я разошлся с новым поколеньем,
Прочь от него идет стезя моя,
Понятьями, душой и убежденьем
Принадлежу другому миру я!

(60, с. 156)

Общественная и литературная позиция поэтессы не могла оставить равнодушными ее бывших единомышленников. Горькими укорами и упреками в измене прежним идеалам, «вере в будущность» наполнены строки обращенного к Ростопчиной с берегов туманного Альбиона послания Н. Огарева — «Отступнице» (1857). Он призывал ее, пока еще не поздно, направить свой талант на развитие новой, прогрессивной литературы. Но тщетно.*

* Негативное отношение Ростопчиной к Герцену и Огареву в 1850-е гг. не помешало Огареву опубликовать в своем лондонском издании 1861 г. «Русская потаенная литература XIX столетия» стихотворение поэтессы «Пускай в России нет дворян...» (1840-е гг.), которое по цензурным соображениям не могло появиться на родине. Интересно отметить, что, резко критикуя систему управления николаевской России и направленное против высшей бюрократии, оно перекликается с не менее острым памфлетом «Генерал Дуракин» (Париж, 1864), сочиненным свояченицей Ростопчиной — графиней С. де Сегюр.

И все же о забвении говорить не приходилось. В апреле 1858 г. уже больную поэтессу посетил находившийся проездом в Москве знаменитый автор «Трех мушкетеров». До этой встречи Евдокия Петровна была знакома с Дюма лишь по переписке. Теперь же они встретились лично. По просьбе французского гостя Ростопчина написала воспоминания о Лермонтове и отправила их вместе с французским переводом пушкинского стихотворения «Во глубине сибирских руд...». Посылка дошла по назначению в конце декабря — уже после смерти отправителя. Евдокия Петровна умерла от рака желудка 14 декабря 1858 г. в Москве и похоронена на Пятницком кладбище за Троицкой заставой.

Мы помним Ростопчину прежде всего как поэтессу пушкинской плеяды, как одну из первых писательниц, заставивших задуматься о «поэтике женской души». И не случайно ее поэтическое наследие вот уже на протяжении более чем полутора столетия интересует исследователей. Опубликованные к 175-летию со дня рождения поэтессы сборники «Евдокия Ростопчина. Стихотворения. Проза. Письма» (М., 1986), «Е. П. Ростопчина. Талисман» (М., 1987), без сомнения, будут способствовать знакомству наших современников с творческой судьбой этой интересной представительницы литературы пушкинской поры.

К. К. Павлова

В 1907 г. художник-передвижник Г. Г. Мясоедов создал картину «Мицкевич в салоне Зинаиды Волконской импровизирует Пушкину». Полотно воспроизводило литературное состязание великих поэтов на одном из октябрьских собраний в знаменитом доме на Тверской. На картине среди гостей Волконской — знакомые нам Вяземский, Веневитинов, Чаадаев, Жуковский и, конечно, Пушкин. На переднем плане мы видим сидящих женщин, зачарованно слушающих импровизации Мицкевича. Одна из них — молодая московская поэтесса Каролина Павлова.

Каролина Карловна Павлова (Яниш) родилась 10 июля 1807 г. в Ярославле, но детство провела в Москве, куда переехали ее родители. Отец поэтессы Карл Иванович Яниш — немец, по образованию врач,

профессор химии и физики при Московской медико-хирургической академии — обеспечил дочери прекрасное домашнее воспитание. Очень способная, Каролина превосходно владела иностранными языками (впоследствии их число достигло восьми), хорошо знала русскую и мировую литературы, неплохо рисовала. Стихи начала писать рано — на немецком, французском, английском, итальянском, испанском, потом занялась стихотворными переводами с русского.

С середины 20-х гг. молодая Яниш — частая гостья в салонах Елагиной и Волконской. Здесь уже известны стихи и переводы Каролины. «Да здравствуйте же вы и ваша творческая лира!» — восклицал, слушая ее, восторженный Н. М. Языков (74, с. 308). Широкой образованностью и блестящим остроумием девушки очарован остановившийся в Москве проездом на Урал выдающийся ученый Александр Гумбольдт. Их встречу отразил в своих стихах Вяземский:

Известны мне ваш ум, его занятия,
Кому открыл доверчиво объятья
Сей пламенный воспитатель наук,
Согражданин всех муз разноплеменных,
Жрец алтарей, их вер равно священных,
И важных дум, и стройных песен друг.

(46, с. VI)

Домашний альбом девушки заполнен посвящениями Баратынского, Языкова, Вяземского, Пушкина. Эти годы — самая счастливая и в то же время самая грустная пора в жизни Яниш. Осенью 1826 г. на одном из вечеров у Зинаиды Волконской девушку знакомят с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем. Человек исключительных дарований, блестящий собеседник, к тому же окруженный скорбным ореолом изгнанничества, он произвел на Каролину сильное впечатление, вскоре перешедшее во взаимную любовь. Сближению во многом способствовали уроки польского языка, которые по желанию самой девушки давал ей Мицкевич. Поэт сделал своей ученице предложение. Но неожиданно возникло непреодолимое препятствие: богатый дядя, от которого зависело будущее всей семьи Яниш, решительно воспротивился браку племянницы с опальным и к тому же бедным поэ-

том. Влюбленные оказались в безвыходном положении, все надежды на будущее рухнули.

В конце 1827 г. Мицкевич уехал в Петербург для устройства своих дел. Он стал понимать, что его чувство к Каролине — лишь увлечение. А в Москве ждали вестей от него. Шли долгие месяцы разлуки. Девушка уже догадывалась — им не быть вместе. В Петербург отправлено полное отчаяния письмо: «Я убедилась, что не могу жить без дум о тебе, убедилась, что моя жизнь всегда будет только цепью воспоминаний о тебе, Мицкевич! Что бы ни случилось, душа моя принадлежит тебе одному. Если мне суждено жить не для тебя, то жизнь моя похоронена, но и это я снесу безропотно» (48, с. 13).

В апреле 1829 г. с помощью друзей поэту удалось получить заграничный паспорт, и он принимает бесповоротное решение — покинуть Россию. В начале апреля в Москве состоялась последняя встреча поэта с Каролиной. На прощание Мицкевич вписал в альбом девушки посвящение, строки которого еще проникнуты надеждой на новое свидание:

Когда пролетных птиц несутся вереницы
От зимних бурь и вьюг и стонут в вышине,
Не осуждай их, друг! Весной вернутся птицы
Законным им путем к желанной стороне.
Но, слыша голос их печальный, вспомни друга!
Едва надежда вновь блеснет моей судьбе,
На крыльях радости примчусь я быстро с юга
Опять на север, вновь к тебе!

(48, с. 13)

Простившись с Каролиной, Мицкевич вернулся в Петербург. Вскоре он уехал за границу, увозя с собой последние строки любящей его девушки: «Прощай, мой друг. Еще раз благодарю тебя за все — за твою дружбу, за твою любовь...» (48, с. 13).

Каролина Карловна впоследствии создала несколько стихотворений, посвященных ее взаимоотношениям с Мицкевичем и в особенности 10 ноября — знаменательной дате их объяснения в любви. Среди них «Дума» (1840), «10 ноября 1840» (1840), «На 10 ноября» (1841), «Рассказ» (1842), «К тебе теперь я думу обращаю...» (1842).

К тебе теперь я думу обращаю,
Безгрешную, хоть грустную, — к тебе!
Несусь душой к далекому мне краю
И к отчужденной мне давно судьбе.

Так много лет прошло, — и дни невзгоды,
И радости встречались дни не раз;
Так много лет, — и более, чем годы,
События переменяли нас.

Не таковы расстались мы с тобою!
Расстались мы, — ты помнишь ли, поэт? —
А счастья дар предложен был судьбою;
Да, может быть, а может быть — и нет!

(47, с. 104)

Так был подведен итог мелькнувшим на заре ее жизни надеждам.

Первым печатным выступлением Каролины Яниш был опубликованный в 1833 г. в Германии (Дрезден—Лейпциг) сборник «Nordlicht» («Северный свет»), включавший ее немецкие стихотворения, переводы из Пушкина, Баратынского, Языкова и переводы русских песен на немецкий язык. Существует легенда о том, что еще до публикации переводы русской поэтессы получили высокую оценку Гумбольдта. Сама Каролина так писала о встрече с ним и о принципах своей работы как переводчицы следующее:

«Новая русская литература, уже много лет делающая большие успехи, еще почти незнакома немцам, особенно поэтические произведения. Так как я родилась и получила воспитание в России и лично знаю многих из наших поэтов, я решилась взяться за предлагаемый скромный труд, надеясь, что он даст определенное представление о современной русской поэзии и поэтому будет интересен для многих.

Господин Гумбольдт, с которым я имела счастье познакомиться во время его краткого пребывания в Москве, был тем, кто дал первый повод к этим попыткам; в беседах со мною о современном состоянии русской поэзии он выражал желание иметь более подробные сведения о ней посредством совсем точных переводов и ободрял меня взяться за эту работу.

Со своими первыми опытами я знакомила многих, кто мог вполне оценить, и они уговорили меня продолжать, убеждая, что своей главной цели — точно и

характерно передавать подлинники — я достигла. Сами писатели, на суд которых я давала свои переводы их стихотворений, считали эти переводы удачными, поэтому я решила опубликовать их в настоящем сборнике. Нельзя судить о каком-либо поэте по одному единственному стихотворению, поэтому я, чтобы дать полное представление о стиле и особенностях каждого поэта, не могла включить в сборник много поэтов.

Если этот скромный труд найдет благоприятный прием, то я намереваюсь в дальнейшем ознакомить немцев также с другими поэтами, которых я сама не включила, и дать образцы их поэтических произведений.

Я убеждена, что в метрическом переводе нельзя изменять стихотворные размеры подлинника без разрушения характера и физиономии стихотворения, поэтому я строго соблюдала размеры русских стихотворений и сохранила их для каждого стихотворения в переводе на немецкий язык. В русских народных песнях, которые я включила, я считала нужным сохранить даже неправильности, где они имеются в подлиннике, чтобы не разрушать непринужденную свободу этих устных произведений.

Я льщу себя тем, что каждый, кто знает русский язык и те стихотворения, которые я перевела, должен признать, что я ни в чем не отступила от подлинника и ни одно стихотворение не потеряло своего колорита и своего особенного характера. И больше этого я ничего не хотела» (47, с. 591—492).

В России на это издание восторженно откликнулся И. В. Киреевский (28, т. 1, с. 123). А через шесть лет в Париже вышел еще один сборник переводов поэтессы — «Preludes» («Прелюдии»). Здесь были представлены не только русские, но и немецкие, английские, итальянские и польские поэты в переводе на французский язык, а также несколько стихотворений самой переводчицы.

Деятельность переводчицы и пропагандиста русской поэзии за рубежом получила высокую оценку Белинского. В своей статье «Русские журналы» (1839) от отмечал удивительную способность передачи поэтической индивидуальности переводимых Каролиной авторов. Не зря, приводя в пример перевод пушкинского «Полководца», великий критик восхищался «благород-

ной простотой этих алмазных стихов, алмазных и по крепости и по блеску поэтическому» (6, т. 3, с. 190).

Конец 1820-х и 1830-е гг. — время формирования Каролины Яниш как поэтессы. Читая сегодня сборники ее стихов, мы видим, как трепетно представлено то время в чудесных строках дум и посланий («Нас Байрона жила слава и Пушкина изустный стих»), в судьбе четырех героинь из прекрасной поэмы «Кадриль» (1843—1859), где истоки «женского вопроса» возводились к «истории» Татьяны Лариной.

Поэзия Каролины Павловой тесно связана с русской романтической школой, с творчеством Языкова, Баратынского, Лермонтова. Поэтесса разрабатывала жанр послания и элегии (думы), своеобразную форму «рассказа в стихах». Таковы, например, «Старуха», «Монах», «Рудокоп», «Огонь» и «Три души». В каждом из этих стихотворений есть свой особый герой со своим особым жизненным сюжетом. Среди стихотворных жанров «рассказ в стихах» более всего близок к балладе. Герои стихотворных рассказов Каролины — это люди, одержимые некоей страстью, овладевшей ими и закрывшей от них все радости и печали жизни.

Важнейшие из тем в творчестве Каролины Павловой — человек и мир, поэт и общество. Первая из них постоянно повторяется во множестве посланий и дум. Поэтесса настойчиво выдвигает тему избранничества, пишет о высоком назначении поэта как преобразователя общества, о его душе, часто не понятой обществом, где царит бездуховность.

Нет, не им твой дар священный!
Нет, не им твой чистый стих!
Нет, ты с песнью вдохновенной
Не пойдешь на рынок их!
Заглушишь ты дум отзвуки,
И не дашь безумцам ты
Клеветать твои мечты!

(47, с. 80)

С этими строками перекликаются и другие, искренне передающие горькие переживания поэтессы, нашедшей утешение и поддержку только в своей поэзии:

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем

Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло;
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!

(48, с. 110)

Лирика московской поэтессы заключала в себе широкий круг вопросов: спор поколений, строгие уроки жизни, «женский вопрос».

Да, много было нас, младенческих подруг,
На детском празднике сойдемся мы, бывало,
И нашей радостью гремела дома зала,
И с звонким хохотом наш расставался круг.

И мы не верили ни грусти, ни бедам,
Навстречу жизни шли толпою светлою;
Блистал пред нами мир роскошный и широкий,
И все, что было в нем, принадлежало нам.

Да, много было нас — и где тот светлый рой?..
О, каждая из нас узнала жизни бремя;
И небылицею то называет время.
И помнит о себе, как будто о чужой.

(47, с. 80)

А жизнь готовила Каролине суровые испытания. В 1837 г. она вышла замуж за Н. Ф. Павлова, известного своими «Тремя повестями», принесшими автору славу лучшего русского беллетриста. Об этой новости в литературной жизни Москвы сообщал Пушкин П. В. Нащокин (57, с. 14).

Литературный салон Павловых в конце 1830-х — начале 1840-х гг. считался самым известным в Москве. На их литературных вечерах собирались писатели самых разных литературных направлений и идейно-политических убеждений. Здесь бывали Аксаковы, Баратынский, Гоголь, Грановский, Григорович, Герцен, Киреевские, И. С. Тургенев, Полонский, Фет и другие. Именно у Павловых в конце мая 1841 г. провел свой последний московский вечер Лермонтов перед отъездом на Кавказ. Пестрый состав завсегдатаев салона можно объяснить стремлением его хозяев объединить все литературные направления.

Сама Каролина Павлова по своим идейно-политическим убеждениям примыкала к славянофилам, хотя

и безуспешно призывала их объединиться с западниками. К этому времени ее поэтическое имя уже широко известно читающей публике. С 1839 г. она печаталась в русских журналах («Отечественные записки», «Москвитянин»). Опубликованное в «Отечественных записках» стихотворение «Е. Милькееву (Неизвестному поэту)» вызвало положительный отклик Белинского (6, т. 3, с. 191). В 1848 г. отдельной книгой выходит ее роман в прозе и стихах «Двойная жизнь», где в образе героини — молодой девушки — Павлова раскрыла негативные стороны светского воспитания, использовала некоторые черты своего характера.

В своем творчестве Павлова касалась вопросов современной истории, что не всегда одобрительно принималось цензурой. Так, произведение «Разговор в Трианоне» (1849) было запрещено и увидело свет только в сборнике Н. Огарева «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861).

Вспомним и вызвавшее широкий общественный интерес стихотворение «Разговор в Кремле», написанное в апреле 1854 г. Созданное в период ожидания войны с Англией, это произведение отразило горячие споры о взаимоотношениях России с Западом, о настоящем и будущем родины, духовных особенностях русской культуры. Читающий строки «Разговора» чувствует, что поэтесса гордится героическим прошлым России. Но агрессивная позиция некоторых ура-патриотических литераторов, отрицающих все иноземное, ей чужда. Своей направленностью это стихотворение перекликается с пушкинским «Клеветникам России».

В 50-е гг. Каролина Карловна пережила ряд потрясений, оказавших влияние на ее дальнейшую жизнь. Происходит разрыв с мужем. По свидетельству современников, для Н. Ф. Павлова это был брак по расчету. В эти годы безудержная карточная игра Николая Филипповича, проматывающего состояние жены, поставила семью на грань разорения. Супруги расстались. Вскоре после разрыва на Павлова поступил донос. В результате обыска у него дома были обнаружены запрещенные издания, в том числе герценовская «Полярная звезда». Писателя сослали в Пермь. Не оставляют невзгоды и поэтессу. Умирает от холеры отец. Она теряет многих друзей: ходят слухи, что именно Каролина повинна в аресте мужа.

Павлова оставляет Москву и переезжает с сыном в Дерпт. Там она встречается со студентом Дерптского университета Б. И. Утиным (впоследствии известным юристом). И, несмотря на значительную разницу в возрасте, между ними возникает большое и серьезное чувство. Этот период — последний в ее жизни творческий подъем. Создается цикл стихотворений — «утинский», в котором наиболее ярко отразился своеобразный лирический талант поэтессы.

В 1856 г. Павлова едет путешествовать за границу, а в 1858 г. покидает Россию навсегда. Это решение было принято под влиянием недоброжелательства бывших друзей и знакомых, преследований кредиторов и выступлений демократической критики, многое осуждавшей в ее творчестве. Она обосновалась в Дрездене и здесь напряженно работала, переводила на немецкий язык стихи и драмы А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», поэму «Дон Жуан», чем принесла писателю широкую известность в Германии.

С вниманием читала она известия из России. События начала 60-х гг. и, главное, реформа, принесшая свободу крепостным, способствовали появлению одного из самых интересных «политических» стихотворений поэтессы — «На освобождение крестьян» (1862). Это произведение — итог многолетних раздумий Павловой над историческими судьбами русского народа. Написанное в форме аллегории, оно явило перед читателями страшную картину из жизни древнего Рима. После боя гладиаторов с дикими зверями на потеху зрителям выпускался раб с яйцом в руках. Он мог стать свободным, если пройдет через всю арену между насытившимися человеческим мясом львами и возложит свою ношу на гранитный алтарь. Затаив дыхание от страха, приближается он к алтарю, ежесекундно рискуя погибнуть — «Как велика была арена! Как далеко до алтаря!» (47, с. 224). Главное — дойти до цели. И мы понимаем, что дорога римского раба — это многовековой путь русского крестьянина к своему освобождению, несущего к общественному алтарю «попятие святое» — «свободу будущих времен». Так Каролина Павлова продемонстрировала свою гражданскую позицию в этом важном для всех вопросе. Мы видим, как отличалась она от позиции идейной противницы Пав-

ловой — Е. П. Ростопчиной. Стихотворение «На освобождение крестьян» дошло до русского читателя только через полвека, — в 1911 г. оно появилось на страницах иллюстрированного приложения к газете «Новое время».

Последним оригинальным произведением поэтессы, изданным на родине, был отрывок из воспоминаний, опубликованный в журнале «Русский архив» (1875). Свою одинокую старость Павлова доживала около Дрездена, в местечке Хлостервиц. Умерла она 2 декабря 1893 г. Хоронили Каролину Карловну за счет местной общины, продав для покрытия расходов все скудное имущество покойной.

Но в России не забыли замечательную поэтессу. В свое время Языков в одном из посвящений Павловой, предрекая ей бессмертие, прозорливо писал:

Много вам тоски и скуки!
Дай же бог вам долго жить.
Мир умнеет: наши внуки
Будут вас боготворить.

(74, с. 410)

И действительно, творчество Каролины Павловой с давних пор является объектом внимания литературоведов. Через десять лет после смерти Павловой в 11-м и 12-м номерах журнала «Ежемесячные сочинения» за 1903 г. появляется обстоятельный очерк о ней В. Я. Брюсова. В 1915 г. под его редакцией в Москве выходит двухтомное собрание сочинений Павловой. Хорошим подспорьем в изучении творческой биографии поэтессы может служить и книга Б. Рапгофа «К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества» (Пг., 1916).

В 1922 г. литературовед Л. Гроссман написал «Вторник у Каролины Павловой (Сцены из жизни московских литературных салонов 40-х годов)», где в художественной форме воспроизвел атмосферу литературных вечеров у Павловых.

Поэзия Каролины Павловой нашла благодарную последовательницу в лице замечательной поэтессы М. И. Цветаевой. В 1923 г. вышел ее поэтический сборник «Ремесло». Это название подсказали строки цитировавшегося выше стихотворения Павловой «Ты,

уцелевший в сердце нищем, // Привет тебе, мой грустный стих!..»

Дважды — в 1939 и 1964 гг. — полные собрания произведений Павловой издавались в большой серии «Библиотеки поэта». Совсем недавно читатель смог познакомиться с еще одним сборником стихов поэтессы, выпущенным издательством «Советская Россия». Новым находкам, расширяющим наше представление о ее литературных связях, посвящен интересный очерк В. М. Фридкина «Альбомы Каролины Павловой», опубликованный в № 12 журнала «Наука и жизнь» за 1987 г.

Своеобразной данью памяти К. Павловой можно рассматривать и постановку в 1988 г. группой артистов Театра им. Ленинского комсомола (реж. В. Л. Явич) в Ленинградском театре эстрады поэмы «Кадриль» — прекрасного образца «лирики женского сердца».

Е. А. Тимашева

Москве обязана получившими широкую известность «пушкинскими» стихами и поэтесса Е. А. Тимашева (1798—1881). Она принадлежала к роду Загряжских, из которого происходила и Н. Н. Пушкина. Красавица и умница, поэтесса и певица, Екатерина Александровна в семнадцать лет вышла замуж за лейб-гвардии ротмистра Егора Тимашева, участника кампании 1812 г., впоследствии наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Сам атаман редко показывался в столицах, жена его стремилась в Москву и Петербург. Это понятно — окраинный Оренбург не мог похвастаться любителями литературы.

Супруги были разными людьми. Тимашев, один из крупнейших помещиков края, занимался лишь делами службы и имениями. Конечно, Екатерина Александровна, прекрасно образованная женщина, писавшая стихи, едва ли могла быть счастлива с таким мужем. Подтверждение этому мы находим в посланиях к ней друзей-поэтов.

Нет, счастье вас не баловало!
Знаком вам звук судьбы угроз,
Вас жало скорби растерзало.
Вы разгадали тайну слез.
Вы свыклись с трауром страдаья

И, чашу горести испив,
Без упований, без желанья
Забыли радости порыв.

(58, с. 71)

Так личные переживания и семейные неурядицы Тимашевой приоткрывались в стихотворении Е. П. Ростопчиной «Белая дама».

Прекрасный поэтический портрет Тимашевой начала 30-х гг. оставил нам Е. А. Баратынский:

Вам все дано с щедротою пристрастной
Благоволительной судьбой:
Владеете вы лирой сладкогласной
И ей созвучной красотой.
Что ж грусть поет блестящая певица?
Что ж томны взоры красоты?
Печаль, печаль — души ее царица,
Владычица ее мечты.
Вам счастья нет, иль, на одно мгновенье
Блеснувши, луч его погас,
Но счастлив тот, кто слышит ваше пенье,
Но счастлив тот, кто видит вас.

(52, с. 534—535)

С Пушкиным Екатерина Александровна виделась в октябре 1826 г. в Москве, куда он приехал из Михайловской ссылки. Правда, заочно Александр Сергеевич познакомился с Тимашевой немного раньше, прочитав послание «Запретной Розе», опубликованное в мартовской книжке журнала «Московский телеграф» за 1826 г. Эти стихи Вяземский посвятил племяннице поэтессы — красавице Елизавете Киндяковой, ее неудачному браку. «Московских роз царица и краса» была насильно выдана замуж за старого князя И. А. Лобанова-Ростовского. В письмах к Вяземскому и в своих стихах Пушкин называл Тимашеву «соперницей Запретной Розы», сравнивая ее с Киндяковой (55, т. 10, с. 168).

Екатерина Александровна показала Пушкину свои стихи. И вот в ее альбоме появилось послание, написанное поэтом:

Я видел вас, я их читал,
Сия прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,

В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах;
Соперница Запретной Розы,
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы!

(55, т. 2, с. 305)

Эти строки написаны 20-октября, а через два дня было готово ответное «Послание учителю»:

Где ты, учитель мой минутный,
Куда и кем ты увлечен?
Иль в вихре вальса, в зале шумной
Ты снова ножкой поражен?
Иль обречен ты злой судьбою
Поэму слушать без конца
И удивляться над стопою
Невдохновенного певца!
Иль, может быть, воспоминанья
Тебя далеко увлекли...
Друзей погибших, их страдацья
Невольно душу потрясли.
Ах, прах невинных, кто слезою
Горячей в дань не оросил
И кто о них в душе с тоскою
Не вспоминал и не тужил?
Иль гость минутный, наш заветный
В своем углу один сидит —
И гений пылкий, перелетный
Нас песней новой удивит!

(45, с. 110—111)

Как точно здесь передано «московское бытие» Пушкина тех дней, его мысли о дальнейшей судьбе своей поэзии после разговора с царем, размышления о декабристах, повешенных на кронверке Петропавловской крепости, и наконец, полная откровенность поэта с новой московской знакомой!

И еще одно стихотворение посвятила Тимашева знаменитому другу, назвав его «К портрету Пушкина»:

Он говорит, но мыслью чудной
Как будто вечно поражен.
Людей и свет, цель жизни трудной —
Все разгадал, все понял он.
Холодный взор на все кидает,
Рассеян, в думу погружен,
Душа чего-то ожидает,
И в лучший мир он увлечен.

Он бы желал к брегам свободы,
Как лорд Байрон, направить путь,
Сняв иго рабства с вас, народы,
Свободу, славу в вас вдохнуть!

(45, с. 112)

Здесь вновь раздумья о судьбе поэта, находившегося тогда на перепутье и не ведавшего еще, какие испытания готовит ему «свет». Как психологически похож здесь пушкинский портрет на портрет его главного героя — Онегина! Да и финал стихотворения уж очень напоминает «онегинские искания». Напомним читателю, что в октябрьские дни 1826 г. поэт работал над завершением шестой главы «Евгения Онегина», в которой — мы знаем — герой отправился путешествовать. Может быть, одна из тем разговора Пушкина с Тимашевой касалась работы поэта над самым знаменитым его произведением?

Но что же такое сокровенное поведал поэт своей внимательной собеседнице? Где этот «лучший мир», куда, подобно Байрону, хотел он направить свой путь? Уж не Греция ли это, чей свободолюбивый народ победоносно завершал борьбу за независимость. А может быть, к берегам Южной Америки, к Боливару — «Освободителю»? К нему мечтали уехать некоторые декабристы (например, М. Лунин). О победах Боливара в войне против испанского владычества москвичи знали из журнала «Московский телеграф», который издавал большой почитатель южноамериканца Н. А. Полевой.

Тимашева понимала, что творилось в душе А. С. Пушкина. И обаяние пушкинской природы, возможно, вызвало у нее не только чувство дружбы. На одной из страниц ее альбома имеются такие строки:

Напрасно я себя обманывать старалась,
Спокойствия мечтой напрасно я прельщалась.
Я все еще люблю... еще горю тобой,
Питаюсь, дышу любовию одной.

(45, с. 113)

Эта запись совпадает по времени с их встречами. Посвящения они не имели, но кому предназначались — можно только догадываться.

О других встречах Тимашевой с Пушкиным сведений нет. Может быть, одна все же состоялась в...

1880 г., если предположить, что поэтесса, прожившая большую часть своей жизни в Москве, присутствовала на открытии памятника своему великому собеседнику, с которым она встретилась полвека назад.

Н. С. и С. С. Тепловы, М. А. Лисицына

Литературная Москва конца 1820—начала 1830-х гг. — не только блестящие аристократические салоны. Тогда же появляются молодые поэтессы, занимавшие в силу своего разночинного происхождения более скромное место на литературном Парнасе старой столицы. Среди них назовем Надежду и Серафиму Тепловых, Марию Лисицыну. Творчество первой из сестер Тепловых, на наш взгляд, заслуживает особого внимания.

Надежда Сергеевна Теплова родилась 19 марта 1814 г. в Москве в зажиточной купеческой семье. В их доме любили музыку — здесь часто устраивались музыкальные вечера. Будущая поэтесса получила хорошее образование, а уроки музыки брала у известного пианиста Шпревица. Но главным увлечением девушки стала поэзия — стихи Надежда начала писать с 8 лет. В 1827 г. в журнале «Московский телеграф» (№ 12) публикуется ее первое стихотворение «К родной стороне», являвшееся подражанием «Эоловой арфе» В. А. Жуковского. В примечании редактор Н. А. Полевой сообщал читателям, что автору всего 13 лет. С конца 20-х гг. сестры Тепловы печатаются не только в этом издании, но и в «Дамском журнале», «Телескопе», «Литературной газете», альманахах «Северные цветы» и «Денница».

Участие в «Деннице» (вышел в 1830 г.), где были представлены такие блестящие поэты, как Пушкин, Баратынский, Вяземский, Дельвиг, Языков, неожиданно вызвало к сестрам исключительное внимание, в особенности к Серафиме. Друг семьи Тепловых известный естествоиспытатель, литератор и общественный деятель М. А. Максимович, составлявший сборник, включил в альманах стихотворение Серафимы «К***», начинавшееся строками «Слезам горькими, тоскою // Твоя погибель почтена». В них упоминалось о волне, слышавшей стон скорби над погибшим, и о прощенье и мире, искупающих страшную и позорную смерть (13, с. 5).

И вот уже в Третье отделение спешит донос, в котором неизвестный «читатель» связывал стихи с памятью К. Рылеева, казненного, как известно, на кронверке омываемой невскими волнами Петропавловской крепости. Издателю едва удалось оправдаться, убедив «кого следует», что стихи безвинны, посвящены памяти утопившегося юноши и уж во всяком случае к «государственному преступнику» никакого отношения не имеют.

История имела широкую огласку. Многие были убеждены, что стихи все же посвящены памяти Рылеева. Сам император подозревал «неблагодарность» публикации. Цензор альманаха Н. С. Глинка был «отрешен от места» и посажен на три дня на гауптвахту. За это время, демонстрируя свое сочувствие, у него на гауптвахте перебивало около трех сотен посетителей.

В своей поэзии Надежда Теплова обращалась к земному. Она писала о несчастной любви, извечно неразрешимом столкновении «мечты» и «существенности». Жизненные неудачи приводили и к религиозным упованиям, переходящим в мистику. Обратимся к одному из ее стихотворений, превосходно иллюстрирующему ее душевное состояние.

МИНУВШЕЕ.

Сердца тяжкое томленье,
Несказанная печаль,
Оскорбленье, сожаленье —
Вас влечет волна забвенья
В неразгаданную даль.
От напрасного страданья
Отдохнуло, сердце, ты,
Отреклось от желанья,
И погиб в воспоминанья
Образ милой мне мечты.
Но счастливые мгновенья,
Но восторженные дни
Спасены от разрушенья:
На обломках сожаленья
Ярко врезался они.

(13, с. 84)

Однако грустные мотивы ее поэзии, казалось бы, некоторая отрешенность в жизни не мешали девушке активно интересоваться литературными новинками.

Так, в письмах к Максимовичу она делится новостями литературной жизни в Москве, расспрашивает о сочинениях Гоголя (13, с. 26).

В 1833 г. выходит в свет сборник стихов Н. Тепловой, встреченный критикой благожелательно. И публика с интересом приняла книгу молодой поэтессы. «Вот какие стихи могут писать женщины!» — отмечал Н. В. Станкевич в письме А. А. Бееру, благодаря за присланный сборник поэтессы (13, с. 29).

И все же, несмотря на успех первого сборника стихов, в ее поэзии с годами усиливаются мотивы тоски и безнадежности. С 1837 г. поэтесса выступает под фамилией мужа — Терюхина. Это время ее творческих исканий, размышлений о тяжелой судьбе поэта, в особенности женщины-поэта. Поэтому в ее литературном наследии не случайно стихотворение «Совет», обращенное к неизвестной нам знакомой Тепловой — «К девице Д...ль»:

Брось лиру, брось, и больше не играй,
И вдохновенные, прекрасные напевы
Ты в глубине души заботливо скрывай:
Поэзия — опасный дар для девы!

Мечтаешь ли на жизненном пути
След огненный прорезать за собою;
Иль думаешь сочувствие найти
В толпе, окованной ничтожной суетою;

Иль юная пылает голова
Мечтой похвал и льстивого вниманья,
И рядишь ты, как жертву на закланье,
Твой смелый стих в блестящие слова, —

Дитя-поэт! За славой не гонись:
Она ничем нам сердце не согреет;
Иль с долей счастья простишься:
Где гордый лавр, там мирт не зеленеет!

Что девственно почувствовала ты,
Что думою осмыслила глубоко,
Брось изредка украдкой на листы, —
Да не убьет завистливое око
Твоей возвышенной мечты.

(13, с. 85)

В этом ряду не случайно и ее другое произведение — поэтический некролог «На смерть А. С. Пушкина»:

кина», опубликованный с помощью А. А. Краевского в одном из майских номеров «Литературного прибавления к „Русскому инвалиду“»:

Смиритесь, отважные мечтанья,
Здесь ничему свершиться не дано!
Великому — предначертанье!
Прекрасному — мгновение одно!

Еще твоих мы ждали песнопений, —
Все кончено! Твой грозный час пробил,
Наш вековой поэт и гений,
Исполненный могущественных сил!

Так, и тебя судьба не пощадила!
Задумчиво над урной твоей
Главу поэзия склонила.
Кто заменит утраченное ей?

Как важны были начпанья!
Увы, сколь кратко бытие!
Но имя славное твое
Веков грядущих достойные!

(13, с. 83—84)

В этих строках — трагедия товарища по перу, скорбь утраты просто русского человека, безграничная вера в бессмертие пушкинской поэтической лиры.

К 1838 г. Надежда Сергеевна подготовила второе издание своих стихов, не имевшее, впрочем, такого успеха, как первое. В 40-е гг. она продолжала заниматься поэзией, писала и прозу. 1845—1846 гг., пожалуй, самые тяжелые в ее жизни — умирают муж и двое детей. Семейная трагедия отразилась в нескольких стихотворениях поэтессы. На них неизгладимая печать постигших ее утрат.

Болит, болит мое земное сердце,
Но не стеснен ничем бессмертный дух,
И, странствуя по жизненной юдоли,
Грядущего я больше не страшусь.
Как будто все со мною совершилось,
И на земле мне нечего терять,
И только я одно боюсь утратить —
К высокому стремленье и любовь
И на пути задержанной остаться
Губительной завистливою тьмой,
С светильником, угасшим без елей,
В юродивом бессилии души.

(13, с. 88)

Умерла Н. С. Теплова в Звенигороде 16 июня 1848 г. Через двенадцать лет, в 1860 г., в Москве вышло третье издание ее стихов, подготовленное друзьями.

Очень мало сведений о другой московской поэтессе — Марии Александровне Лисицыной. Мы знаем, что она — дочь известного московского актера-комика А. В. Лисицына, писала стихи, прозу, водевили, вместе со своими подругами — сестрами Тепловыми участвовала в домашних спектаклях, печаталась в «Дамском журнале», «Русском зрителе», альманахах «Комета» (М., 1830), «Северное сияние» (М., 1831), «Цинтия» (М., 1831), «Улыбка весны» (М., 1832). В 1826 г. в Москве был опубликован ее роман «Эмилий Лихтенберг» (2-е издание — в 1834 г.). А в 1829 г. Лисицына издала отдельной книжкой свои стихи и прозу. Листая этот сборник, можно увидеть, что во многом ее стихи схожи с поэзией Н. С. Тепловой. Но тема несчастной любви и религиозных мотивов не мешает почувствовать в ее стихах живую и нежную страдающую душу. Какими-то гранями стихотворения Лисицыной связаны с русской народно-песенной традицией. Обратимся к некоторым из них.

ОЖИДАНИЕ

Все полны весельем,
Мне скука одна!
Не медли теченьем,
Златая луна!
Но месяц серебристый над рощей взошел,
А друг мой сердечный еще не пришел!
Что сердце с тобою?
Что воешь опять?
Ах! Знать, что с луною
Мне друга не ждать!
Уж на небе месяц взошел высоко,
А друг мой сердечный еще далеко!
Все полны весельем,
Мне скука одна!
Ах! Медли теченьем
Златая луна!
Но на небе месяц потухнул давно,
А друга со мною все нет моего!

К С. С. Т—Ой

В тебе одной, мой друг бесценный,
Все счастье, радость вся моя!
Будь мой хранитель неизменный,
Не покидай, мой друг, меня!

Ты знаешь все мои страдания,
Ты знаешь, что терпела я,
Не обмани же уповань,
Не покидай, мой друг, меня!

Судьба меня всего лишила,
Погасла дней моих заря;
Близка ко мне моя могила,
Не покидай же ты меня!

Как травка с свежью росой
Вбирает снова жизнь в себя,
Так оживаю я с тобою,
Не покидай же ты меня.

Где много чувств, там слов не много!
И мне ли уверять тебя?
Ты знаешь все, — но ради бога
Не покидай, мой друг, меня!

(36, с. 15—16, 23)

Строки последнего стихотворения — послания Серафиме Тепловой — подчеркивают, насколько сложными были обстоятельства личной жизни поэтессы. Вероятно, Мария Лисицына пережила сложную душевную драму, пагубно отразившуюся на всей ее дальнейшей жизни. Может быть, одной из причин драмы была и материальная неустроенность поэтессы, о чем свидетельствует стихотворение «К бедности», по силе своей выразительности не уступающее замечательным бернсовским строкам.

О бедность! Друг мой неизменный!
С тобой нет скучного мне дня,
Дороже всех богатств вселенной,
Ты жизни счастье для меня!

Ты путь мне к таинству открыла
В трудах веселье находить!
Ты долей сладкой наделила
Вдали от шума света жить!

Я жала зависти не знаю,
Ты щит мне верный от него;
Я с сердцем в мире засыпаю
Под сенью крова твоего!

Ко мне в обитель не коснется
Коварство хитрое людей:
Оно стрелою пронесется
В чертоги пышных богачей!

Корысть бежит убогой хаты,
В ней люди с совестью одной
И разве, разве что богаты
Подчас игривою мечтой!

О бедность! Друг мой неизменный!
С тобой нет скучного мне дня.
Дороже всех богатств вселенной,
Ты жизни счастье для меня!

(36, с. 30—31)

О том, что случилось с Лисицыной, можно только догадываться. Может быть, из-за неудачной любви поэтесса, как и большинство ее героинь, обратилась к вере — ушла в монастырь. С середины 30-х гг. ее имя исчезает со страниц журналов, газет, альманахов. Крайней датой жизни поэтессы предположительно считать 1842 г. Во всяком случае тогда Надежда Теплова посвятила стихотворение памяти «М. А. Лисицыной».

На празднике у жизни вероломной
Мы были вместе — я и ты.
Бывало, прятаясь в твоей светлице скромной,
Мы сердца думы и мечты
И в краски яркие и в звуки облекали...

(13, с. 5)

К сожалению, и сегодня к творчеству Марии Лисицыной можно отнести слова И. В. Киреевского, уже в середине 1830-х гг. подчеркивавшего, что эта интересная поэтесса остается почти «неузнанной» (28, т. 1, с. 123). Но будем надеяться — она обязательно найдет путь к современному читателю.

Литературная мятежница

(А. В. Зражевская)

Переводчица, прозаик, поэтесса, критик, публицист, историк науки, краевед. Немногие могут похвастаться столь широким диапазоном своей литературной деятельности. Но именно такой была А. В. Зражевская, чье имя сегодня совершенно забыто. «Зражевская, бесспорно, заслуживала больше внимания как одна из немногих русских женщин 30-х и 40-х гг., дерзнувших вступить на тернистый путь литературной деятельности при самых тяжелых условиях», — так оценивался нелегкий творческий путь писательницы в пока единственном биографическом очерке о ней, опубликованном в 1916 г. в «Русском биографическом словаре» (62, с. 496).

Александра Васильевна Зражевская родилась 28 апреля 1805 г. в Петербурге. Отец будущей писательницы — архитектор — смог дать ей приличное домашнее образование, которое затем было продолжено в одном из частных столичных пансионов. Еще девочкой под руководством своей родственницы В. И. Бакуниной она начала заниматься литературным трудом. Среди ее первых опытов — переводы, стихи, небольшие повести и фантастические романы. Но все это делалось тайком от родных. «Меня бранили, смеялись, рвали в клочки и жгли мои произведения», — вспоминала потом о своих первых литературных шагах Зражевская (83, с. 2). С ее увлечением семья смирилась лишь в 1828 г., когда Александра послала один из своих романов в Царское Село. Сочинение девушки попало к Жуковскому и было им по достоинству оценено.

Между маститым поэтом и юной писательницей завязалась переписка. Жуковский предупреждал ее, насколько тернист путь писателя, в особенности для женщины. Но Зражевская не испугалась и продолжала свои литературные занятия. Вероятно, Жуковский и

познакомил ее с петербургскими литераторами, помог опубликовать роман «Картина дружеских связей» (1833). Это произведение представляло собой модную в те годы «исповедь в письмах»,* рассказывающую о жизни и судьбе двух петербургских семей и их окружения. Все главные героини — женщины, стремящиеся определить свое место в семье и обществе. Изящный язык романа, превосходные описания Петербурга и его окрестностей, выполненные в лучших традициях романтической школы, несомненно должны были понравиться читателю, в особенности столичному. Заметим, что отдельные страницы «Картины» напоминают «Евгения Онегина», а некоторые черты одной из героинь произведения — Татьяны сходны с чертами Татьяны Лариной. Любопытен и другой факт. Среди героев романа фигурирует некто Томский. Может быть, он имеет какое-то отношение к пушкинскому персонажу из «Пиковой дамы», опубликованной годом позже? Все эти вопросы должны заинтересовать исследователей творчества великого поэта.

После первой публикации «Картины дружеских связей» (второе издание романа вышло в 1839 г.) Зражевская обращается к переводам французских авторов. На этой стезе ее печатным дебютом был перевод романа Д. Жирарден «Лорнет» (Спб., 1834). Затем она публикует перевод повести Бальзака «Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта» (Спб., 1835). Сегодняшнему читателю это сочинение известно как «Луи Ламбер». История издания перевода особенно интересна и связана с отношением в России к школе французских романтиков.

В 1820—1830-е гг. особую известность в России приобрело творчество французских писателей-романтиков. Их произведения покупали в книжных лавках, читали и обсуждали в литературных салонах, о них говорили и на знаменитых «пятницах» и «субботах» В. А. Жуковского, где бывали А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, И. А. Крылов, Н. В. Гоголь. Официальное отношение к новой школе французского романа было отрицательным. Нередко произведения французских романтиков подвергались гонениям. Но даже админи-

* Известно, что в литературном наследии А. С. Пушкина имеется неоконченный «Роман в письмах», датированный 1829 г.

стративно-цензурные меры, примененные к этим сочинениям, не могли поколебать глубокого интереса русского общества к новому литературному направлению.

Пожалуй, самым популярным представителем школы романтиков был Оноре де Бальзак. С начала 1830-х гг. имя знаменитого создателя «Человеческой комедии» особенно часто встречалось в литературных обзорах, публиковавшихся в русской печати. Тогда же появляются и первые переводы бальзаковских произведений. Парижское издание «Луи Ламбера» вышло в 1832 г., а позже — в 1835 г. расширенный вариант произведения писатель включил в состав «Мистической книги».

В «Луи Ламбере» Бальзак хотел дать обстоятельное изложение своих философских воззрений, поставить вопрос о сущности и границе человеческого мышления, о психических процессах, происходящих в сознании человека. В известном смысле Ламбер — «Герой нашего времени» Бальзака. Судьба его трагична. Это трагедия талантливого и многообещающего молодого человека, гибнущего в условиях окружающего его буржуазного общества. Повесть во многом автобиографична, это картина жизни Бальзака. Писатель сам подчеркивает это, рассказывая о юношеских годах Луи Ламбера, его первых неудачных литературных опытах. И заключительные страницы повести напоминают нам финал жизненного пути замечательного романиста. Нечеловеческие усилия, затраченные им на то, чтобы сделаться знаменитым, стремление возвыситься над обществом, о котором он не в силах был порвать, привели Бальзака, как и Ламбера, к гибели.

Французская литература стала занимать прочное место в творческой биографии Зражевской, что, впрочем, подчеркивало традиционность интереса передовых представителей русского общества к Франции, особенно усилившегося после июльской революции 1830 г. Но почему повесть Бальзака обратила на себя внимание переводчицы? Конечно, образ героя, обуреваемого сильными страстями, похожего на самого автора, о котором так много говорили и спорили в России, не мог не заинтересовать Зражевскую. Судьба Ламбера, как и судьба любого честного человека в современном ему обществе, судьба человека большой духовной силы стала близка этой женщине. Поэтому ее так захватила

работа над переводом повести. Зражевская приступила к ней в начале 1834 г. Позднее, в 1841 г., вспоминая об этой работе в одном из писем к В. И. Бакуниной, она писала: «Этот роман, вытканый на философии, я обрабатывала целый год с любовью — он до сих пор мне нравится. В нем много мастерства, прекрасных страниц и неподдельного чувства...» (83, с. 3). Из этого письма можно узнать также, что Зражевская многое из французского оригинала опустила. «Бальзак всегда запаслив, всегда найдется у него, что пропустить», — так объясняла она переработку текста (83, с. 3).

К началу 1835 г. Зражевская завершила работу. Был подготовлен не только текст, но и написано небольшое предисловие, а также комментарий к повести. Обратимся к вышедшему изданию. В предисловии переводчица пытается познакомить читателя с системой философских взглядов Бальзака и, главное, выразить свое отношение к романтизму как к литературному явлению вообще. В ее представлении герой Бальзака — типичное порождение романтизма — стремится к самосовершенствованию, но «вместо того, чтобы идти путем сердца, любви», он идет «путем созерцания», почему и «погубил редкие, высокие способности свои, без пользы для себя и человечества» (4, с. XIII—XVII). Основная ошибка Ламбера — это мир иллюзий, мир самообмана, а «ложь и обольщение не могут быть ПРЕЕМСТВЕННЫ* надолго» (4, с. XVII). Обращаясь к читателю, Зражевская подчеркивает, что человеческое мышление не должно находиться во власти никаких иллюзий, — оно «не терпит узды ни систематической, ни религиозной, но охотно покоряется убеждению» (4, с. XVIII). Примечания, сделанные переводчицей, играют как бы вспомогательную роль: они должны объяснить читателю основные направления философских взглядов Ламбера—Бальзака. И оценивая повесть, «нарисованную волшебным пером» Бальзака, Зражевская подчеркивает, что это произведение — одно из лучших образцов современной литературы.

Конечно, в годы, когда официальное отношение к новой школе французского романа было откровенно

* Выделено А. В. Зражевской.

враждебным, такие размышления выглядели достаточно смелыми. Все это не могло пройти незамеченным. Как явствует из титульного листа изданной книги, разрешение к публикации дано цензором П. А. Корсаковым. Высокообразованный человек, сам переводчик, а впоследствии и издатель, Корсаков известен тем, что, исполняя обязанности цензора, не раз помогал литераторам. Но, как мы увидим ниже, и он не рискнул пропустить полностью предисловие с такими размышлениями о книге, которая явно подходила под циркуляр от 27 июня 1832 г. министра народного просвещения и главы цензурного управления России С. С. Уварова, призывавшего бороться с производившими «вредное впечатление» французскими романами. Зражевской было указано исправить некоторые места в предисловии и тексте. Только с таким условием книга могла выйти в свет. Позднее в предисловии к книге переводчица прямо напишет: «Некоторые строки я осмелилась пропустить, но по разным причинам» (4, с. XX).

Теперь необходимо было найти типографию. Зражевская решила обратиться за помощью в Российскую Академию, с президентом которой А. С. Шишковым ее познакомил Жуковский. Непременный секретарь академии Д. И. Языков, выполнявший также обязанности управляющего академической типографией, разрешил переводчице напечатать книгу за свой счет. Однако вскоре выяснилось, что Зражевская не исправила указанные в рукописи Корсаковым места, из-за чего издание книги было приостановлено.

Архивные документы, хранящиеся в Ленинградском отделении Архива АН СССР, позволили познакомиться с почти полугодовой перепиской, возникшей между Российской Академией и Санкт-Петербургским цензурным комитетом по поводу издания книги Бальзака (105, л. 1—13). Из них явствует, что в середине июля 1835 г. Зражевская обратилась в академию с просьбой об издании переведенной ею книги. На очередном заседании Российской Академии, которое состоялось 27 июля, было принято решение напечатать книгу тиражом 600 экземпляров. В сентябре рукопись поступила в типографию, но уже в октябре начались недоразумения с цензурным комитетом. В комитет для объяснений был вызван вначале фактор типографии

купец Васильев, а затем и Языков (105, л. 2). Оказалось, что Зражевская изменила «противу рукописи» некоторые места, а исключенные Корсаковым куски заменила многоточиями, что являлось нарушением цензурных правил. В отношении на имя Уварова цензор даже отметил, что переводчица специально поставила многоточия «как бы для возбуждения любопытства читающей публики» (142, л. 2 об.). Уваров разразился в адрес академии грозным посланием.

В течение целых десяти дней на «Российском Парнасе» обдумывали, как выйти из столь щекотливого положения. В архивных бумагах сохранился черновик этого любопытного ответа. Его продиктовал одному из академических писарей президент академии А. С. Шишков. Престарелый адмирал пытался убедить Уварова, что разрешение на печатание книги в типографии было дано в его отсутствие. Сам же он по известной всем его «нелюбови к переводам с господ БАЛЬЗАКОВ * никогда такого разрешения не дал бы» (105, л. 8). Однако далее он писал, что просмотрел лично все присланные из типографии листы книги «и не нашел в них никаких приписок и поправок» (105, л. 8 об.). Пытаясь снять с академии обвинение в «крамоле», Шишков старается найти единственно верное, как ему кажется, объяснение этому неожиданному конфликту. Но обратимся к строчкам его послания. «...Ежели есть в книге какие места, которых не надлежало бы печатать, то не корректор в том виноват, а сама переводчица, зачем она приписывала и поправляла, не показав цензору, или виноват цензор, если она показывала ему, зачем пропустил. Впрочем, цензор тем и виноват, для чего утруждал вас (Уварова. — М. Ф.) представлением о деле, вам не известном, не справясь прежде в Академии, где по справке оказалось бы, кто виноват.

Что касается до означения точками выпуска некоторых мест, то сего ни запрещать, ни позволять невозможно, ибо случиться может, что это нужно для перерыва простой мысли, а может и то быть, что злонамеренный писатель хочет под сими точками оставить догадку читателям такую худую мысль, какую словами изъяснить опасается» (105, л. 13). Но на то и

* Выделено А. С. Шишковым.

цензура. Однако, по мнению Шишкова, все должно быть «разумно»: во многих разрешенных цензурой изданиях можно найти «точки и черточки», а ведь они не запрещались. Да и могла ли Российская Академия печатать «злонамеренную» литературу? И в то же время через эту вязь оправданий просвечивает весьма снисходительное отношение Шишкова к самому факту публикации «крамольной» повести Бальзака.

Из академии к Уварову попал, однако, несколько измененный текст ответа. Как выяснилось по пометам на этом документе, начало черновика подверг правке Языков. Он вычеркнул «размышления» президента о «Бальзаках» и написал, что академия не посчитала возможным отказать Зражевской в напечатании одобренной в целом цензурой книги (105, л. 8). В таком окончательном варианте письмо и дошло до всесильного министра.

Конечно, Зражевской пришлось изменить в тексте все указанные Корсаковым места, и в этом, уже приглаженном виде в конце декабря 1835 г. книга вышла в свет под названием «Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта» (105, л. 11).

В истории «благонамеренной» Российской Академии подобных столкновений с цензурой раньше не случалось. Необходимо было как-то выйти из этого щекотливого положения. И вот на заседании 18 января 1836 г. академик М. Е. Лобанов выступил с речью «О духе словесности, как иностранной, так и отечественной», в которой подверг критике французских писателей, в особенности представителей романтизма. «Они часто обнажают такие нелепые, гнусные и чудовищные явления, распространяют такие пагубные и разрушительные мысли, о которых читатель до тех пор не имел ни малейшего понятия и которые насильно влагают в душу его зародыш безнравия, безверия и, следовательно, будущих заблуждений», — вещал Лобанов, пугая академиков «кровавыми явлениями французских революций» (55, т. 7, с. 274). В этом он видел пагубное влияние новой французской литературы на русскую и требовал усилить цензуру. Но суровый отпор Лобанову дал другой академик — А. С. Пушкин. В своей статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», опубликованной в журнале «Современник» за 1836 г., он

защищал французскую литературу от нападков и подчеркивал, что русская литература никогда не являлась рассадником произведений, которые вели «к совершенному упадку и нравственность, и словесность» (55, т. 7, с. 275).

«Луи Ламбер» очень заинтересовал Пушкина. Отметим, что эта книга имелась в библиотеке поэта среди трех прочих — «Картины дружеских связей», «Лорнета» и вышедшего в середине 1836 г. другого выполненного Зражевской перевода — романа одного из ведущих французских романтиков Ш. Нодье «Девушка де Марсан». Книжку передал поэту Вяземский в ответ на просьбу писательницы, пославшей в середине 1836 г. следующее письмо Петру Андреевичу: «Если бы Вы знали, князь, нетерпение мое получить ответ Ваш и узнать об участи моих блаженных малюток, которых Вы так приголубили и обещали подвести под благословение нашего Архи-поэта» (37, с. 113).

«Луи Ламбер» получил благословение «Архи-поэта». Без сомнения, Пушкину как члену Российской Академии была известна сложная история издания книги Бальзака. И если обратиться к его библиотеке, то можно убедиться, что, получив подарок, поэт познакомился с написанным переводчицей предисловием. Это подтверждает и помета «разрезано», сопровождающая предисловие книги, зафиксированной в пушкинской библиотеке (54, с. 5). Может быть, именно этим предисловием и воспользовался поэт в июне—июле 1836 г., когда писал статью «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности...» (1, с. 178). Творчество Бальзака вообще интересовало Пушкина. Александр Сергеевич, работая над «Пиковой дамой», неоднократно обращался к произведениям французского писателя «Красная гостиница», «Шагреновая кожа» и особенно «Луи Ламбер» (65, с. 58—77).

Перевод «Луи Ламбера» вызвал много положительных рецензий. Откликнулись все ведущие газеты и журналы. Так, «Библиотека для чтения», в целом порицая «зараженную безнравственной философией» повесть Бальзака, тем не менее отмечала «образец перевода г-жи Зражевской, который в самом деле обнаруживает в ней прекрасное дарование и вкус» (76, с. 48). Журналу вторила «Северная пчела», подчеркивая «мастерство переводчицы и славную параллель в сужде-

ниях русской девицы и французского писателя... которого так усердно бранят и которому еще усерднее подражают» (98). Впоследствии в рецензиях на другие переводы и сочинения писательницы критика вспоминала перевод бальзаковской повести и всегда подчеркивала его высокое качество (96; 99).

Касаясь истории перевода «Луи Ламбера», необходимо упомянуть следующий факт творческой биографии Зражевской, который ныне совершенно забыт: оказывается, переводчица была корреспонденткой Бальзака. В своем первом и единственном сохранившемся письме к знаменитому писателю от 4 сентября 1841 г. Зражевская сообщала о посланном ему переводе повести и об успехе книги в России (75, с. 304). Между ними завязалась переписка.

В конце лета 1843 г. Бальзак приехал в Петербург, куда его привели многие причины, и прежде всего обстоятельства личного характера — отношения с Эвелиной Ганской. Круг его встреч был крайне ограничен. Но Бальзак нашел время, чтобы увидеться с переводчицей его «Ламбера». Об этом факте Зражевская сообщала в одном из писем к М. Е. Загоскину (116, с. 1—4).

Листая ее письма к М. П. Погодину, можно узнать и о новом переводе расширенного варианта «Луи Ламбера», экземпляр которого Зражевская получила от автора в 1849 г. (132, с. 12). Здесь же сообщалось, что еще в 1848 г. переводчица подготовила предисловие и комментарии к этому изданию и передала их «на рассмотрение нашим университетским профессорам (в Петербургский университет. — М. Ф.)» (132, л. 12 об.). Зражевская могла передать книгу П. А. Плетневу или А. В. Никитенко, которые в те годы были ведущими литераторами в стенах Петербургского университета. Однако после европейских событий 1848 г. не приходилось думать о переиздании книги, обнаруживающей, по понятиям уваровской цензуры, «вредный образ мыслей».

В библиографическом указателе А. В. Паевской и В. Т. Данченко «Оноре де Бальзак. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1830—1964» (Л., 1965) сообщается, что новое издание «Луи Ламбера» вышло в 1854 г. Предпринятый нами поиск в книгохранилищах Москвы и Ленинграда не дал никаких результатов. Вероятно, источни-

ком информации в указателе послужило одно из многочисленных объявлений в петербургской прессе, где и сообщалось о возможном выходе в свет нового перевода повести Бальзака. Однако следующий перевод «Луи Ламбера», сделанный Г. В. Рубцовой, был опубликован только через 125 лет — в 1960 г. (5, с. 190—251).

Но куда же девались письма Бальзака к Зражевской? Очерк, напечатанный в «Русском биографическом словаре», сообщал, что после смерти писательницы эти бесценные реликвии были подарены ее родными известному библиофилу, автору словаря о русских женщинах-писательницах Н. Н. Голицыну (62, с. 497). К сожалению, сегодня их судьба неизвестна.

В 1838 г. Зражевская, воспользовавшись — в который раз — покровительством Российской Академии, опубликовала свой перевод книги «Пустынник Чимборасский, или Молодые странники колумбийцы» — сочинение известного французского детского писателя Ж.-Б. Шампаньяка (1796—1858), более известного в ту пору под псевдонимом «Мирваль». Сохранилось любопытное воспоминание переводчицы о работе над этим романом, изложенное в письме к В. И. Бакуниной: «Нынче я посвятила себя для детского чтения и напечатала сочинение г. Мирваля: Пустынник Чимборасский, путешествие по Америке. Оно мне так понравилось своим изложением, что я просиживала целые ночи над переводом этой книги, не жалея трудов и времени. Я путешествовала по карте вслед за двумя эмигрантами, которые, как Телемак, ищут своего отца в Америке, проходят все важнейшие места, области, города, реки, озера; каждое из них ознаменовано какими-нибудь происшествиями, которые напоминают читателю все, что есть замечательного в этой части света» (83, с. 6). Сюжет романа прост. Два молодых уроженца Венесуэлы отправляются на поиски отца, пропавшего в годы войны за независимость. Их путь лежал через весь континент — от Огненной Земли до Гренландии. Смертельная опасность нередко подстерегает братьев, но все кончается благополучно — они находят своего отца и возвращаются домой.

Книга французского писателя — своеобразное художественно-историческое повествование, которое знакомо юного читателя с современным положением молодых американских государств, рассказывало об ос-

новых событиях войны за независимость. Давая читателю много богатых сведений о далеком континенте, эта книга вместе с тем пробуждала симпатии к делу независимости латиноамериканских республик. Немало теплых строк посвящено Симону Боливару, подчеркивается его бескорыстное стремление сделать родину свободной. Конечно, такая направленность описываемых в книге «происшествий» могла принести переводчице немало новых неприятностей с цензурой. К счастью, на сей раз все обошлось. Шестьсот экземпляров «Пустынника», напечатанного в типографии Российской Академии, разошлись быстро. А в «Современнике» появилась небольшая заметка Плетнева, выражавшего надежду, что книга «поступит в число любимых чтений детского возраста» (100, с. 73).

В конце 30—начале 40-х гг. Зражевская продолжает заниматься переводами с французского — выпускает книги «Детская библиотека. Леон, молодой гравер» У. Тремадюр (Спб., 1839—1840), «Три повести г-жи Рэбо» (Спб., 1842) и «Очерк новой итальянской литературы» Ф. Пранди (Спб., 1841).

В 1841 г. она переехала в Старую Руссу, где купила небольшой дом. Недостаток материальных средств заставляет ее обратиться к журналистике. «Убыток, прибыль и — поэзия! Какая нескладница! ... Но как же быть — таков век», — сетует Зражевская в своих воспоминаниях (62, с. 496). Таково время «литературной промышленности».

Она стала печататься в журнале «Маяк», редакторами которого были Корсаков и муж ее сестры С. А. Бурачок. Это издание заслужило печальную славу своим скучным и вполне «благонамеренным» содержанием и у читателей спросом почти не пользовалось. Но выбора у Александры Васильевны не было.

Одна за другой выходили в «Маяке» ее рецензии на исторические романы О. П. Шишкиной и М. Н. Загоскина, небольшие переводы произведений французских авторов, в том числе воспоминания очевидцев наполеоновского нашествия в Россию, сведения о старорусских соляных источниках, статья об избрании Петра I в члены Парижской Академии наук, небольшие философские эссе (62, с. 496). Самая значительная публикация Зражевской в «Маяке» — это очерк-памфлет «Зверинец» (1842). Предложенный читателю в ви-

де двух писем к В. И. Бакуниной, содержащий интересные биографические сведения об авторе, он знакомил с мыслями писательницы о современном состоянии русской литературы, о праве женщины на участие не только в литературном процессе, но и в жизни высших учебных заведений — получении университетского образования наравне с мужчинами, ведении преподавательской деятельности. Страницы этого страстного обращения показывают, что автор был хорошо знаком с деятельностью своих коллег-женщин по литературному труду. «...Нельзя не восхититься прекрасным дарованием сочинительницы Скопина-Шуйского (О. П. Шишкиной. — М. Ф.), кто не изумится ученым трудом юной Елисаветы Кульман. Нельзя забыть превосходных повестей Зенеиды Р-вой (Е. А. Ган. — М. Ф.), „Вечеров на Карповке“ Жуковой, „Записок девицы-кавалериста“ Дуровой, „Российской истории для детей“ Ишимовой... а замечательные произведения К. Павловой в „Москвитянине“... В заглохшей пустыне благодатного русского слова, где по временам встречаются столько блестящих женских талантов, я могла бы наименовать еще автора исторического романа „Ольга“ (З. А. Волконскую. — М. Ф.), автора аристократку, которая обладает редким даром излагать историю в своих светлых сказаниях с увлекательною прелестью...» (83, с. 12).

Но самым важным нам представляется суждение Зражевской о тяжелом состоянии русской литературы начала 40-х гг., задыхающейся в тисках «словесных» торговцев — триумвирата Булгарин—Греч—Сенковский. Именно за это получила она ярлык «литературной мятежницы». В письме от 25 июля 1842 г. к Погодину Александра Васильевна объясняла, почему был написан ее очерк, — Зражевскую «мучала сердечная скорбь о ничтожном и плачевном состоянии нашей словесности». Поэтому писательница стремилась показать читателям «причины... литературной болезни: шарлатанство... педантство, мишурность, фразерство и торгашество» (139, с. 1).

В журнале М. Погодина «Москвитянин» ей удалось напечатать лишь небольшую часть романа «Женский век», где поднимались вопросы эмансипации женщины, ее активного участия в общественной жизни (84, с. 74—92). В пору реакции ее высказывания напугали

обывателей от литературы. «Переписка моя со всеми прекращена, не знаю, по чьей прихоти. Пишу ко всем точно на ДНО МОРСКОЕ* — ни один водолаз ответа не достанет. Желала бы переменить образ жизни моей незавидной, грустной и хлопотливой», — писала Александра Васильевна в Москву А. П. Глинке (139, л. 1 об.).

В дальнейшем имя писательницы исчезает со страниц журналов. Отчуждение окружающих, душевные переживания способствовали возникновению тяжелого нервного заболевания. В 1847 г. родные перевезли писательницу в Петербург. Через некоторое время они были вынуждены поместить ее в лечебницу для душевнобольных — больницу Всех скорбящих. Но и здесь она пыталась работать — спешила завершить роман «Женский век». Невозможно без содрогания читать ее письма из лечебницы, обращенные к своей знакомой Марии Данковской. В них всего несколько строк благодарности «за милости» — чай, теплые вещи, обувь и, главное, бумагу и перья (133, л. 1—2).

Александра Васильевна Зражевская умерла 22 октября 1867 г. Она похоронена на Парголовском кладбище (могила не сохранилась). В посвященном ей очерке в «Русском биографическом словаре» есть замечательные слова, характеризующие ее как писательницу: «Непринужденной разговорчивостью отличается резвое перо ее... Ее выбор вещей для перевода обнаруживает развитый литературный вкус; живой и наблюдательный ум сказывается в оригинальных ее статьях, где нередко тонкий юмор искусно сплетается с глубокой, серьезной мыслью. Она вполне ясно отдавала себе отчет в том, что нужно писательнице, и вот почему критика, заставив страдать ее душу в течении многих лет, не могла выбить перо из рук ее. Сатирическую критику на современных ей критиков представляет остроумный ее „Зверинец“; три страшных зверя ополчились на женщин-писательниц: „педантство, резонерство и фразерство“, и сама Зражевская испытала на себе их острые зубы, но стойко продолжала оставаться на своем посту, расчищая дорогу для будущих русских писательниц» (62, с. 497). Едва ли можно что-нибудь прибавить к этой точной и справедливо возвышенной характеристике.

* Выделено А. В. Зражевской.

Вдали от столиц

(О. П. Крюкова, А. И. Готовцева,
А. А. Фукс)

Русская провинция первой трети XIX в. включала в себя несколько крупных культурных центров. В таких городах, как Казань, Калуга, Кострома, Одесса, Смоленск, Тула, Харьков, развивалось книгопечатание, выходили газеты, журналы, альманахи. В некоторых из них — Казани и Харькове — уже появились университеты. Имелись и театры, где с успехом выступали как местные, так и приезжие актеры. В начале 30-х гг. в тридцати двух губернских городах учреждаются публичные библиотеки, активно посещаемые не только дворянами, но и разночинцами. Среди местной интеллигенции встречаются актеры, ученые, художники, а среди писателей появляются и женские имена.

Так, среди постоянных сотрудников харьковского журнала «Украинский вестник» (1816—1819) назовем Глафиру Петровну Шумлянскую, выступившую с переводами сочинений Ж. Мармонтеля и Ф.-Р. Шатобриана, И.-Г. Гердера и Ж.-Л. Бюффона.

Не менее популярна была здесь Любовь Яковлевна Кричевская — поэтесса, прозаик и драматург. На страницах «Украинского вестника» (1816—1817) и «Украинского журнала» (1824) можно было познакомиться с ее неплохими лирическими стихотворениями. Среди отдельных изданий писательницы — «Мои свободные минуты, или Собрание сочинений в стихах и прозе» (Харьков, 1817), «Исторические анекдоты и избранные изречения известных людей» (Харьков, 1826), драма «Нет добра без награды» (Харьков, 1826), «Две повести: Коринна и Эмма» (М., 1827), «Граф Горский» (Харьков, 1837). Историк и библиограф М. Н. Макаров, включив сведения о Кричевской в свой словарь «Материалы для истории русских женщин-авторов», счел необходимым отметить ее исклю-

чительный талант: «Стоило бы только поддержать малороссийскую писательницу, и ее проза могла бы назваться одной из лучших в сравнении с другими писательницами-россиянками» (79, № 51—52, с. 156).

Но не всегда начинающие писательницы имели возможность печататься у себя дома. Для одних это было сопряжено со стремлением сохранить в тайне свои литературные труды, чтобы избежать насмешек, зависти, а иногда и травли со стороны и близких и губернского общества — «микросвета». У других не было возможности печататься в провинции. Ну а третьих сдерживало отсутствие средств — публиковать свои сочинения, особенно в провинции, стоило недешево. Поэтому такие авторы стремились печататься в столицах — в Петербурге или в Москве. Здесь, распродав свое издание, можно было покрыть типографские расходы и даже получить некоторый доход.

Именно такой писательницей и была Елизавета Бездольная, опубликовавшая в Петербурге свой перевод романа Э. Фуине «Стрега» (1834). Не касаясь его литературной истории, обратимся к предисловию, предварявшему это издание. Из него мы узнаем, что переводчица на «последние медяки» сумела получить образование в одном из мелких провинциальных пансионов и теперь стремилась стать полноправным участником общественной и прежде всего литературной жизни страны. Здесь же она призывала пересмотреть официальное отношение к системе образования среди русских женщин. Роман «Стрега» — единственное произведение, переведенное Е. Бездольной. Может быть, переводчица представила читателям не свое настоящее имя, а всего лишь псевдоним, но такой, который недвусмысленно обнажал ее более чем скромное существование.

Обращали свои взоры начинающие писательницы и к Москве. В одном из июньских номеров «Дамского журнала» за 1833 г. редактор П. И. Шаликов сообщил своим читателям о первой книге молодой поэтессы Ольги Крюковой «Донец. Повесть в стихах» (М., 1833).

«Можно решительно сказать, что у нас ни одна еще дама не владела так хорошо языком грамматическим и стихотворным, как сочинительница сей повести, 18-летняя девица, живущая далеко от столиц наших, не выезжавшая никогда из провинции, в которой роди-

лась, впрочем, под благотворным небом, произведшим два лучезарных светила на литературном горизонте нашем, Карамзина и Дмитриева! И чтобы совокупить в одну точку зрения пиитические достоинства новой стихотворицы, скажем без всякого пристрастия: она — ПУШКИН* своего пола. Так по крайней мере заставляют думать первые песни СИМБИРСКОЙ МУЗЫ!* И такого же мнения, верно, будет каждый, прочитавший ДОНЦА*, который не опустил бы, кажется, пика своей в ратоборстве с КАВКАЗСКИМ ПЛЕННИКОМ*» (79, № 24, с. 174). Так Шаликов представил читателям своего журнала Ольгу Петровну Крюкову, начинающую писательницу из Симбирска.

В следующей рекламе повести он сообщал некоторые подробности биографии девушки: она рано осталась сиротой и воспитывалась в семье небогатой симбирской помещицы (79, № 52, с. 173). Если учесть, что в 1833 г. ей, как сообщал Шаликов, было 18 лет, то родилась Ольга Петровна в 1815 г. Однако «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, а также «Материалы для словаря русских писателей» С. А. Венгерова предлагают другую дату рождения — 1817 г.

Ко времени объявления о выходе в свет новой книги юной симбирской писательницы в нескольких номерах «Дамского журнала» за 1833 г. уже было напечатано несколько прозаических и поэтических сочинений Крюковой — «Бабушка, или Три подарка, старинное предание», «Елецкий казак», «Жертва любви» и «Сетование», созданных в романтическом ключе. Чувствовалось в них и влияние фольклора.

Конечно, восторженные сентенции Шаликова, в том числе и сравнение «Донца» со знаменитым пушкинским произведением, чрезмерны, но не случайны. В 1833 г. русскому читателю еще были памяты прекрасные строки поэмы «Кавказский пленник», описывающие грустную легенду о самоотверженной любви женщины-горянки к пленному казаку, нравы горцев и удивительную природу этого края.

Действие повести «Донец», наделенной всей необходимой романтической символикой, перенесено на Восток — к уральским казакам. Здесь, на необозримых степных просторах, разыгрывается почти такая же,

* Выделено П. И. Шаликовым.

как и в «Кавказском пленнике», красивая и печальная история. Уже первые строки показывали, что перед нами автор, хорошо знакомый с самобытностью представленных им героев. Образы казаков в «Донце» наделены народной поэтической стихией — особой духовной возвышенностью, бурными страстями, исключительной храбростью. Интересны бытовые зарисовки, экзотика быта уральских казаков. Но обратимся к прологу повести — вот как происходит знакомство с главной героиней Анютой:

Уже потух огонь денницы,
Поля увлажнились водой,
И кровли низкие станицы
Оделись черной пеленой.
Утихла степь, уснули воды.
На берег пенистой реки
Вмешаться в пляски, в хороводы
Младые вышли казаки.
И каждый юноша прекрасный,
Избрав любимую из дев,
Внимает песне сладогласной
И пляшет под ее напев.
Но где же, где краса станицы,
Чьи очи юношей губят?
Напрасно красные девицы
Ее играть с собой манят,
Она не слышит их привета,
Мечтой душа упоена,
На влажной мураве простерта,
Не внемлет кликам их она.
Кто краше был Анюты милой?
Кто ей подобную встречал?
Кто в пылкой юности игривой
При ней душой не унывал?
Никто из дев родной станицы,
Никто не мог сравниться с ней;
Как пламень золотой денницы,
Прекрасен блеск ее очей.
Невинны, полные душою,
Как звезды яркие, они,
Маня задумчивой красою,
Горят в лилейной белизне.
Но никогда ее ланиты
Не зарумянятся весной:
Как холодом цветок убитый,
Не оживет она душой.

(31, с. 3—4)

И далее перед читателем предстает невеселая история ее любви и жизни.

В одной из станиц уральских казаков прижился молодец с Дона. Его, сироту, приютила семья старого казака, деда Анюты. Прошло время, дети выросли и полюбили друг друга. Но вот объявлен поход, и Донец вместе с другими казаками покидает станицу. Анята ждет любимого, но от него нет никаких вестей. Возвращаются из похода казаки. Печальное известие принесли они — в стычке с кочевниками погиб Донец. Безутешная в своем горе девушка клянется хранить верность любимому. Один из казаков станицы — Урядник — давно любит девушку. Он уговаривает ее забыть Донца, повторяя, что напрасно она ждет его: тот, кого Анята любит, — мертв. Девушка подозревает Урядника в убийстве из-за ревности и бросает ему это обвинение. Тогда казак открывает тайну: любимый девушки не погиб — он в плену у киргизов. Пораженный силой любви Аняты, он один отправляется на поиски кочевья степняков, чтобы освободить Донца. В неравной схватке с киргизами гибнет и сам. Анята продолжает ждать Донца...

Итак, перед нами еще один образец романтической поэмы. Сравнив ее с «Кавказским пленником», мы, так же как и Шаликов, не можем не заметить полного композиционного повторения пушкинского шедевра. Особенно схожи судьбы главных героев поэм.

Как в «Донце», так и в других стихотворных произведениях Крюковой отразились общие настроения ее творчества — грусть, безысходность, одиночество, что, без сомнения, полностью соответствовало моральному состоянию молодой девушки, лишенной детства среди родных, выросшей в чужом доме. Затем более чем на тринадцать лет в литературной биографии О. П. Крюковой наступает затишье. И только в конце 50-х гг. ее имя иногда встречается на страницах редактируемого Ф. П. Миллером журнала «Развлечение» (1859—1860). В 1859 г. в Москве выходит последнее произведение Крюковой «Старина: I. Барышни Стрельниковы. II. Капитан-Исправник», где, как и в прежних ее сочинениях, сказалась любовь к старинным преданиям, навеянным фольклорными мотивами. Умерла Ольга Крюкова в 1885 г.

15 января 1829 г. газета «Северная пчела», сообщая своим читателям о выходе альманаха «Северные

цветы» (Спб., 1828), представила мало кому известную поэтессу: «Скажем только о необыкновенно приятном явлении на Русском Парнасе. Мы находим в сем альманахе стихотворения дамы А. И. Готовцевой, в которых видим необыкновенное дарование, нежность в мыслях, чувствованиях и в изложении пиитический язык нашего времени. Превознося талант А. С. Пушкина, как мило упрекает его сочинительница за... она не досказывает. Но мы догадываемся, что Поэт заслужил упрек за то, что героини его поэм слишком СУЩЕСТВЕННЫ.* Извинение поэта столь же мило. Чтоб познакомить читателей наших с сим новым дарованием, мы выписываем послание А. И. Готовцевой к Пушкину». Далее следовали строки послания поэтессы:

О Пушкин, слава наших дней,
 Поэт, любимый небесами!
 Ты век наш на Заре своей
 Украсил дивными цветами.
 Кто выразит тебя сильней
 Природы блеск и чувства сладость,
 Восторг любви и сердца радость,
 Тоску души и пыл страстей!
 Кто не дивится вдохновеньям,
 Игривой юности мечтам,
 Свободных мыслей выраженьям,
 Которые ты предал нам?
 В неподражаемой картине
 Ты нам Кавказ изобразил,
 И деу гор, и плен в чужбине,
 Черкесов жизнь в родной долине
 Волшебной кистью оживил.
 Дворец и сад Бахчисарая,
 Фонтан любви, грузинки месть
 Из края в край, не умолкая,
 Гласят поэту славы весть.
 Одно... Но где же совершенство?
 В луне и солнце пятна есть!

 Несправедлив твой приговор, —
 Но порицать тебя не смеем:
 Мы гению простить умеем —
 Молчанье выразит укор.

(63, с. 78)

В этих строках мы видим и восторг почитательницы пушкинской поэтической музыки, хорошо знакомой

* Выделено Ф. В. Булгариным.

с творчеством поэта, и отмеченный «Северной пчелой» недосказанный упрек Пушкину. Но кто же это «новое дарование» и о каком «несправедливом приговоре» упомянуто в послании?

Об Анне Ивановне Готовцевой, в замужестве Корниловой (?—1871) известно немного. Состоятельная и широко образованная костромская помещица, она писала стихи, увлекалась науками, была дружна с Ю. Н. Бартевым — известным в Костроме и Москве покровителем молодых талантов. Анне Ивановне обязана своим начальным образованием ее племянница, впоследствии популярная поэтесса Ю. В. Жадовская.

Свою поэтическую деятельность Готовцева начала рано, публикуясь на протяжении 1826—1839 гг. в «Московском телеграфе» Н. Полевого, «Галатее» С. Раича, «Литературном музее» В. Измайлова. Известно, что в литературном наследии поэтессы имелось несколько тетрадей с неизданными произведениями, относящимися к началу 50-х гг.

Упомянутое послание появилось в «Северных цветах» благодаря помощи П. А. Вяземского, с которым молодая костромская поэтесса познакомилась у Ю. Н. Бартева. В этом же издании помещено посвящение Петра Андреевича Вяземского Готовцевой «Стансы (Анне Ивановне Готовцевой)» и пушкинский «Ответ А. И. Готовцевой».

Первый интересен как превосходная иллюстрация не только творческого портрета девушки.

Благоуханием души
И прелестью подобно розе,
И без поэзии, и в прозе,
Вы достоверно хороши.

Но мало было вам тревожить
В нас вдохновительные сны:
Вы захотели их умножить
Дарами счастливой весны.

Вы захотели примирить
Существенность с воображеньем;
За вдохновеенье вдохновееньем,
За песни песнями платить.

Дается редкому поэту
Быть поэтическим лицом:
В гостинной смотрит сентябрем,
Кто чародей по кабинету.

~
~

Но в вас, любимице наук,
С плодом цвет свежий неразлучен:
С улыбкой вашею созвучен
И стих ваш, сердца чистый звук.

(63, с. 76—77)

Чем же был вызван «Ответ» Пушкина? Возможно, разъяснения мы найдем, обратившись к комментариям подготовленного Б. В. Томашевским юбилейного тома «А. С. Пушкин. Сочинения» (Л., 1936). Литературовед считал причиной, вызвавшей к жизни четыре заключительные строки в послании костромской поэтессы, вероятное знакомство ее с опубликованными Александром Сергеевичем в октябрьской книжке «Московского вестника» (1827) стихами «Женщины» (55, т. 5, с. 442—448), поэт предполагал включить их в четвертую главу «Евгения Онегина». Именно эти строки, в которых отчетливо видны укоренившиеся взгляды светского общества на предназначение женщины, и могли привести к «литературной дуэли» между Пушкиным и Анной Ивановной.

По призыву своих друзей — Вяземского и Дельвига — поэт поспешил смягчить впечатление Готовцевой от «Женщин» своим «Ответом»:

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им, но и робею:
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветренный зоиц,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он, а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

(55, т. 3, с. 83)

О послании Готовцевой к Александру Сергеевичу напомнил и Киреевский в своем знаменитом очерке о русских писательницах. Не касаясь и, естественно, не зная основания их «литературной дуэли», он поспешил привлечь внимание читателей к «писательнице», кото-

рой таинственное послание к Пушкину должно было так мучительно и вместе так приятно волновать самолюбивое любопытство поэта» (28, т. 1, с. 121).

В «Северных цветах на 1829 г.» опубликовано еще одно послание поэтессы из Костромы, посвященное другу и наставнику — Ю. Н. Бартеневу:

В безвестной тишине, забытая всем светом,
Я не хочу похвал, ни славы быть поэтом;
Но заслужить стремлюсь ваш благосклонный взор,
И помня ласковый и тонкий ваш укор,
Беспечность праздную и лиры сон глубокий
Я перервать хочу — фантазией жестокой.

Забытый гений мой в стесненьи исчезал;
Но ваш призывный глас ему жизнь нову дал.
И кто, внимая вам, в порыве упоений,
К добру, к изящному не чувствовал стремлений?
Я помню чары сих пленительных бесед,
Когда, забыв пиры, забавы, шумный свет,
Я в храме мудрости душою отдыхала
И сердца пустоту высоким заменяла;
Привет ваш озарял неопытный мой ум,
В порядок приводил хаос незрелых дум
И, трудностей стезю цветами украшая,
Учил и на земле вкушать блаженство рая!

Забуду ль сих минут святую тишину,
Когда преданья лет, седую старину
Вы слуху моему — душе передавали
И новый блеск перу Карамзина давали;
Экзаметр Гнедича на сердце не потух —
Вы ум растрогали, очаровали слух,
И Андромахи стон и бешенство Ахилла
Душа читателя с Гомером разделила.

Поэты русские, о слава наших дней!
Не истребитесь вы из памяти моей:
Я чувства чувствами, мечту мечтой сменяла,
Когда язык богов из уст златых внимала.
И вы!.. Но с грустию я отвращаю взор
От падших ангелов: их гений им укор;
Их слава, промелькнув, как грозная комета,
Затмила блеск звезды — и умерла для света!..

(63, с. 78—79)

Какие чудесные строки! В них яркий портрет самой поэтессы, ее отношение к шедеврам западноевропейской и русской литературы, раздумья о современной ей поэзии. И так писали в городе, находившемся вдали от центров активного развития русской литературы.

Казань 30—40-х гг. — один из ведущих литературных центров русской провинции. Среди местных писательниц той поры мы встречаем Анну Арцыбашеву, опубликовавшую в 1831 г. перевод анонимного английского издания «О торговле и мореплавании древних», и знаменитую хозяйку местного литературного салона Александру Андреевну Фукс, урожденную Апехтину (1805—1853). Фукс приходилась племянницей поэту Гавриилу Петровичу Каменеву, которого считали предшественником русского романтизма. Отец писательницы, А. И. Апехтин, служивший одно время городничим в Казани, смог дать дочери приличное образование. Уже в юности она увлеклась литературой, стала писать стихи.

В 1821 г. Александра Андреевна вышла замуж за профессора Казанского университета Карла Федоровича Фукса (1776—1846), известного естествоиспытателя, врача, этнографа, знатока древних и новых языков. Горожане любили этого чудаковатого человека. Многих из них он лечил бесплатно. О странностях его ходили легенды. Говорили, что в день свадьбы, которая состоялась в одной из окрестных казанских деревень, Карл Федорович отправился в лес ловить бабочек и забыл о предстоящем торжестве. Посланная прислуга едва разыскала увлекшегося жениха.

Дом Фуксов, стоявший на углу Владимирской улицы и Сенной площади, стал местом средоточения казанской интеллигенции. Здесь собирались литераторы и ученые — И. А. Второв, Г. Н. Городчанинов, Л. Н. Ибрагимов, П. Киселевский, Д. П. Ознобишин, Э. П. Перцов, Ф. М. Рындовский. У них бывали заезжавшие в Казань знаменитости — М. М. Сперанский, А. Гумбольдт, Е. А. Баратынский, А. С. Пушкин, собиравший материал для своей «Истории Пугачева».

Как отмечал впоследствии Е. А. Бобров, исследователь литературной биографии А. А. Фукс, она оказала заметное влияние на развитие «среди местного общества интересов литературы и просвещения» (91, июль, с. 490). Действительно, кроме устройства литературных вечеров, Александра Андреевна вместе с мужем принимала участие в единственном тогда литературном журнале Казани «Заволжский муравей», где неоднократно печатала свои сочинения и воспоминания. Ее глубоко интересовали прошлое, фольклор,

этнография края, она совершила несколько научных путешествий по Поволжью, описав впоследствии свои наблюдения в статьях и книгах. В январе 1833 г. А. Фукс предприняла первую поездку в Москву, где завела литературные связи.

«Сегодняшний день я причисляю к приятнейшим дням моей жизни: я целый день была в восхищении. Я поутру оделась, чтобы ехать к Энгельгардтам и к Баратынским, но они, не дождавшись моего визита, приехали ко мне сами, даже Лев Николаевич Энгельгардт (тесть Баратынского), несмотря на слабое свое здоровье, был у меня. Я очень дорого ценю их ко мне внимание и дружбу», — писала она мужу в Казань (91, июль, с. 509).

Итак, ее имя уже известно в Москве и Петербурге. Писательнице посвящают стихотворения Баратынский и Языков. Вот вдохновенное послание Языкова:

Завиден жребий ваш: от обольщений света,
От суетных забав, бездушных дел и слов
На волю вы ушли, в священный мир поэта,
В мир гармонических трудов.
Божественным огнем красноречив и ясен
Пленительный ваш дар, трепещет ваша грудь,
И вдохновенными заботами прекрасен
Открытый жизненный ваш путь.
Всегда цветущие мечты и наслажденья,
Свободу и покой дарует вам Парнас.
Примите ж мой привет! Я ваши песнопенья
Люблю: я понимаю вас.
Люблю тоску души задумчивой и милой,
Волнение надежд и помыслов живых,
И страстные стихи, и говор их унылый,
И бога, движущего их.

(74, с. 335)

Она дружна с Баратынским, который в начале 30-х гг. жил в одном из своих казанских имений, и пытается склонить поэта к участию в «Заволжском муравье». В начале сентября 1833 г. Евгений Абрамович сообщил Фуksam, что их дом посетит находящийся проездом в Казани Пушкин.

Первое посещение знаменитым гостем Фуcов состоялось 7 сентября. Пушкин просидел здесь с шести часов вечера до часу ночи. Они беседовали о литературе, поэт просил прочесть ему посвящения Баратынского и Языкова, похвалил стихи Николая Михайло-

вича. Затем Фукс познакомила гостя со своими стихами, прочла и свою сказку «Жених». Пушкину сказка понравилась. Может быть, он вспомнил и своего «Жениха», написанного в 1825 г. в михайловской тиши и значительно отличавшегося сюжетом от произведения казанской литераторши. Интересовался поэт и семейством радушной хозяйки, расспрашивал, где она училась. В свою очередь рассказывал о столичной жизни, приглашал в Петербург. Между ними шел откровенный разговор о русской литературе, ее замечательных творцах. Особенно интересовала Пушкина судьба дяди писательницы — Г. П. Каменева. Он попросил Александру Андреевну собрать материал о поэте и прислать ему — гость предполагал написать его биографию.

Карла Федоровича Пушкин расспрашивал об истории Казани и ее края. Впоследствии эти сведения были использованы в «Истории Пугачева». В примечании к одной из глав «Истории» Пушкин писал: «Слышано мною от К. Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанском университете, человека столь же ученого, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описываемых» (55, т. 8, с. 227).

По просьбе поэта Карл Федорович продолжал собирать для него материалы, связанные с историей края и пугачевскими событиями: «4 года я собирал с неунынным старанием все сведения, все исторические истины, рукописные и изустные сказания казанских старожил, бывших очевидными свидетелями тогдашних происшествий» (91, июнь, с. 30). Передать собранное профессор не успел. Но труд Карла Федоровича не пропал даром. В «Казанских губернских ведомостях» за 1847 г. (№ 44) И. А. Второв сообщил следующее: «А. А. Фукс, бесспорно, одна из трудолюбивейших и талантливых писательниц наших, приобретающая уже многочисленными трудами своими столь почетное место в русской литературе, написала новое, весьма любопытное сочинение «Зюлима, или Пугачев в Казани», исторический роман, которое намерена в скором времени издать в свет. Мы с жадностью прочитали его в рукописи и, судя по впечатлению, произведенному им на нас, смело можем предсказать, что роман этот будет самым приятным явлением для лю-

бителей и любительниц легкого чтения» (91, июнь, с. 30).

Но это интересное продолжение пушкинской темы издано не было и осталось в рукописи.

Встреча со знаменитым поэтом произвела на Александру Фукс сильное впечатление. На следующий день утром она написала стихи «На проезд А. С. Пушкина через Казань», где высокопарно, в форме аллегории воссоздала эту встречу. Затем Александра Андреевна отправила послание гостю. Но, оказалось, он уже выехал в Оренбург, оставив письмо, где благодарил за радужный и приятный прием: «Я никогда не думал, чтобы минутное знакомство было причиной такого грустного прощания; но мы в Петербурге увидимся» (91, июль, с. 494).

Впоследствии писательница вспоминала об «особом расположении», оказанном ей поэтом, гордилась перепиской с ним, неоднократно предлагая эти письма вниманию посетителей ее салона. В своих посланиях Пушкин вспоминал время, проведенное в Казани, общался о ходе работ над «Историей Пугачевского бунта», а когда завершил книгу, послал ее своей казанской корреспондентке. Вспоминал поэт и Карла Федоровича, «коего любезность и благосклонность будут вечно мне памятны» (55, т. 10, с. 402).

Через год после их знакомства в Петербург пришел сборник стихов Александры Андреевны. Листая книгу «Стихотворения Александры Фукс», состоявшую из сказок, басен, элегий, посланий друзьям, Пушкин не мог не обратить внимание на посвящение ему, где нашли отражение их встреча, беседы, особенное почтение поэтом «гениев Российских» (91, июль, с. 500).

Прочитав, по правде говоря, не столь совершенные стихи, он все же спешит ободрить поэтессу, называя ее детища «прелестными» (91, июль, с. 498). С каким восторгом принимает Александра Фукс предложение поэта принять участие в его «Современнике»! Она спешит доставить Александру Сергеевичу элегию, отрывки из своих описаний скитов Нижегородской губернии, небольшую часть незавершенного водевиля, главу повести об основании Казани. «Я почту себя счастливой, ежели вы из моих сочинений найдете что-нибудь достойное для помещения в „Современнике“» (91, июль, л. 500). Но смерть Пушкина оборвала все надежды.

В 1842 г., вспоминая об этой ужасной трагедии, постигшей Россию, Фукс писала: «Ужасная весть о его смерти ввергла меня в какое-то бесчувственное положение; уже через несколько часов чувство горести вывело меня из такого неспособного оцепенения, и уже только тогда я с горькими слезами взглянула на его портрет и сказала: „Тебя уже нет с нами, певец любимый и неподражаемый! Зачем так рано ты оставил нас? Неужели земной мир не был тебя достоин?“» (91, июль, с. 498).

В доме Фуков память о знакомстве с Пушкиным хранилась свято. На одном из литературных вечеров, состоявшемся 1 декабря 1843 г., Александра Андреевна рассказала о встрече с поэтом, собравшимся были прочитаны письма Александра Сергеевича к хозяйке дома. Один из гостей, А. А. Долгорукий, познакомил всех со своим стихотворением, посвященным памяти Пушкина (91, июль, с. 505).

Литературная деятельность А. А. Фукс не исчерпывалась упомянутыми выше сочинениями. В 1833 г. она печатает в «Заволжском муравье» (№ 15) письма мужу из Москвы, а на следующий год в Казани брошюрой выходит «Поездка из Казани в Чебоксары», где писательница предстает перед нами уже не только как талантливый литератор, но и как серьезный исследователь-этнограф.* Любопытна в этой связи рецензия П. И. Шаликова в «Московских ведомостях» (1834): «„Поездка“ замечательна, как первый опыт г-жи Фукс на том поприще, на которое она вступила по совету мужа, найдя наконец общую с ним научно-литературную почву, — на поприще фольклора и этнографии поволжских иногородцев. Труды А. А. Фукс по этнографии заслужили ей почетную известность и не утратили своей цены и до сих пор, почему и заходила уже речь о их перепечатке, ибо все сочинения г-жи Фукс давно сделались большою библиографическою редкостью. Этнографические студии знаменовали собой перелом в литературной ее деятельности» (91, июнь, с. 26).

Чувствительный эпигон сентиментализма был прав. Уже в монументальном сочинении «Записки о чувашах

* Эти две работы, а также стихотворения А. А. Фукс имеются в библиотеке А. С. Пушкина (54, с. 111).

и черемисах Казанской губернии» (Казань, 1840), представляющем собой богатейшее этнографическое и историческое исследование, А. А. Фукс подтвердила звание серьезного ученого. Эта книга до сих пор является ценнейшим пособием для исследователей, изучающих народы этого региона.

В 1836 г. в Казани вышла книга «Основание города Казани. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий». Это произведение снабжено обширным предисловием Карла Федоровича об истории царства Болгарии Волжско-Камской. Представляя читателю поэму, профессор сообщал, что в ней нашли свое отражение несколько местных легенд. Интерес к прошлому Казанской губернии содействовал появлению в печати другой легенды — «Княжна Хабиба. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий» (Казань, 1841). Книга поведала читателям трагическую историю любви и смерти дочери богатого хана и русского офицера.

Обращается писательница и к жанру детской сказки. Так, еще в 1838 г. издается в Казани ее «Царевна-Несмеяна. Народная русская сказка». Ее сюжет несложен.

Среди множества гостей празднует царь Дадон рождение дочери. Но он забыл пригласить на торжество колдунью Всеведу. За это она насылает порчу на девушку — царевна останется «Несмеяной» до тех пор, пока не найдется тот, кто рассмешит ее. К счастью, все завершается благополучно. Здесь чувствуется сильное влияние народной фольклорной традиции (как не вспомнить сказку о Емеле-дураке!) и пушкинского сказочного наследия — «Сказку о золотом петушке» (царь Дадон). Это сочинение, посвященное знакомому писательнице — десятилетнему Павлу Жмакину, получило положительные отзывы критики (91, июнь, с. 28).

А. А. Фукс продолжает печататься и в журналах. В 1838 г. в «Библиотеке для чтения» (т. 28) публикуется ее повесть «Черная коса», в местных изданиях — воспоминания о Пушкине и статьи по этнографии (91, июнь, с. 28—30). К 1837 г. относится комедия-водевиль «Она похудела», посвященная Э. П. Перцову, отрывки из которой ранее были посланы Пушкину. Из переписки А. А. Фукс с М. Н. Загоскиным видно, что ее перу принадлежали также водевиль «Безземельное имение» и трагедия «Сумбека». Водевиль Александр

Андреевны ставились на местной сцене (91, июнь, с. 28).

Весной 1846 г. умер К. Ф. Фукс. Эта потеря настолько потрясла писательницу, что она отошла от литературы и посвятила себя воспитанию младшей дочери. 4 февраля 1853 г. Александра Андреевна скоропостижно скончалась. Ее похоронили в Казани, на Куртине, рядом с Н. И. Лобачевским (захоронение не сохранилось).

О смерти А. А. Фукс оповестили «Казанские губернские ведомости» от 16 февраля 1853 г., а также «Санкт-Петербургские ведомости» от 26 февраля в разделе «Вести из губерний»: «4 февраля скончалась в Казани Александра Андреевна Фукс, которую казанцы помнят по приятным литературным вечерам и читающая публика по нескольким повестям и водевилям...»

Впоследствии о семействе Фукс неоднократно вспоминали исследователи казанской старины, всегда отмечая их исключительное значение в развитии местной культуры той поры, в особенности литературы.

Сотрудница пушкинского «Современника»

(Н. А. Дурова)

Пушкин и русские писательницы... Из предыдущих очерков мы уже знаем, как неоднозначно относился поэт к «женской литературе». Но писательский талант женщин не мог оставить его равнодушным. Поэту импонировала тонкость души, артистичность, врожденная любовь к искусству, обаяние и достоинство русских писательниц. Поэтому нас не удивляет высокая оценка Пушкиным Э. А. Волконской, Е. А. Тимашевой, А. И. Готовцевой.

Пушкинский поэтический огонь давал живительные силы творчеству современниц поэта. К именам О. П. Крюковой, А. В. Зражевской, Н. С. Теплової можно присоединить и популярную беллетристку конца 30-х гг. Е. А. Ган, литературный талант которой уже четко обозначился к последним месяцам жизни Александра Сергеевича. Он присматривался к литературной деятельности А. А. Фукс. Но почетное место на страницах пушкинского «Современника» успела получить только Надежда Андреевна Дурова — женщина-воительница, кавалер славного Георгиевского креста, участвовавшая в сражениях на полях Германии и России.

Судьба Дуровой еще при жизни стала легендой. Будущая писательница родилась в 1783 г. Отец ее, офицер армейского гусарского полка, выйдя в отставку, поселился в захолустном городишке Сарапуле, где получил должность городничего. До шести лет единственным наставником девочки был «фланговый гусар» Астахов. В результате его воспитания девушка твердо знала все командные приказы, любила лошадей. Эти наклонности сыграли определенную роль в ее дальнейшей судьбе. В военных событиях 1807—1814 гг. исчезает Надежда Дурова и появляется вначале корнет

Мариупольского гусарского полка, а затем штаб-ротмистр Литовского полка Александр Андреевич Александров.

Навсегда отрекшись от своего пола, что, впрочем, было вызовом духовно-нравственному положению женщин в российских семьях, она в течение десятилетий приучала общество к этому удивительному парадоксу.

Выйдя в 1816 г. в отставку, она обратилась к литературным занятиям. В своих многолетних походах Дурова вела записки — нечто вроде дневника. Чутье бывалого солдата подсказывало ей, что выбранный жанр будет более интересен и понятен современникам, чем наскучившие беллетристические «салонные» романы. В этих записках писательница выступила как вдумчивый, зоркий художник. Эту особенность и подметит позднее Белинский: «Боже мой, что за чудный, что за дивный феномен нравственного мира героини этих записок, с ее юношескою прозорливостью, рыцарским духом... Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностью своего слога, этою живописною увлекательностью своего рассказа, всегда полного, проникнутого какою-то скрытою мыслью» (6, т. 3. с. 149).

Действительно, у истоков издания «Записок» Надежды Дуровой стоял великий поэт. История эта такова. В 1835 г. в одном из писем к Пушкину его хороший знакомый, сарапульский городничий В. А. Дуров, предложил поэту стать издателем мемуаров своей сестры. Ответом было следующее: «Если автор „Записок“ согласится поручить их мне, то с охотою берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление» (55, т. 10, с. 418). В успехе предполагаемого издания сомнений не было.

Обрадованная приятным известием, Надежда Андреевна решила сама написать своему будущему издателю. В этом послании Дурова представилась в обычной для себя манере — в мужском роде, чем, думаем, немало смутила своего адресата: «Не извиняюсь

за простоту адреса, милостивый государь Александр Сергеевич! Титулы кажутся мне смешны в сравнении с славным именем вашим. Чтоб не занять напрасно ни времени, ни внимания вашего, спешу сказать, что заставило меня писать к вам: у меня есть несколько листов моих записок; я желал бы продать их и предпочтительно вам. Купите, Александр Сергеевич! Прекрасное перо ваше может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественниц, тем более что происшествие, давшее повод писать их, было некогда предметом любопытства и удивления...» (50, с. 395).

Рукопись пришла только к весне 1836 г. 17 марта поэт пишет В. А. Дурову, что предполагает поместить «Записки» во второй книжке «Современника». Просмотрев рукопись, Пушкин остался доволен: «Прелесть! Живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен» (55, т. 10, с. 444). Он ожидает воочию увидеть автора — Дурова обещала летом быть в столице.

И вот Надежда Андреевна в Петербурге. Сняв номер в Демутовом трактире, на Невском проспекте, она отправляет по городской почте письмо Пушкину, уведомляя о своем приезде. Их знакомство состоялось 7 июня. Впоследствии Дурова вспоминала: «На другой день, в половине первого часа, карета знаменитого поэта нашего остановилась у подъезда; я покраснела, представляя себе, как он взносится с лестницы на лестницу и удивляется, не видя им конца!.. Но вот отворилась дверь <...> Входит Александр Сергеевич!.. К этим словам прибавить нечего!..» (1, с. 169).

Во время беседы издатель «Современника» с похвалою говорил о литературных достоинствах «Записок», обещал посодействовать их отдельному изданию. Пушкину затруднительно вести этот разговор — ответы собеседницы «был, пришел, увидел» приводили его в явное замешательство. Но вот гость откланивается. «Он взял мою рукопись, говоря, что отдаст ее сейчас переписывать; поблагодарил меня за честь, которую, говорил он, я делаю ему, избирая его издателем моих записок и, оканчивая обязательную речь свою, поцеловал мою руку!.. Я поспешно выхватила ее, покраснела и уже вовсе не знаю для чего сказала: „Ах, боже мой! Я так давно отвык от этого!“ На лице Александра Сергеевича не показалось и тени усмешки, но полагаю,

что дома он <...> рассказывая домашним обстоятельства первого свидания со мною, верно, смеялся от души над этим последним восклицанием» (1, с. 170).

Поэт, откланявшись, оставил Дуровой предисловие. Мемуары были озаглавлены им просто: «Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным», чем раскрывали полное имя автора. Ознакомившись с предисловием, Надежда Андреевна пришла в смятение. Тотчас Пушкину отправляется письмо, где она просит опубликовать «Записки» под фамилией «Александров», страшась, что «20 тысяч уст» прочитают ее настоящее имя. Пушкин постарался успокоить не в меру разволновавшегося «гусара» и посоветовал выступать «на поприще литературном столь же отважно», как и в прошлые, военные времена.

В предисловии же было следующее: «В 1806 году молодой мальчик по имени Александров вступил рядовым в Конно-Польский уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский Георгиевский крест и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский гусарский полк. Впоследствии перешел он в Литовский уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

По-видимому, все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однако ж это самое наделало много шума, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров была девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку хорошей дворянской фамилии оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений — и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н. А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признание женщины, столь необыкновенное; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской

сабли, владеют и пером, быстрым, живописным и пламенным...» (55, т. 7, с. 271).

Это предисловие предвляло часть записок, опубликованную во второй книге «Современника» (1836).

Ну а пока переписывалась рукопись для полного издания, поэт продолжал выказывать госте знаки внимания. Однажды он пригласил ее на обед, чтобы представить близким. Это произошло 10 июня. По дороге на Каменный остров, где Пушкины снимали дачу, поэт показал Дуровой место, где десять лет назад у Петропавловской крепости были казнены пятеро декабристов.

Обедали в узком кругу: сестры Наталья Николаевна — Александра и Екатерина, сестра поэта Ольга Сергеевна Павлицева и близкий друг Петр Александрович Плетнев. Наталья Николаевна после родов была нездорова и к гостям не выходила. Гостью принимают радушно, хозяин был особенно деликатен, стремясь снять ее несколько напряженное состояние. Затем проходят две недели ожидания. Не получая никаких известий от Александра Сергеевича и беспокоясь о судьбе своих «Записок», Дурова приезжает на дачу к поэту. Но его нет дома. Вернувшись и узнав о визите Надежды Андреевны, Пушкин тотчас же отсылает ей письмо с просьбой по всем вопросам издания сразу же адресоваться ему.

Бездейственная жизнь в столице, нетерпение начинающего автора, подозревающего, что по вине издателя дело замедлилось, заставляет Дурову обратиться к поэту еще с одним письмом, в котором она просит его «действовать без отлагательств»: «...своеручные записки мои прошу вас возвратить мне теперь же, если можно; у меня перепишут их в четыре дня, и переписанные отдам в полную вашу волю, в рассуждении перемен, которые прошу вас делать, не спрашивая моего согласия, потому что я только это и имела в виду, чтоб отдать их на суд и под покровительство таланта, которому не знаю равного» (1, с. 177). Да и цензурные затруднения издателей для Пушкина, у которого сам государь — цензор, не помеха. Верная своему нетерпеливому кавалерийскому нраву, она предлагает поэту сейчас же снести с Николаем и показать ему рукопись — «действуйте или дайте мне волю действовать: я не имею времени ждать» (1, с. 177).

В ответном послании Пушкин со всем возможным терпением объясняет, почему нельзя издать рукопись в одну-две недели (не завершена работа переписчика, цензура, поиски типографии), заверяя также о скорейшей высылке гонорара — пребывание в столице стоит недешево. Обещает в любом случае помочь Дуровой в издании полных «Записок». Но становится ясно, что чужие дела для издателя «Современника», загруженного сверх головы заботами журнальными и семейными, сейчас не под силу. «Я знаю человека, который охотно купил бы ваши записки, но, вероятно, его условия будут выгоднее для него, чем для вас. Во всяком случае, продадите ли вы их или будете печатать от себя, все хлопоты издания, корректуры и проч. извольте возложить на меня. Будьте уверены в моей преданности и ради бога не спешите осуждать мое усердие», — так уклончиво Дуровой была представлена свобода действий (55, т. 10, с. 459).

К счастью, ей удалось найти нового издателя, к тому же и родственника, Ивана Бутовского, и тем самым лишить их, по позднему признанию необычного автора-гусара, «блистательнейшего... украшения, их высшей славы — имени великого поэта!» (50, с. 402). Осенью 1836 г. книга Н. А. Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России» вышла в свет.

Отношения Надежды Андреевны с поэтом не прервались из-за неудачи пушкинского издания. Незадолго до смерти, в декабре 1836 г., Александр Сергеевич получил последнее письмо «кавалерист-девицы»:

«Милостивый государь
Александр Сергеевич,

имею честь представить вам вторую часть моих «Записок»; извините, что не сам лично вручаю вам их, но я давно уже очень болен и болен жестоко. Дела мои приняли оборот самый дурной; я было надеялся на милость царскую, потому что ему представили мою книгу; но, кажется, понадеялся напрасно: вряд ли скажут мне спасибо, не только чтоб сделать какую существенную пользу.

Простите, будьте счастливы.

Преданный слуга ваш

Александр
Александров» (50, с. 403).

Такова «милость царская». Но «спасибо» скажут ей потомки...

Так завершились «пушкинские» страницы биографии Надежды Дуровой. Издание первой книги не принесло ей ощутимых финансовых выгод. И все же она не оставляет литературного труда. На рубеже 30—40-х гг. Дурова выпустила семь произведений — повесть «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» (Спб., 1838), в которой писательница рассказала о своих встречах с Пушкиным, о том, какое горячее участие принимал великий поэт в издании ее знаменитой первой книги, роман «Гудишки» (Спб., 1839), «Добавления» к своим «Запискам» (Спб., 1839), «Повести и рассказы» (Спб., 1839), повести «Клад», «Угол» и «Ярчук, собака-духовидец» (Спб., 1840). Столь интенсивная писательская деятельность ее была отмечена в обстоятельном и почетном издании А. Смирдина «Сто русских литераторов» (1841). Это была вершина ее славы. Затем имя Надежды Дуровой исчезает из литературной жизни России.

Последние годы Надежда Андреевна проживала в городе Елабуге Казанской губернии, получая небольшое пособие из Литературного фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым).

Умерла Дурова весной 1866 г. Впоследствии о ней неоднократно вспоминали. Очерк об удивительном гусаре и писательнице был помещен в историко-литературном «женском» сериале Д. Л. Мордовцева (25, с. 320). В наши дни ее история нашла свое отражение в киносценарии А. К. Гладкова «Гусарская баллада» (1962) и на сцене стокгольмского «Сёдра театерн», где в 1985 г. состоялась премьера музыкального спектакля С. Скотта и В. Бандлер «Кавалерист-девица». Тогда шведские зрители и познакомились с удивительной судьбой замечательной дочери России, патриотки, воина и литератора.

Заключение

Интересны и по-своему трагичны судьбы русских писательниц — современниц Пушкина. Неоценим их вклад в развитие отечественной культуры. В трудное время николаевской реакции, часто не понятое обществом, наталкиваясь на «умственные плотины» царской цензуры, представительницы «слабого пола» сумели найти достойное место в литературе тех лет.

Поэтессы и беллетристки, жительницы столиц и провинции, они пробовали себя в разных литературных жанрах. Исторические исследования и поэзия, в которой поднимались вопросы, волновавшие общество, драматургия, переводы, знакомившие русских читателей с новинками западноевропейской литературы, а Западную Европу — с замечательными образцами поэзии и прозы Е. А. Баратынского, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, А. К. Толстого, Н. М. Языкова, история науки, публицистика, краеведение, критика, произведения для детей, которые учили доброте, стараясь привить молодому поколению высокие нравственно-этические нормы жизни, — вот диапазон литературных увлечений русских писательниц.

Многие из них были связаны дружескими и творческими узами с великим Пушкиным. Среди его знакомых — З. А. Волконская, Н. А. Дурова, А. П. Елагина, А. П. Зонтаг, А. О. Ишимова, К. К. Павлова, Е. А. Тимашева, А. А. Фукс. К литературному наследию и переводам Е. Б. Кульман и А. В. Зражевской Александр Сергеевич испытывал интерес. Ну а творчество самого поэта притягивало особое внимание писательниц, вызывало к жизни немало любопытных подражаний. Это лишний раз подтверждает, насколько ошибались литературные недруги поэта, предрекая в начале 30-х гг. закат его творчества. Пушкинские страницы в предложенных здесь биографиях писательниц убеждают нас, что уже в те годы было велико его значение как национального поэта.

Отношение официальной России к литературной деятельности женщин в целом было негативным. Идеи женского общественного и умственного равноправия,

поднимавшиеся в их произведениях, открыто противоречили общегосударственному принципу «благонамеренности». Вспомним при этом декабристские симпатии З. А. Волконской, А. П. Зонтаг, А. П. Елагиной, Е. П. Ростопчиной. Любопытным примером также может служить следующий случай. Осенью 1855 г. к избранию членами-корреспондентами Петербургской Академии наук была представлена группа ученых-филологов и поэтов. В списке кандидатов фигурировала и Е. П. Ростопчина (110, л. 2). Однако избраны были только представители «сильного пола» — историки и филологи А. Ф. Бычков и М. И. Сухомлинов, поэт В. Г. Бенедиктов. Вероятно, руководимая последние дни С. С. Уваровым академия припомнила поэтессе ее крамольный «Насильный брак». Напомним также, что первой женщиной, избранной в 1894 г. почетным членом академии, была «благонамеренная» и известная лишь своими археологическими исследованиями графиня П. А. Уварова (1840—1926). Другая замечательная женщина-ученый (и неплохая беллетристка) — С. В. Ковалевская — была избрана несколько раньше (в 1889 г.), но только... иностранным членом-корреспондентом, как представитель шведской (!) науки. Так относилась официальная Россия к своим талантливым гражданам.

И все же «женская литература» находила известное понимание в передовых кругах русского общества. Наставниками начинающих писательниц были такие известные деятели литературы, как Жуковский, Пушкин, Вяземский, Баратынский, Плетнев, во многом помогавшие им. Понимание и помощь находили писательницы и в Российской Академии. Здесь им предоставлялись крупные суммы денег на издание своих сочинений, разрешалось печататься в академической типографии. Именно благодаря этой помощи читатели узнали несколько действительно талантливых имен — Зражевскую, Ишимову, Кульман, Ярцову.

Упомянем также, что сочинения Зонтаг, Ишимовой и Ярцовой были отмечены Демидовскими премиями Академии наук, а З. А. Волконская, А. П. Глинка, А. П. Елагина, А. П. Зонтаг и К. К. Павлова удостоены звания членов Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Писательницы пушкинской поры оказали идейное

и творческое влияние на развитие деятельности женщин в литературе последующих поколений. И. С. Тургенев в своем критическом очерке, посвященном произведению популярной русской писательницы середины прошлого века Е. В. Салиас де Турнемир «Племянница», обращался к ее замечательной предшественнице Е. А. Ган и отмечал, что «она (Ган. — М. Ф.) осталась прекрасным... трогательным воспоминанием в памяти любителей изящного» (68, с. 476).

Интерес к этой славной литературной плеяде возник давно. Еще в 1847 г. читатели «Московского городского листка» смогли познакомиться с интересным очерком Н. И. Билевича «Русские писательницы XIX века. Пушкинский период», где назывались все упомянутые в нашей книге имена. В 1856 г., обращаясь к этому периоду, Н. И. Греч писал: «С каким удовольствием начертал бы я вам картину жизни, характера и трудов какой-либо из прежних русских писательниц! Это было бы интересно и поучительно, но — где набрать к тому материалов?.. Имена отшедших литераторов мелькают перед нами, как легкие, неосязаемые тени, а о женщинах-авторах нет и помину» (13, с. 3). Но для известного литератора и журналиста эта тема так и осталась мечтой.

В 1889 г. в Петербурге вышло обстоятельное исследование «Библиографический словарь русских писательниц» — итог почти тридцатилетней работы замечательного библиографа и историка Н. Н. Голицына. Здесь можно почерпнуть наиболее полные на то время биографические и библиографические сведения о женщинах-авторах. Немало сведений по интересующему нас вопросу можно почерпнуть и в работах С. А. Венгерова (14, 15, 16).

В конце XIX—начале XX в. к творческим биографиям наших героинь обращались Д. Л. Мордовцев, Е. С. Некрасова, Н. А. Белозерская, В. Я. Брюсов, Л. П. Гроссман, А. И. Билецкий. В последние годы вышли избранные поэтические произведения К. К. Павловой, Е. П. Ростопчиной, Н. А. Дуровой, антологии поэзии и прозы других писательниц.

Прими, дорогой читатель, эту книгу как дань памяти славных наших соотечественниц, вошедших в историю литературы как писательницы пушкинской поры.

Литература и источники

1. *Абрамович С.* Пушкин. Трудные дни. Из хроники 1836 года // Звезда. 1987. № 1. С. 156—179; № 2. С. 21—53.
2. *Анненков П. В.* Воспоминания и критические очерки. СПб., 1877.
3. *Бабушкина А. П.* История русской детской литературы. М.: Учпедгиз, 1948.
4. *Бальзак О.* Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта. СПб., 1835.
5. *Бальзак О.* Собр. соч.: В 24 т. М.: Художественная литература, 1960. Т. 20.
6. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во Академии наук, 1953—1959.
7. *Белинский В. Г., Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А.* О детской литературе: [Сб. ст.] / Сост. и примеч. С. Шиллегодского. М.: Детгиз, 1954.
8. *Белозерская Н. А.* Княгиня З. А. Волконская // Исторический вестник. 1897. № 3. С. 939—972; № 4. С. 131—164.
9. *Билецкий О. І.* До питання про вплив Пушкіна на Російську літературу: Пушкін і російські письменники 1830—1860 рр. // О. С. Пушкін: Статті та матеріали. Київ: Видавництво Академії наук УРСР, 1938.
10. В дєбрях севера: Русские писатели XVIII—XIX веков о земле Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983.
11. *Вацууро В. Э.* «Северные цветы»: история альманаха Дельвига—Пушкина. М.: Книга, 1978.
12. *Вацууро В. Э., Гиллельсон М. И.* Сквозь «умственные платины». М.: Книга, 1986.
13. *Вацууро В. Э.* Жизнь и поэзия Надежды Тепловой. Рукопись.
14. *Венгеров С. А.* Источники Словаря русских писателей: В 4 т. СПб., 1910. Т. 2.
15. *Венгеров С. А.* Источники Словаря русских писателей: В 4 т. Пг., 1914. Т. 3.
16. *Венгеров С. А.* Источники Словаря русских писателей: В 4 т. Пг., 1917. Т. 4.
17. *Гроссгейрих К. Е.* Кульман и ее стихотворения. СПб., 1849.
18. *Гроссман Л.* Вторник у Каролины Павловой: Сцены из жизни московских салонов 40-х годов. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1922.
19. *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889.
20. Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века. М.: Современник, 1987.
21. *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1950—1952.

22. *Дурьлин С.* Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. 1932. № 4/6. С. 281—285.
23. *Дурьлин С.* Пушкин и Кульман // 30 дней. 1937, № 2. С. 83—86.
24. *Желвакова И. А.* Улица Горького, 14. М.: Московский рабочий, 1987.
25. История русской литературы XIX века: Библиографический указатель. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1962.
26. *Ишимова А.* История России в рассказах для детей. Спб., 1836. Ч. 1, 2.
27. *Квасов Д. Д.* Письма Пушкина к А. О. Ишимовой // Проблемы современного пушкиноведения: Межвузовский сб. научных трудов. Л., 1986. С. 78—85.
28. *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1864.
29. *Козлов И. И.* Избранные стихотворения. М.: Детская литература, 1987.
30. *Комиссаров Б. Н.* Петербург — Рио-де-Жанейро: Становление отношений 1808—1828. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987.
31. *Крюкова О.* Донец: Повесть в стихах. М., 1833.
32. *Кульман Е. Б.* Полн. собр. русских, немецких и итальянских стихотворений: Пиитические опыты. Спб., 1839. Ч. 1—3.
33. [Б/ш] Е. Кульман // Русские люди: Жизнеописания соотечественников, прославившихся своими деяниями на поприще науки, добра и общественной пользы. Спб.; М., 1866. С. 54—83.
34. *Кюгельбекер В. К.* Дневник. Л.: Прибой, 1929.
35. *Лёве Е. А.* Первая в России нефилологичка // Записки Нефилологического общества при Петербургском университете. 1915. Вып. 8. С. 211—257.
36. *Лисицына М.* Стихи и проза: 1826—1829. М., 1829.
37. Литературное наследство. М., 1952. Т. 58.
38. Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX века /Ред., вступ. статья и прим. Н. Л. Бродского. М.; Л.: Academia, 1930.
39. Материалы по истории русской детской литературы (1750—1855). М.: Институт методов внешкольной работы, 1927. Вып. 1.
40. *Мезенин Н. А.* Лауреаты Демидовских премий. Л.: Наука, 1987.
41. *Мордовцев Д. Л.* Русские женщины нового времени: Женщины девятнадцатого века. Спб., 1874.
42. *Мунт-Валуева А. П.* Не от мира сего: Из жизни Е. Кульман. Спб., 1892.
43. *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 4.
44. *Некрасова Е. С. Е. Б. Кульман: Биография* // Исторический вестник. 1886. № 12. С. 551—579.
45. *Никигин А. Г.* Пушкин и Урал: По следам находок и утрат. Пермь: Кн. изд-во, 1984.
46. *Павлова К. К.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Советский писатель, 1939.
47. *Павлова Каролина.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1964.

48. Павлова Каролина. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1985.
49. Памяти Глинки. 1857—1957.: Исследования и материалы. М.: Музыка, 1958.
50. Петербургские встречи Пушкина. Л.: Лениздат, 1987.
51. Под знаменем науки: Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженка, изданный его учениками и почитателями. М., 1902.
52. Поэты пушкинского круга. М.: Правда, 1983.
53. Поэты 1840—1850-х годов. Л.: Советский писатель, 1972.
54. Пушкин и его современники. Спб., 1910. Вып. 9—10.
55. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука, 1977—1979.
56. Пушкин: Исследования и материалы: В 12 т. Л.: Наука, 1978. Т. 8.
57. Рангоф Б. К. Павлова: Материалы для изучения жизни и творчества. Пг.: Трирема, 1916.
58. Ростопчина Е. Стихотворения. Спб., 1841.
59. Ростопчина Евдокия. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1986.
60. Ростопчина Е. П. Талисман: Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания. М.: Московский рабочий, 1987.
61. Русский биографический словарь. Яблонский — Оомин. Спб., 1913.
62. Русский биографический словарь: Жабокритский — Зяловский. Пг., 1916.
63. Русские поэтессы XIX века. М.: Советская Россия, 1979.
64. Современник, литературный журнал Пушкина. М.: Книга, 1987. Ч. 1—4.
65. Татарченко Н. Д. Пушкин и неистовые романтики // Из истории русской и зарубежной литературы XI—XX вв. Сб. ст. Кемерово, 1973. С. 58—77.
66. Толль Ф. Наша детская литература. Спб., 1862.
67. Трофимов И. Т. Поиски и находки в московских архивах. М.: Московский рабочий, 1979.
68. Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. М.: Наука, 1980. Т. 4.
69. Фомичев С. А. Екатерина Тимашева — поэтесса пушкинской плеяды // Временник пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1989. Вып. 23. С. 152—157.
70. Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. М.: Знание, 1987.
71. Фунге Э. Стрега. Спб., 1834.
72. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Гослитиздат, 1939—1953.
73. Эйдельман Н. Я. Уход // Новый мир. 1987. № 1. С. 98—125.
74. Языков Н. М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1964.
75. Balzac, H. de. Correspondence. Texte reunis, classes et annotes par Roger Pierrot. T. 1—5. Paris: Hachette, 1966. T. 4.
76. Библиотека для чтения. 1836. Т. 18. Кн. 1. Отд. 1.
77. Всемирная иллюстрация. 1881. Т. 25. № 644.
78. Дамский журнал. 1827. Ч. 17.
79. Дамский журнал. 1833. Ч. 42, 44.

80. День. 1864. № 13.
81. Исторический вестник. 1897. № 3, 4.
82. Лучи. 1853. № 3, 5, 6.
83. Маяк. 1842. Т. 1.
84. Москвитянин. 1842. Ч. 5.
85. Московский наблюдатель. 1836. Ч. 8.
86. Московский телеграф. 1832. Ч. 48. № 24.
87. Наука и жизнь. 1987. № 12.
88. Правительственный вестник. 1904. № 96, 100, 105, 119, 133, 134.
89. Русская старина. 1881. Сент.
90. Русская старина. 1893. Июнь. С. 551—567.
91. Русская старина. 1904. Июнь, июль.
92. Русский архив. 1865. Вып. 7.
93. Русский архив. 1872. № 6.
94. Русский архив. 1873. Кн. 1. № 1.
95. Русский архив. 1877. Т. 2.
96. Русский вестник. 1841. Кн. 3. № 9. С. 717.
97. Саратовские губернские ведомости. 1881. № 80, 81.
98. Северная пчела. 1836. № 46.
99. Северная пчела. 1840. № 3.
100. Современник. 1838. Т. 9, 10.
101. Телескоп. 1831. Ч. 3. № 9.
102. Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. 1827. Ч. 3. Кн. 2.
103. Архив Академии наук СССР, ф. 8, оп. 1, д. 37.
104. Там же, д. 40.
105. Там же, оп. 3—1835, д. 53.
106. Там же, оп. 3—1836, д. 38.
107. Там же, д. 89.
108. Там же, д. 111.
109. Там же, оп. 3—1840, д. 26.
110. Там же, ф. 9, оп. 1, д. 191.
111. Там же, ф. 216, оп. 3, д. 78.
112. Там же, р. IV, оп. В, д. 2409.
113. Отдел рукописей и редкой книги Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 85, Богушевич Ю. М., д. 50.
114. Там же, ф. 167, Вяземский П. А., д. 20.
115. Там же, ф. 236, Данилевский Г. П., д. 70.
116. Там же, ф. 291, Загоскин М. Н., д. 87.
117. Там же, ф. 539, Одоевский В. Ф., оп. 2, д. 953.
118. Там же, ф. 608, Помяловский И. В., д. 4989.
119. Там же, ф. 850, Шевырев С. П., д. 61.
120. Там же, д. 74.
121. Там же, д. 170.
122. Там же, д. 632.
123. Там же. Итал. Q XIV. 31.
124. Там же. Нем. Q XIV. 65.
125. Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 231/II.13.29.
126. Там же, ф. 438.3.16.
127. Там же, Дост./II.5.39.
128. Там же, Елаг. 13.10.
129. Там же, 17.16.

130. Там же, 17.61.
131. Там же, 17.65.
132. Там же, Пог./П.13.29.
133. Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, ф. 34, д. 484.
134. Там же, ф. 234, оп. 1, д. 121.
135. Там же, оп. 3, д. 255.
136. Там же, ф. 273, оп. 2, д. 10.
137. Там же, ф. 274, оп. 3, д. 181.
138. Там же, ф. 357, оп. 2, д. 319.
139. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 141, оп. 1, д. 576.
140. Там же, ф. 195, оп. 1, д. 1971.
141. Там же, д. 6091.
142. Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 772, оп. 1, д. 817.
143. Там же, д. 1462.
144. Там же, д. 2799.

Именной указатель

- Абрамов П. А. 9, 11, 13, 16
Аксаков И. С. 110
Аксаков К. С. 110
Аладьина Е. В. 4
Александр I 43, 65
Александр II 39, 56, 62, 98, 101—102
Александр Невский 47
Александра Федоровна, имп. 27
Александров А. А. см. Дурова Н. А.
Алексей Михайлович, царь 48
Алмазов Б. Н. 95
Альфьери В. 13
Анакреон 9, 10, 23, 72
Андреева Е. Г. 4, 62
Анненков П. В. 79
Апехтин А. И. 147
Апехтина А. А. см. Фукс А. А.
Аракчеев А. А. 43, 92
Ариосто Л. 13, 72
Армфельдт А. О. 63
Арцыбашева А. Н. 4, 147
Аршиак О. д' 51
Астахов 154
- Бабушкина А. П. 42
Байрон Дж. 14, 72, 79, 83, 117
Бакунина В. И. 125, 128, 134, 136
Бальзак О. 38, 41, 83, 126—134
Бандлер В. 160
Баратынский Е. А. 62, 64, 69, 78, 79, 81, 82, 88, 89, 105, 107, 109, 110, 147, 148, 162
Бартнев П. И. 40, 41, 55, 62
Бартнев Ю. Н. 143, 146
Батюшков К. Н. 16, 84
Беер А. А. 120
Бездольная Е. 4, 139
Бекетова Н. А. 41
Белинский В. Г. 3, 20, 22, 34, 42, 44, 48, 49, 93, 97, 108, 155
- Белозерская Н. А. 82, 163
Белосельские-Белозерские 69, 76
Белосельский-Белозерский М. А. 64
Бенедиктов В. Г. 162
Бенкендорф А. Х. 74
Берг Н. В. 95
Беркен А. 32
Бертен А. 32
Бессонов Б. Л. 5
Билевич Н. И. 163
Билецкий А. И. 163
Бичурин Н. Я. 73
Бланшар П. 32
Бобров Е. А. 147
Богушевич Ю. М. 54
Боливар С. 117, 135
Боровиковский В. Л. 82
Брандт А. В. 48
Брокгауз Ф. А. 140
Бруни Ф. А. 66, 78, 82
Брюллов К. П. 66, 78
Брюсов В. Я. 113, 163
Булгарин Ф. Б. 54, 92, 95, 136, 143
Бунин И. А. 26
Бунина А. П. 26
Бунина В. А. 26
Бунина М. Г. 26
Бурачок С. А. 135
Бурбоны 65, 84
Бурнашева Е. П. 16, 23
Бычков А. Ф. 162
Бэрболд А.-Л. 45
Бюффон Ж.-Л. 138
- Васильев 130
Вацуро В. Э. 5
Вега Карльо Л. Ф. де 14
Вельяминов И. А. 46
Венгеров С. А. 163
Веневитинов Д. В. 62, 63, 69, 70, 76, 79, 82, 104

- Веневитинова А. Н. 76
 Вережкина Т. 62
 Верне Г. 66
 Вернер А. Д. 53
 Вигель Ф. Ф. 29
 Внелгорские 91
 Внелгорский М. И. 78
 Виноградов Ю. А. 5
 Висс Й. 58
 Водовозов В. И. 48
 Воейков А. Ф. 103
 Волконская Э. А. 4, 5, 63—83,
 104, 105, 136, 154, 161, 162
 Волконская М. Н. 73, 79
 Волконский А. Н. 74
 Волконский Н. Г. 65
 Вольтер М.-Ф. 13, 64, 65
 Воронцов М. С. 29
 Востоков А. Х. 19, 46
 Второв И. А. 147, 149
 Вяземский П. А. 45, 56, 62, 65,
 69, 72, 76, 78, 79, 82, 83, 91,
 104, 105, 115, 126, 132, 144,
 145, 162
 Гаевский В. П. 57
 Гальберг С. 66
 Ган Е. А. 136, 163
 Ганзбург Г. И. 22
 Ганская Э. 133
 Гаррис М. А. 82
 Гауф В. 36
 Геккери Л.-Б. де Беверваард
 51
 Геллерт К.-Ф. 13
 Гердер И.-Г. 13, 138
 Герцен А. И. 25, 103, 110
 Гесиод 9
 Гесснер С. 13
 Гёте И.-В. 11, 13, 64, 83
 Гизо Ф.-П. 32, 33
 Гладков А. К. 160
 Глинка А. П. 4, 137
 Глинка М. И. 76, 78, 81, 91
 Глинка Н. С. 119
 Гнедич Н. И. 29
 Гоголь Н. В. 54, 55, 77—79, 81,
 95, 110, 126
 Голицын А. Н. 92
 Голицын Д. Н. 87
 Голицын Н. Н. 134, 163
 Гомер 9, 10, 21, 37
 Гончарова А. Н. 158
 Гончарова Е. Н. 158
 Городчанинов Г. Н. 147
 Готовцева А. И. 5, 138, 143—
 146
 Грановский Т. Н. 110
 Греч Н. И. 54, 136, 163
 Григорий XVI, папа 80
 Григорович Д. В. 95, 110
 Гримм В. 13, 15
 Гримм Я. 13, 15
 Гроссгейнрих К.-Ф. 8—14, 16—
 24
 Гроссман Л. П. 82, 163
 Грот Я. К. 45, 53, 55, 57
 Гумбольдт А. 59, 64, 105, 107,
 147
 Гутмансталь 36
 Гюго В. 38
 Давыдов Д. В. 62, 92
 Давыдов И. И. 39
 Даль В. И. 34
 Данилевский Г. П. 54
 Данковская М. 137
 Данте А. 13, 21
 Дантес Ж. 51
 Дапченко В. Т. 133
 Даргомыжская М. Б. 4, 61
 Даргомыжский А. С. 61
 Дельвиг А. А. 145
 Державин Г. Р. 16, 58, 59
 Державина Д. А. 59, 61
 Джусиниани Дж. 22
 Дидро Д. 64
 Диккенс Ч. 40
 Дмитриев И. И. 16, 21, 27
 Дмитриев М. А. 95
 Дмитрий Донской 47
 Добролюбов Н. А. 34, 55, 56,
 100
 Долгорукий А. А. 151
 Достоевский Ф. М. 56, 57
 Дроз Ж. 44
 Дурново П. Д. 76
 Дуров В. А. 155
 Дурова Н. А. 4, 5, 136, 154—
 161, 163
 Дурылин С. Н. 23
 Дюма А. 104
 Екатерина II 47
 Елагина А. П. 4, 26, 35—37,
 62—64, 105, 162
 Елепа Павловна, всл. кн. 27

- Ермолов А. П. 98—100
 Эршов П. П. 25
- Жадовская Ю. Б. 144
 Жанлис С.-Ф. 27
 Жирарден Д. 126
 Жмакин П. 152
 Жукова М. С. 136
 Жуковский В. А. 15, 21, 25—
 33, 36, 37, 39—42, 45, 47, 52,
 55, 56, 62, 63, 69, 78, 79, 81,
 83, 84, 88, 89, 91, 92, 104,
 118, 125, 126, 129, 162
- Загоскин М. Н. 95, 133, 135,
 152
 Загряжские 114
 Зильберштейн И. С. 82
 Зонтаг А. П. 4, 5, 26—41, 53,
 61, 162
 Зонтаг Е. В. 28, 29, 35, 36
 Зонтаг М. Е. 36
 Зражевская А. В. 4, 5, 61,
 125—137, 162
- Ибрагимов Л. Н. 147
 Иванов А. А. 78
 Измайлов В. В. 144
 Иогель П. А. 83
 Ишимова А. О. 4, 5, 36, 37,
 42—57, 61, 136, 162
- Казначеева В. Д. 29
 Кальдерон де ла Барка П. 14
 Каменев Г. П. 147, 148
 Камонс Л. 15, 21
 Кампанари В. 81
 Кампанари Н. В. 81
 Кампе И.-Г. 32
 Канова А. 66
 Карабанов В. 24
 Карамзин Н. М. 16, 27, 45, 46,
 49, 68, 83, 88
 Карамзины 93
 Каталани А. 73
 Катков М. Н. 103
 Квитко Г. Ф. 53
 Кеплер И. 59
 Килгур 81
 Киндякова Е. П. 115
 Кипренский О. А. 78, 82
- Киреевский И. В. 4, 26, 63, 64,
 69, 70, 89, 108, 110, 124, 145
 Киреевский П. В. 26, 34, 41, 63,
 64, 69, 70, 110
 Киселевский П. 147
 Ковалевская С. В. 162
 Козлов И. И. 62, 69—71, 82
 Козловский П. Б. 68
 Кони И. С. 4
 Коновницына 74
 Коперник Н. 59
 Коринна 12
 Корнель П. 13, 85
 Корнилова А. И. см. Готовце-
 ва А. И.
 Корсаков П. А. 129, 135
 Костылев А. Н. 53, 54
 Коцебу А. 27
 Кошелев А. И. 63, 70, 103
 Краевский А. А. 121
 Красношапкин 20
 Кричевская Л. Я. 4, 138
 Крузенштерн И. Ф. 58
 Крылов И. А. 16, 52, 88, 126
 Крюкова О. П. 4, 5, 62, 138—
 142
 Кукольник Н. В. 95
 Кульман А. Б. 6
 Кульман Б. Ф. 6
 Кульман Е. Б. 5, 6—24, 55,
 136, 162
 Кульман Н. Б. 7
 Кульман П. Б. 6
 Купер Ф. 44—46
 Кутузов М. И. 99
 Кюхельбекер В. К. 20, 21, 62
- Лабедойер Ш.-А. 65
 Лагарп Ф. 64
 Лангсдорф Г. И. 28, 29
 Лафонтен Ж. де 13
 Лебедев М. И. 78
 Лебедская Е. 4
 Левшин В. А. 15, 35
 Лёве Е. А. 23
 Лермонтов М. Ю. 84, 93, 94,
 98, 109
 Лиммерман В. 81, 82
 Лисицын А. В. 122
 Лисицына М. А. 5, 118, 122—
 124
 Лист Ф. 91
 Лобанов М. Е. 131
 Лобанов-Ростовский И. А. 115

- Лобачевский Н. И. 153
 Логинова М. 62
 Ломоносов М. В. 16, 59
 Лопе де Вега Ф. см. Вега
 Карпыо Л. Ф. де
 Лунин М. С. 117
 Львов Н. А. 38
- Макаров М. Н. 138
 Максимович М. А. 34, 39, 63,
 118, 120
 Мальцов С. С. 63
 Манозл Ф. 14
 Мария Николаевна, вел. кн. 27
 Мармонтель Ж. 138
 Мартынов И. И. 9, 19
 Матиссен Р. 13
 Медер П. И. 9, 13
 Мельгунов М. А. 70
 Мержан А. 67
 Мериме П. 78
 Местр К. де 79
 Миклашевич В. С. 4
 Миллер О. Ф. 57
 Миллер Ф. П. 142
 Миллер 42
 Мильвуа Ш. 84
 Милькеев Е. Л. 111
 Мильтон Дж. 14
 Михаил Павлович, вел. кн. 27
 Мицкевич А. 69, 71, 73, 78, 82,
 83, 104—106
 Мольер Ж. 69, 83
 Мордовцев Д. Л. 82, 160, 163
 Морозов Б. И. 48
 Мыльников А. С. 5
 Мюссе А. де 83
 Мясоедов Г. Г. 104
- Надеждин Н. И. 75
 Наполеон I Бонапарт 15, 28,
 60, 65
 Нащокин П. В. 110
 Некрасов Н. А. 25
 Некрасова Е. С. 163
 Немпилова З. Я. 57
 Никитенко А. В. 6, 20, 93, 133
 Николаев А. С. 41
 Николай I 4, 27, 45, 52, 56, 73,
 77, 84, 95, 97, 98, 101, 102,
 158
 Новиков Н. И. 35
 Нодье Ш. 132
- Огарев Н. П. 25, 84, 103, 111
 Одоевский В. Ф. 25, 45, 53, 59,
 63, 69, 91, 92
 Озеров В. А. 16
 Озюбинин Д. П. 147
 Ольга Николаевна, вел. кн. 27
 Онегин—Отто А. Ф. 92
 Оссиан 14
 Островский А. Н. 95
- Павлицева О. С. 158
 Павлов Н. Ф. 74, 110, 111
 Павлова К. К. 4, 5, 63, 64,
 104—114, 136, 161, 162
 Павсаний 12
 Паевская А. В. 133
 Панаев В. И. 46
 Пашков И. А. 83
 Перро Ш. 15
 Перцов Э. П. 147, 152
 Петерсон А. П. 63
 Петр I 15, 47, 135
 Петрарка Ф. 13
 Пиндар 9, 12
 Пирогов Н. И. 100
 Писарев А. А. 70
 Писемский А. Ф. 95
 Плетнев П. А. 32, 34—40, 45,
 48—50, 53, 56, 91, 92, 133,
 135, 158, 162
 Плетнева О. П. 45
 Погодин М. П. 67, 69, 75, 88,
 93, 133, 136
 Полевой Н. А. 44, 46, 49, 117,
 118, 144
 Полонский Я. П. 40, 95, 110
 Пранди Ф. 135
 Проктер Б.-П. 50, 51
 Протасова Е. А. 26
 Птоломей I 13
 Путятин Е. В. 56
 Пушкин А. С. 3, 15, 16, 21, 22,
 25, 30, 34, 37, 45, 47, 49—51,
 55—56, 58, 62, 63, 68, 69, 72,
 73, 76, 77, 79, 81—84, 87—89,
 91—93, 98, 104, 105, 107, 109,
 110, 115—118, 120, 126, 131,
 132, 140, 143—159, 161, 162
 Пушкина Н. Н. 87, 88, 158
- Раич С. Е. 29, 75, 83, 143
 Рашгоф Б. 113
 Расин Ж. 13, 65, 84
 Риччи М. 69

Рожалин Н. М. 63
Рокотов Ф. С. 82
Россини Дж. 65, 69
Ростопчин А. Ф. 88
Ростопчина Е. П. 4, 5, 64, 83—
104, 115, 162
Ростопчина Л. А. 92
Рубцова Г. В. 134
Рудыковский Е. П. 95
Румянцев П. А. 6
Рылеев К. Ф. 85, 119
Рындовский Ф. М. 147

Салиас де Турнемир Е. В. 95,
163

Самарин И. В. 95
Сегюр С. де 103
Семенов-Тянь-Шанский П. П. 26
Сенковский О. И. 54, 136
Скотт В. 31
Скотт С. 161
Смирдин А. Ф. 32, 44, 46
Соболевский С. А. 63, 69, 70,
72, 91
Соллогуб А. В. 91
Софокл 9
Сперанский М. М. 61, 147
Сталь де А. Ж. 78, 83
Станкевич Н. В. 120
Суворов А. В. 6
Сухомлинов М. И. 162
Сушков С. П. 85
Супшкова Е. П. см. Ростопчи-
на Е. П.

Тассо Т. 8, 13, 21
Теплова Н. С. 5, 62, 118—122,
124
Теплова С. С. 5, 118, 119, 122,
123
Терюхина Н. С. см. Теплова
Н. С.
Тимашев Е. Н. 114
Тимашева Е. А. 5, 92, 114—
118, 154
Тимофеев А. В. 20
Титов В. П. 63
Толль Ф. Г. 41, 48
Толстой А. К. 112
Толстой Л. Н. 95
Томашевский Б. В. 145
Торвальдсен Б. 66
Тремадюр Р. 135
Трискорни А. 18

Трофимов И. Т. 82
Туманский В. И. 29
Тур Е. см. Салиас де Турне-
мир Е. В.
Тургенев А. И. 66, 83, 88, 89,
91
Тургенев И. С. 45, 110, 163
Тютчева Е. 61

Уваров С. С. 38, 129—131, 162
Уварова П. А. 162
Утин Б. И. 112

Федоров Б. М. 46
Фет А. А. 110
Фок М. Я. 73
Фомина Ю. В. 57
Фомичев С. А. 5
Фосс И.-Г. 13
Фридкин В. М. 82, 114
Фролова—Багреева Е. М. 4, 61
Фуине Э. 139
Фукс А. А. 4, 55, 61, 138, 147—
154, 161
Фукс К. Ф. 147—153
Фурман П. Р. 53

Хвостов Д. И. 62
Хомяков А. С. 103
Храповицкая М. В. 84

Цветаева М. И. 113

Чаадаев П. Я. 30, 63, 69, 77,
84, 104
Чернышевский Н. Г. 25, 34,
59, 103
Чимароза Д. 69
Чулков М. Д. 15

Шаликов П. И. 62, 69, 70, 139,
140, 142, 151
Шампаньяк Ж.-Б. 134
Шаповалов И. С. 79
Шатобриан Ф.-Р. 13, 66, 138
Шевырев С. П. 53—55, 59, 63,
69, 70, 74, 76, 80
Шекспир В. 14, 21, 72, 83.
Шенье А. 84

- Шиллер Ф. 13, 83
Ширинский-Шихматов П. А.
19, 39
Шишкина О. П. 135, 136
Шипков А. С. 19, 44, 46, 58,
67, 129—131
Шлецер А.-Л. 68
Шпревиц Д. И. 118
Шуман Р. 22
Шумлянская Г. П. 138
- Щебальский П. К. 103
Щеголев М. Е. 81
Щедрин С. Ф. 66
Щепкин М. С. 95
Щербина Н. Ф. 95
- Эдельсон Е. Н. 95
Эджуорд М. 33
- Эйкин Л. 45
Энгельгард Л. Н. 148
Эрсилья де Суньига А. 14
Эсхил 21
Эфрон И. А. 140
- Юнг Э. 14
Юшкова А. П. см. Зонтаг
А. П.
Юшковы 26
- Языков Д. И. 129—131
Языков Н. М. 52, 62, 63, 69,
105, 107, 109, 148
Яниш К. И. 104
Яниш К. К. см. Павлова К. К.
Ярцов А. С. 58
Ярцова Л. А. 4, 5, 57—61, 162

Содержание

Предисловие	3
«Ее поэзия любила...» (Е. Б. Кульман)	6
Наставницы юных (А. П. Зонтаг, А. О. Ишимова, Л. А. Ярцова)	25
Московский Парнас (З. А. Волконская, Е. П. Ростопчина, К. К. Павлова, Е. А. Тимашева, Н. С. и С. С. Теп- ловы, М. А. Лисицына)	62
Литературная мятежница (А. В. Зражевская)	125
Вдали от столиц (О. П. Крюкова, А. И. Готовцева, А. А. Фукс)	138
Сотрудница пушкинского «Современника» (Н. А. Дурова)	154
Заключение	161
Литература и источники	164
Именной указатель	169

Научно-популярные издания

Файнштейн

Михаил Шмилевич

**ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ**

Историко-литературные очерки

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии
научно-популярных изданий*

Редактор издательства В. П. Иванова
Художник Е. В. Кудина
Технический редактор М. Э. Карлайтис
Корректоры С. В. Добрянская и
К. С. Фридлянд

Сдано в набор 23.01.89.
Подписано к печати 23.06.89.
М-36309. Формат 84 × 108²/₃₂.
Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 9.66. Усл. кр.-от. 9.91.
Уч.-изд. л. 9.7. Тираж 100 000 (1-й завод 1—50 000 экз.).
Тип. зак. № 1223. Цена 45 коп.

ИБ № 44266

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Е. Б. Кузьман (1880-е гг.)

А. П. Зонтаг (начало 1860-х гг.)

А. О. Ишимова (конец 1870-х гг.)

З. А. Волконская (1820-е гг.)

Е. П. Ростопчина (1840-е гг.)

К. К. Павлова (конец 1820-х гг.)

А. А. Фукс (1830-е гг.)

Н. А. Дурова (1830-е гг.)

« НАУКА »

ПУШКИНСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗВЕСТЕН НЕ ОДНИМИ ЛИШЬ МУЖСКИМИ ИМЕНАМИ. ЕЛИЗАВЕТА КУЛЬМАН И АННА ЗОНТАГ, АЛЕКСАНДРА ИШИМОВА И ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ, НАДЕЖДА ТЕПЛОВА И ЕВДОКИЯ РОСТОПЧИНА, АЛЕКСАНДРА ФУКС И НАДЕЖДА ДУРОВА – ИХ ТАЛАНТОМ И УМОМ ВОСХИЩАЛИСЬ СОВРЕМЕННОКИ. ЖЕНЩИНАМ-ЛИТЕРАТОРАМ ТОЙ СЛАВНОЙ ПОРЫ И ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА.

Пушкинский кабинет ИРЛИ